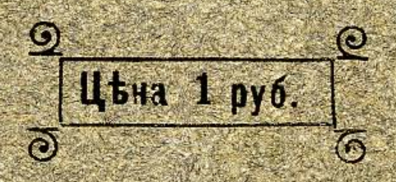

А. В. БѢЛЕЦКІЙ. Историческій обзоръ дѣятельности Виленскаго учебнаго округа.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ

ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

ВИЛЕНСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА

за первый періодъ его существованія.

1803 г.—1832 г.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Учебныя заведенія Витебской и Могилевской губерній

въ 1803—1832 г. г.

СОСТАВИЛЪ

А. Бѣлецкій.

(За смертью автора не оконченъ).

ВИЛЬНА.

Типографія А. Г. Сыркина, Большая ул., собств. д.

1908.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ

ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

ВИЛЕНСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.

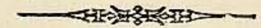
1803 г. $\frac{24}{I}$ 1903 г.

Подъ общей редакціей помощника попечителя Виленскаго учебнаго округа А. В. Бѣлецкаго.

Въ трехъ частяхъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ

ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

ВИЛЕНСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА

за первый періодъ его существованія.

1803 г.—1832 г.

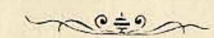
ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Уѣздныя заведенія Витебской и Могилевской губерній

въ 1803—1832 г. г.

СОСТАВИЛЪ

А. Бѣлецкій.

ВИЛЬНА

Типографія **А. Г. Сыркина,** Большая улица, собствен. домъ.

1906.

От̌ъ автора.

III отдѣлъ первой части историческаго обзора дѣятельности Управленія Виленскаго Учебнаго Округа является необходимымъ дополненіемъ первыхъ двухъ отдѣловъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ вступленіемъ къ послѣдующимъ томамъ обзора.

Указомъ 24 Января 1803 г. учебныя заведенія Витебской и Могилевской губерній подчинены были вѣдѣнію Императорскаго Виленскаго Университета на одинаковыхъ основаніяхъ съ учебными заведеніями всѣхъ другихъ губерній Округа, безъ всякихъ изъятій и ограниченій. Соотвѣтственно этому Виленскій Университетъ, принявъ въ свое вѣдѣніе учебныя заведенія Бѣлоруссіи, какъ назывались въ правительственныхъ актахъ 2 половины XVIII и начала XIX в. Могилевская и Витебская губерніи, призналъ нужнымъ распространить и на эти учебныя заведенія дѣйствіе устава Императорскаго Виленскаго Университета и училищъ его округа, Высочайше утвержденнаго 18 Мая 1803 г. Но привести это рѣшеніе въ

исполненіе Университету удалось лишь въ незначительной степени.

Іезуиты, въ вѣдѣніи которыхъ находилось тогда большинство свѣтскихъ учебныхъ заведеній изъ числа состоявшихъ въ вѣдѣніи римско-католическаго духовенства, не обнаружили ни малѣйшаго желанія подчинить состоявшія при ихъ кляшторахъ учебныя заведенія Университету, и послѣ длинной горячей борьбы имъ удалось поставить свои училища въ независимое отъ Университета положеніе. Другіе монашескіе ордена, содержавшіе свѣтскія училища, не вступали въ открытую борьбу съ Университетомъ, но все же Университету не удалось подчинить ихъ своему вліянію въ той мѣрѣ, какая представлялась ему желательной, а въ 20 годахъ зависимость этихъ училищъ отъ Университета стала скорѣе номинальной, чѣмъ дѣйствительной.

Что касается поступившихъ въ вѣдѣніе Университета народныхъ училищъ Бѣлоруссіи, созданныхъ Императрицей Екатериной II, то въ силу обстоятельствъ, отъ Университета независѣвшихъ, онъ долженъ былъ преобразовать эти училища не на основаніи устава 18 Мая 1803 г., а на основаніи устава 5

ноября 1804 г., т. е. устава, дѣйствовавшаго во внутреннихъ губерніяхъ Россіи, съ тѣмъ лишь отступленіемъ отъ указаннато устава, что наравнѣ съ русскимъ языкомъ признанъ былъ языкомъ преподаванія и польскій языкъ. Однакожъ и при такомъ оборотѣ дѣла Университетъ не отказался отъ мысли сблизить Бѣлорусскія учебныя заведенія по своему внутреннему строю съ учебными заведеніями другихъ губерній Округа и мало по малу превратить ихъ въ школы польскія. До 1817 года Университетъ успѣшно работалъ въ этомъ направленіи. Въ этомъ году нанесенъ былъ первый ударъ далеко зашедшему уже дѣлу полонизаціи учебныхъ заведеній Бѣлоруссіи. Спустя 7 лѣтъ учебныя заведенія Бѣлоруссіи изъяты были изъ вѣдѣнія Виленскаго Университета и причислены къ Петербургскому Учебному Округу.

Этотъ очеркъ хода и развитія жизни учебныхъ заведеній Бѣлоруссіи, какъ ни кратокъ онъ, указываетъ, что Виленскій Университетъ, управляя означенными заведеніями, поставленъ былъ въ необходимость дѣйствовать по отношенію къ нимъ иначе, чѣмъ онъ дѣйствовалъ по отношенію къ прочимъ учебнымъ заведеніямъ Округа.

Этимъ и объясняется, почему описаніе хода и развитія жизни учебныхъ заведеній Бѣлоруссіи подъ управленіемъ Виленскаго Университета (1803—1824 г. г.) составило предметъ особаго очерка.

Учебныя заведенія Витебской и Могилевской губерній были изъяты изъ вѣдѣнія Виленскаго Университета въ силу того, что созданная Университетомъ система организаціи учебныхъ заведеній и постановки учебнаго въ нихъ дѣла оказались несоотвѣтствующими нуждамъ и интересамъ Россіи. Поэтому естественно, что тотчасъ по передачѣ учебныхъ заведеній Бѣлоруссіи въ вѣдѣніе Петербургскаго Университета возбужденъ былъ вопросъ о преобразованіи ихъ. По тщательномъ обсужденіи этого вопроса, въ 1828 году вполнѣ опредѣлился характеръ преобразованія учебныхъ заведеній въ Бѣлоруссіи. А что-бы это преобразованіе совершилось въ полномъ соотвѣтствіи видамъ правительства и подъ руководствомъ опытнаго въ учебномъ дѣлѣ лица, учебныя заведенія Витебской и Могилевской губерній образовали особый учебный Округъ, названный Бѣлорусскимъ. Съ 1829 года приступлено уже было къ преобразованію учебныхъ заведеній Бѣлоруссіи.

Но едва лишь положено было начало этому серьезному дѣлу, какъ правительство, особенно въ виду польскаго мятежа 1830 г., пришло къ мысли, что учебныя заведенія всей Западной Россіи не менѣе нуждаются въ полномъ преобразованіи, чѣмъ учебныя заведенія Бѣлоруссіи. Въ сознаніи этого, между прочимъ признано было нужнымъ расширить предѣлы Бѣлорусскаго Округа присоединеніемъ къ нему въ 1831 г. учебныхъ заведеній Минской губерніи, а въ 1832 г. учебныхъ заведеній Виленской и Гродненской губерній и Бѣлостокской области и подвергнуть эти заведенія полному преобразованію въ духѣ основныхъ началъ той самой системы, которая стала приводиться въ исполненіе въ Витебской и Могилевской губерніяхъ.

Такимъ образомъ, хотя преобразованіе учебныхъ заведеній Витебской и Могилевской губерній состоялось въ то время, когда онѣ уже не входили въ составъ Виленскаго Округа и помимо всякаго участія въ этомъ дѣлѣ Виленскаго Университета, тѣмъ не менѣе въ историческомъ очеркѣ дѣятельности Управленія Виленскаго Учебнаго Округа должно быть отведено видное мѣсто и разсказу о томъ, какъ со-

вершилось преобразованіе учебныхъ заведеній Витебской и Могилевской губерній въ 1826—1828 г. Опустить этотъ разсказъ значило бы опустить вступленіе въ историческій очеркъ дѣятельности Учебнаго Округа послѣ 1832 года.

III Отдѣлъ является въ свѣтъ раньше II отдѣла. Это—потому, что лицо, на долю котораго, по смерти автора I отдѣла, Ю. Крачковскаго, выпало составленіе II отдѣла, еще не успѣло окончить его.

А. Бѣлецкій.

Устройство учебныхъ заведеній Витебской и Могилевской губерніи до 24 января 1803 г.

Въ ряду учебныхъ заведеній, поступившихъ въ силу Высочайшаго указа 24 января 1803 г. въ вѣдѣніе Императорскаго Виленскаго Университета, учебныя заведенія Витебской и Могилевской губерній стояли совершенно особнякомъ. Учебныя заведенія губерній Виленской, Гродненской, Минской, Могилевской, Кіевской, за исключеніемъ Кіева, Волынской и Подольской, имѣли, когда Университетъ принялъ ихъ въ свое вѣдѣніе, одинаковую организацію, соотвѣтствовавшую въ общемъ требованіямъ устава эдукаціонной комиссіи 1783 г. Изъ училищъ Витебской и Могилевской губерній лишь одно было устроено на точномъ основаніи устава эдукаціонной комиссіи; всѣ прочія училища существовали на основаніи особыхъ уставовъ, въ большей или меньшей мѣрѣ существенно отличавшихся отъ устава эдукаціонной комиссіи.

Эту-то особенность, отличавшую училища Витебской и Могилевской губерній, я и считаю прежде всего нужнымъ выяснить, чтобы дать такимъ образомъ читателю возможность понять и правильно оцѣнить образъ дѣйствій Виленскаго Университета по вопросу объ устройствѣ учебныхъ заведеній Бѣлоруссіи, принятыхъ имъ въ началѣ 1803 г. въ свое вѣдѣніе.

Но прежде чѣмъ приступить къ изложенію особенностей въ устройствѣ училищъ Могилевской и Витебской губерній необходимо коснуться хоть главнѣйшихъ положеній устава эдукаціонной комиссіи, такъ какъ постановленія этого устава въ большей или меньшей мѣрѣ отразились и на уставахъ нѣкоторыхъ училищъ Бѣлоруссіи. Сдѣлать это тѣмъ болѣе необходимо, что въ I отдѣлѣ очерка вопросъ объ устройствѣ училищъ эдукаціонной комиссіи разсмотрѣнъ лишь отчасти.

Послѣ перваго раздѣла Польши, какъ это указано въ трудѣ покойнаго Ю. Ѳ. Крачковскаго, Польское общество увле-

чено было мыслью, что главной причиной золъ, обрушившихся на Польшу, была прежняя система воспитанія, что необходимо реформировать школу, изгнавши изъ нея прежде всего іезуитскую систему обученія, іезуитскія программы. Реформированная школа должна была стать національно- польской школой. Она должна была дать Польшѣ честныхъ, умныхъ гражданъ, которые своими знаніями, своими трудами могли бы помочь отечеству выйти изъ той пучины золъ, въ какую оно попало, и вновь занять почетное положеніе среди другихъ государствъ *).

Эдукаціонной комиссіи, учрежденной именно для созданія новой школы, не пришлось долго задумываться надъ вопросомъ о томъ, какъ устроить ее. Не задолго предъ учрежденіемъ комиссіи Піарамъ, съ Конарскимъ во главѣ, удалось создать въ предѣлахъ Польши школу, которая въ значительной степени давала возможность достигнуть намѣченной комиссіей цѣли.

Орденъ Піаровъ (Clerici regulares piarum scholarum) учрежденный въ 1600 г., первоначально преслѣдовалъ одну цѣль— учить дѣтей, особенно лишенныхъ надзора родителей, первымъ началамъ чтенія, письма и счета и наставлять ихъ въ истинахъ вѣры. Впослѣдствіи около половины XVIII в. учебная программа Піарскихъ школъ расширилась. Австрійскіе Піары стали вносить въ нее начала Латинскаго языка и, въ противоположность іезуитамъ, отечественный языкъ, а также и нѣкоторые предметы реальнаго характера. Одновременно съ этимъ расширеніемъ программы Піары вмѣсто безпризорныхъ дѣтей стали все чаще и чаще принимать въ свои школы дѣтей богатыхъ родителей **). Въ Польшѣ, въ концѣ первой половины XVIII в. выступилъ на поприще педагогической дѣятельности извѣстный Піаръ Конарскій ***) Хорошо ознакомленный съ постановкой школьнаго дѣла въ Западной Европѣ, Конарскій задумалъ создать въ Польшѣ для дворянства такія школы, ко-

*) Крачковскій. Историч. обзоръ дѣятельности Виленскаго Учебнаго Округа за первый періодъ его существованія. Отд. 1. стр. 15—22.

**) Al. von Helfert. Die österreichische Volksschule. т. 1. стр. 45, 63, 65, 102, 469.

***) Lukaszewicz. Historya szkół w Koronie i w wielkiem Księstwie Litewskiem. т. 2, стр. 13—15, 115—125.

торыя, давая ему общее образованіе, подготовляли бы его вмѣстѣ къ общественно-политической дѣятельности. Школы эти должны были быть закрытыми учебными заведеніями. Такъ появились извѣстныя Піарскія collegia nobilium.

Главныя основанія постановки учебнаго дѣла въ школахъ Піарскихъ были слѣдующія:

I. Въ видахъ достиженія главной цѣли, какую преслѣдовалъ Конарскій, въ программу школы, созданной имъ, должны были войти: 1) науки о религіи и христіанской нравственности (нравственное богословіе), 2) латинскій и польскій языки, ихъ литература и наука о краснорѣчіи, 3) ариѳметика, алгебра, геометрія, 4) исторія естественная, физика, 5) философія, т. е. логика, психологія, метафизика, 6) исторія польская, исторія всеобщая, географія, 7) политика, или ознакомленіе учениковъ съ сочиненіями по вопросамъ политическимъ, 8) ознакомленіе съ мѣстными законами и правами. *) Въ школахъ Піарскихъ обучали также танцамъ, фехтованію, ѣздѣ на лошадяхъ и рисованію, но эти предметы преподаваемы были желающимъ за особую плату. **)

II. Для преподаванія всѣхъ указанныхъ предметовъ Конарскимъ избираемы были учителя лишь изъ тѣхъ членовъ

*) Піары, какъ впослѣдствіи и эдукаціонная комиссія понимали, что обучащіеся въ средней школѣ еще не въ силахъ усвоить себѣ вполнѣ и переварить свѣдѣнія изъ области политическихъ наукъ. И если они внесли въ свою программу и политику и права, то потому, что имъ, какъ впослѣдствіи и эдукаціонной комиссіи, желалось поскорѣе довести и ту часть обучающагося у нихъ юношества, которая, по окончаніи курса въ среднихъ школахъ, не расчитывала поступить въ Университеты, до яснаго пониманія тѣхъ уродливостей, какими страдалъ польскій режимъ и внѣдрить въ нихъ идею необходимости послужить дѣлу улучшенія этого режима. Lukaszewicz. т. 2, стр. 352.

**) Всѣ перечисленные предметы введены въ программы Піарскихъ школъ,чтобы расположить въ ихъ пользу польское шляхетство. Шляхта обязательно требовала отъ молодыхъ благовоспитанныхъ поляковъ умѣнья ѣздить верхомъ, танцовать, фехтовать, и по мѣрѣ возможности каждый шляхтичъ старался обучать своихъ дѣтей этимъ искусствамъ. (Разсказы о польской старинѣ. Крашевскаго. С.-ПБ. 1874 г. т. I, стр. 3). Піары, введя въ свои программы эти искусства, шли на встрѣчу существовавшему запросу и конечно сильно располагали шляхту отдавать своихъ дѣтей въ Піарскія школы.

Піарскаго ордена, которые спеціально подготовлялись къ исполненію учительскихъ обязанностей. Эти кандидаты на учительство подготовлялись и дома, въ польскихъ Піарскихъ монастыряхъ, и въ заграничныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

III. Старые іезуитскіе учебники, особенно по языкамъ, признано было нужнымъ замѣнить новыми. Къ составленію этихъ учебниковъ были привлечены лучшія силы Піаровъ и имъ вскорѣ удалось дать школѣ почти по всѣмъ предметамъ удовлетворительные по тому времени учебники. Особенно славились между ними: Піарская Латино-польская грамматика, составленная Конарскимъ и исторія Скшетусскаго.

IV. Піарскія школы имѣли 6 классовъ, съ одногодичнымъ курсомъ въ каждомъ классѣ.

Организованныя такимъ образомъ Піарскія школы уже въ 60 годахъ XVIII ст., т. е. еще до перваго раздѣла Польши, завоевали себѣ полнѣйшее сочувствіе со стороны особенно высшаго польскаго общества и стали быстро открываться вездѣ, гдѣ были Піарскіе кляшторы. Успѣхъ этотъ былъ такъ великъ, что и іезуиты стали устраивать для дѣтей богатыхъ дворянъ collegia nobilium, подобные Піарскимъ, съ измѣненіемъ учебныхъ программъ въ духѣ піаровъ. *).

Піарскія школы и были образцомъ для эдукаціонной комиссіи при устройствѣ задуманныхъ ею національно-польскихъ школъ. Но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ комиссія отступила отъ избраннаго ею образца, хотя нельзя сказать, чтобы эти отступленія были всегда удачны.

1) Желаніе изгнать изъ школы все, что напоминало о практиковавшемся въ іезуитскихъ школахъ извращеніи религіознаго чувства ихъ лицемѣріемъ и фанатизмомъ и отвращеніе къ іезуитской системѣ преподаванія, въ особенности преподаванія Латинскаго языка, натолкнуло комиссію на мысль рѣзко отступить отъ программы піарскихъ школъ въ особенности въ двухъ пунктахъ, которые казались ей ненужными уступками старой системѣ обученія.

---

*) Lukaszewicz. т. 4, стр. 38.

а) Піары, какъ указано выше, удержали въ школьной программѣ науку о религіи и нравственное богословіе. Комиссія изгнала изъ школы преподаваніе науки о религіи въ учебные часы. Преподаваніе религіи Комиссія возложила на особаго школьнаго духовника, не состоявшаго въ числѣ учителей, и отвела для уроковъ его по получасу предъ литургіей въ воскресные и праздничные дни и послѣ обѣда въ тѣ-же дни. При этомъ предѣлы обученія религіи были чрезвычайно стѣснены. Въ составъ его входило лишь изученіе символа вѣры, молитвы Господней, Ангельскаго привѣтствія Богородицѣ, десяти заповѣдей, заповѣдей церковныхъ, ученіе о таинствахъ и чтеніе изъ Священной исторіи. Этого рода уроки слушали лишь ученики I и II классовъ. (Ustawy Kommissyi edukacyi Narodowey. W Warzawie. R. 1783, Ras. XI). Въ школѣ дано было мѣсто лишь преподаванію морали. Но это не была мораль, основанная на откровенномъ ученіи, а мораль *естественная*, основанная на изученіи и разсмотрѣніи свойствъ природы человѣческой. „Когда, говоритъ авторъ классическаго сочиненія о правѣ природномъ, *) епископъ Стройновскій, человѣкъ, одаренный разумомъ, черезъ опытъ и размышленіе познаетъ вещи, природныя ихъ свойства и происходящія между ними соотношенія, то тѣмъ самымъ познаетъ нѣкоторыя правила, по коимъ все дѣлается на свѣтѣ. Таковыя правила мы называемъ *законами*“. Законы эти двоякаго рода естественные и моральные. „Поелику человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла, то дѣянія, зависящія отъ тѣла, подлежатъ законамъ естественнымъ, а зависящія отъ разума и воли, нравственнымъ. Первыя дѣянія человѣка, равно какъ и всѣхъ естественныхъ вещей, слѣдуютъ всегда естественнымъ законамъ, другія же, т. е. вольныя дѣянія, называемыя правами, могутъ быть согласны и не согласны съ законами, а потому такое согласіе и несогласіе дѣянія называется нравственностію. Вольныя дѣянія человѣка называются дѣяніями нравственными, а законы, относящіеся къ такимъ дѣяніямъ, называются нравственными законами. Ученіе, разсуждающее о сихъ дѣяніяхъ и законахъ, принято назвать нравоученіемъ. Вольныя дѣянія человѣка, продол-

---

*) Наука права природнаго, политическаго, государственнаго хозяйства и права народовъ. Перев. Анастасевича. С.-П.Б. 1809, стр. 3—5.

жаетъ епископъ, согласующіяся съ *природными* законами, суть нравственно-добрыя; дѣянія же, противныя симъ законамъ, суть нравственно злыя. Ибо нравственная доброта человѣческихъ дѣяній есть *согласіе ихъ съ природными законами*". Но вѣдь понимаемая такъ мораль есть мораль языческая. Не читаемъ ли мы въ посланіи Апостола Павла къ Римлянамъ: когда язычники не имѣющіе закона (откровеннаго) по природѣ законное дѣлаютъ, то, не имѣя закона, они сами себѣ законъ. Они показываютъ, что дѣло закона у нихъ написано въ сердцахъ, о чемъ свидѣтельствуетъ совѣсть ихъ и мысли ихъ, то обвиняющія, то оправдывающія одна другую? (Гл. 2, ст. 14 и 15). И потому нѣтъ ничего удивительнаго, что комиссія рекомендовала учителямъ при раскрытіи и уясненіи ученикамъ нравственныхъ понятій читать съ ними выписи изъ классическихъ римскихъ писателей (Ustawy. Rozd. XV, стр. 40. Nauczyciel Moral. nauki 1).

Исходя изъ того понятія, что „всѣ почти неурядицы, заблужденія, анархія происходятъ отъ незнанія своихъ правъ и обязанностей", комиссія придавала особое значеніе преподаванію нравственности и отвела для него въ программѣ преподаванія значительное мѣсто. Въ первомъ классѣ излагалось ученіе объ обязанностяхъ дѣтей въ отношеніи къ родителямъ, учителямъ и товарищамъ, во второмъ—объ отношеніи слугъ къ панамъ своимъ и обратно, о добрыхъ и дурныхъ поступкахъ, въ третьемъ—о личныхъ поступкахъ каждаго человѣка. Въ старшихъ классахъ излагалась наука о правѣ природномъ (jus naturae). Относительно преподаванія этой науки уставъ комиссіи замѣчаетъ: въ наукѣ права нужно быть какъ можно осмотрительнѣе, дабы всѣ начала ея были основаны на правѣ естественномъ и строжайшей справедливости, дабы молодые умы подготовлены были къ пониманію недостатковъ въ законахъ каждой страны и способовъ усовершенствованія законодательствъ.

Не трудно сказать „на справедливости", но что такое справедливость? Различные люди влагаютъ и различное содержаніе въ это понятіе, а потому у различныхъ людей, принимающихъ справедливость за основной принципъ для обсужденія явленій жизни могутъ быть и различные взгляды на эти явленія. Какъ оригинально понимали справедливость сами составители устава

комиссіи, это всего яснѣе обнаруживается въ ихъ взглядахъ на преподаваніе исторіи. Уставъ ставитъ учителю въ обязанность отмѣчать (при преподаваніи исторіи) въ дѣяніяхъ человѣческихъ все то, что *не согласно съ справедливостью*, человѣчностію, довѣріемъ и вѣрностью своему слову. Поэтому „онъ никогда не долженъ называть политикой, т. е. искусствомъ правительства, ни богатырскимъ подвигомъ того, что было хитростію, измѣной, подлостію, грабежемъ, наѣздомъ, присвоеніемъ чужой собственности". Какъ примѣнять этотъ общій принципъ къ дѣлу при обсужденіи отдѣльныхъ историческихъ фактовъ, это объясняетъ наставленіе учителю. Передавая событіе, говоритъ наставленіе, учитель долженъ тутъ же присоединить похвалу, или порицаніе. Напр., тотъ, или другой монархъ завоевалъ край; сейчасъ-же нужно присовокупить, что завоевалъ *несправедливо*. Не говори, что его политика восторжествовала, но скажи лучше, что онъ поступилъ вѣроломно, или нарушилъ честное слово. Такъ наставляла комиссія учителей внушать своимъ ученикамъ, очевидно изъ чувства ненависти къ своимъ сосѣдямъ, при обсужденіи такихъ явленій, какъ первый раздѣлъ Польши. И это дѣлалось во имя „справедливости".

б) Піары признавали неправильнымъ господствовавшій до XVIII ст. въ польскихъ школахъ способъ обученія Латинскому языку, по которому ученики сначала изучали грамматику Латинскаго языка въ полномъ объемѣ, а потомъ приступали къ переводу авторовъ. Конарскій находилъ нужнымъ начинать упражнять учениковъ въ переводѣ съ Латинскаго уже во второмъ классѣ послѣ того, какъ они изучатъ въ первомъ классѣ правильныя склоненія и спряженія. Съ этой цѣлью составлена была Конарскимъ особая книжка, подъ заглавіемъ: selectae e profanis scriptoribus historiae ad usum scholarum Piarum, въ 2 ч. Не мѣшаетъ отмѣтить, что въ первой части ея отъ главы 45 до конца книжки идетъ изложеніе ученія о взаимныхъ обязанностяхъ учениковъ и учителей, слугъ и господъ. Первую часть этой книжки переводили во II классѣ, 2-ю въ 3 емъ, затѣмъ съ 4-го класса приступали къ систематическому чтенію авторовъ. Эдукаціонная комиссія пошла въ данномъ направленіи гораздо дальше Конарскаго. Она совсѣмъ устранила систематическое изученіе учащимися Латинскаго языка, обязавъ ихъ взамѣнъ того изучать во всѣхъ классахъ и на

урокахъ почти по всѣмъ предметамъ извлеченія изъ Латинскихъ авторовъ, относящіяся къ различнымъ областямъ человѣческаго вѣдѣнія. Въ силу этого ученики изучали по изданнымъ комиссіей книжкамъ избранныя изъ Латинскихъ авторовъ мѣста не только на урокахъ словесности, но и на урокахъ о нравственности, на урокахъ исторіи, естественной исторіи, права и даже землемѣрія. Такая постановка преподаванія Латинскаго языка составляетъ одну изъ самыхъ существенныхъ особенностей постановки обученія въ школахъ *).

II) Составители программы новой школы не хотѣли довольствоваться программой Піарскихъ школъ и сочли нужнымъ расширить ее.

Прежде всего они считали нужнымъ, чтобы учащіеся въ школахъ пріобрѣтали возможно больше практически—полезныхъ имъ свѣдѣній, которыми впослѣдствіи и могли-бы воспользоваться, чтобы устроить свою жизнь съ удобствомъ и пользой. Въ этихъ видахъ введено было въ школѣ преподаваніе огородничества, земледѣлія, ученіе о сохраненіи здоровья, архитектура, исторія искусствъ и ремеслъ. Но учебниковъ по всѣмъ этимъ предметамъ не было дано, и учителямъ рекомендовались другіе способы для того, чтобы знакомить учениковъ съ указанными предметами. При преподаваніи огородничества, земледѣлія, ученія о сохраненіи здоровья слѣдовало прочитывать съ учениками соотвѣтственныя выписи изъ Латинскихъ классическихъ писателей. Изъ искусствъ преимущественное вниманіе обращалось на постройки, при чемъ сообщались свѣдѣнія объ общихъ требованіяхъ постройки жилищъ, сараевъ и т. п. Чтобы ознакомить учениковъ съ ремеслами, учителю

---

*) Вотъ какъ уставъ Эдукаціонной Комиссіи рекомендуетъ вести чтеніе выписокъ изъ авторовъ: „Względem wypisow z awtorów lacińskich trzymać się nauczyciel iak nayściśley będzie przestrog na czele tychźe wipisów podanych; a mianowicie zalega się, aby przekladania autorów nie zbywal prędkim i ciąglym przelośeniem peryodów, ale pierwey kazdo slozo, co do wszystkich stosunków grammatycznych, osobno wylozyl, tcz dapiero caly sens gladkim polzszczysny, skladem wytlomaczy l, itegoz samego od uczniow wyciągal. Ukeźe oraz niekiedy uczniom sposób szukama slów w dykcyanarzu lacińsko polskim, w którym slowa porządkiem, pierwiastkowc i od nich pochodzące, ulożone są (Klas. pier. 3).

рекомендовалось посѣщать съ учениками мастерскія, базары и т. п.

Еще въ большей степени комиссія желала дать возможность обучающимся въ ея школахъ пріобрѣсти ясныя и точныя понятія объ условіяхъ, при наличности которыхъ государство падаетъ или возвышается, о взаимныхъ отношеніяхъ гражданъ къ верховной власти и наоборотъ, объ отношеніи народа къ другимъ народамъ. Для достиженія этой цѣли въ школы комиссіи, вмѣсто введенныхъ въ піарскія школы политики и ученія о мѣстныхъ законахъ, были введены: государственная экономія, право политическое и право международное. По Стройновскому, подъ именемъ государственной экономіи надо разумѣть „основаніе точныхъ и очевидныхъ правилъ, проистекающихъ отъ естественнаго порядка, которыя показываютъ, что способствуетъ или препятствуетъ изобилію земныхъ благъ, служащихъ къ человѣческому употребленію“. *) Въ изданномъ комиссіей наставленіи учителю эта наука представляется благодѣтельной для края, въ которомъ хозяйство находилось въ первобытномъ состояніи, шляхта тратила свои средства на разгульную жизнь, ремесла и производства были въ младенчествѣ отъ пренебреженія къ нимъ въ шляхетскомъ сословіи. Но учителю не была дана даже общая программа этой науки и только внушалось до изданія программы „собирать, что найдетъ лучшаго по этому предмету для нашего края“ и рекомендовалось водить учениковъ къ ремесленникамъ для ознакомленія ихъ съ разными орудіями, ихъ назначеніемъ, способомъ производства и т. п., въ лавки, гдѣ продается одежда, разная посуда, мебель и пр., на базары для ознакомленія съ цѣнами на зерновой хлѣбъ, причинами повышенія и паденія цѣнъ на него и т. п.

Политическое право имѣло задачей разъяснить основанныя на естественномъ правѣ права и обязанности какъ верховной власти, такъ и подданныхъ государства. **) Наставленіе учителю рекомендуетъ ему всячески оберегать политику

---

*) Наука права природнаго, политическаго, Государственнаго хозяйства и права народовъ. Ч. III, 1.

**) Тамъ-же, ч. 2, стр. 1.

правды, основанную на правѣ естественномъ, подвергая съ учениками критикѣ всѣ политическія событія въ краѣ. Такъ, поясняетъ наставленіе, „когда появится новое постановленіе, онъ, учитель, долженъ разбирать его на основаніи правилъ; когда услышитъ о какой либо несправедливости; покажетъ, откуда она произошла и какъ вредна для всѣхъ, когда случится говорить о какомъ либо правительствѣ, долженъ показать, въ чемъ оно не согласуется съ счастіемъ народа".

Содержаніе ученія о правѣ международномъ легко опредѣляется самымъ его названіемъ.

III. Физическое воспитаніе въ школахъ комиссіи поставлено было гораздо серьезнѣе, чѣмъ въ школахъ піаровъ Физическія упражненія признаны были обязательными для всѣхъ учащихся. Эти упражненія, по указанію устава, должны служить для развитія крѣпости, гибкости, ловкости тѣла, мужества и отваги и соотвѣтствовать цѣли. Таковы: игра въ мячъ, при которой нужно живо бѣгать и возвращаться, игра въ балонъ или большой мячъ, бросаніе камней въ воду, бѣгъ въ перегонку до назначеннаго мѣста, верховая ѣзда, измѣреніе огородовъ, полей, трудныхъ для приступа мѣстъ и т. п. Но наиболѣе предписываются упражненія военныя, которыя, развивая гибкость и ловкость тѣлесную, вмѣстѣ съ тѣмъ развиваютъ силу и крѣпость духа, вдохновляютъ чувствомъ чести. „Свойственными шляхетской молодежи должны считаться упражненія, состоящія въ солдатской выправкѣ, въ штурмѣ, или оборонѣ какого либо мѣста, вообще научающія военному строю, порядку и военному закону. Ничто болѣе не помогаетъ возбужденію мужества, силы духа, благороднаго великодушія и стародавняго рыцарскаго духа, какъ эти упражненія молодежи. . Такимъ образомъ нераздѣльное физическое и нравственное воспитаніе способно будетъ дать обществу почтенныхъ людей, а отечеству добрыхъ гражданъ. (Ustawy. Rosd. XXV).

IV. Разъ въ школахъ эдукаціонной комиссіи увеличена была программа обученія сравнительно съ школами піаровъ, нужно было увеличить и продолжительность учебнаго курса въ школахъ комиссіи. И дѣйствительно, комиссія установила 7-ми лѣтній курсъ, назначивъ для обученія въ 5 классѣ два года,

какъ бывало въ школахъ іезуитовъ. Но это постановленіе комиссіи исполнялось лишь въ рѣдкихъ случаяхъ. Въ большинствѣ училищъ курсъ обученія продолжался шесть лѣтъ и равнялся по своей продолжительности курсу піарскихъ школъ.

V. У Піаровъ школы были вездѣ шестиклассныя. Эдукаціонная комиссія допускала, кромѣ шестиклассныхъ и трехклассныя и четырехклассныя и пятиклассныя, хотя курсъ обученія вездѣ продолжался не менѣе шести лѣтъ и отъ всякой школы (будь она шестиклассная, или трехклассная) требовалось, чтобы въ ней была выполнена вся установленная программа. (Ustawy, rosd. XVI). Это—крупная особенность устройства школъ эдукаціонной комиссіи. Въ трехклассныхъ школахъ при ежегодномъ пріемѣ въ нихъ новыхъ учениковъ, курсъ каждаго класса продолжался два года и раздѣлялся на два отдѣленія. Учителю, занимавшемуся въ классѣ, гдѣ сидѣли учившіеся и первый и второй годъ, приходилось конечно заниматься лишь съ половиной учениковъ, а другой половинѣ приходилось или слушать, что происходитъ въ другомъ отдѣленіи, или самостоятельно заниматься какой либо работой. Въ четырехклассныхъ школахъ въ двухъ классахъ курсы обученія были одногодичные и въ двухъ—двухгодичные; въ пятиклассныхъ школахъ лишь одинъ классъ имѣлъ двухгодичный курсъ, остальные имѣли одногодичные курсы. Въ трехклассныхъ школахъ было 3 учителя, въ 4-хъ кл.—4, въ 5-тикл.—5 и въ 6-ти классныхъ—шесть.

Исполнители предначертаній Комиссіи усердно доказывали въ свое время, что дѣти пріобрѣтаютъ одинаковую пользу, обучаются ли въ школѣ съ 3 учителями, или съ 6 *). Но обыватели справедливо не вѣрили этому и утверждали, что учитель, принужденный полчаса заниматься съ первогодичными учениками, а другіе полчаса съ второгодичными, поневолѣ приноситъ всѣмъ ученикамъ меньшую пользу, чѣмъ тотъ, который занимается цѣлый часъ съ одними и тѣми же учениками. И разсуждавшіе такъ были вполнѣ правы. Съ другой стороны въ программу школы входила, какъ уже сказано выше, масса разнообразныхъ предметовъ. Естественно поэтому, что чѣмъ

*) Крачковскій. Историческій обзоръ дѣятельн. Виленскаго учебнаго Округа. Стр. 57.

меньше было учителей въ школѣ, тѣмъ большую массу предметовъ приходилось преподавать каждому изъ нихъ. Такъ, учитель математики въ 3 кл. школѣ долженъ былъ преподавать; 1) ариѳметику, 2) геометрію теоретическую и практическую, 3) алгебру, 4) физику, 5) логику, 6) естественную исторію и 7) исторію искусствъ *). Гдѣ можно было найти учителей, которые специально изучили бы всю эту массу предметовъ и могли бы вполнѣ обстоятельно преподавать ихъ?

Комиссія конечно и сама понимала, что 3 учителя не могутъ сдѣлать того, что могутъ сдѣлать шесть учителей. И если она допустила существованіе на ряду съ 6 кл. школами и школъ даже трехклассныхъ, то сдѣлала она это потому, что ей хотѣлось создать возможно большее количество школъ, ведущихъ къ университету, а между тѣмъ въ распоряженіи комиссіи не было ни необходимыхъ для этого денежныхъ средствъ, ни достаточнаго количества учителей **).

VI. Озабочиваясь созданіемъ для школъ надлежаще составленныхъ учебниковъ, комиссія на первыхъ же порахъ своей дѣятельности пригласила свѣдущихъ лицъ къ составленію учебниковъ соотвѣтственно сдѣланнымъ ею указаніямъ. Съ этой же цѣлію образовано было товарищество, задачей котораго было составленіе учебниковъ. Но усилія комиссіи дать школамъ нужные учебники увѣнчались успѣхомъ лишь отчасти. Выше уже указано, что по многимъ, и при томъ наиболѣе труднымъ для усвоенія учащимися, предметамъ вовсе не было учебниковъ, и потому эдукаціонной комиссіи пришлось рекомендовать учителямъ или брать въ руководство для обученія классическихъ латинскихъ авторовъ (Плинія—при прохожденіи ботаники и минералогіи, Овидія и Горація—при прохожденіи курса по земледѣлію и садоводству, Цицерона и римскихъ стоиковъ—при прохожденіи морали) или составлять собственныя записки (по праву политическому, государственной экономіи).

*) Ustawy Kommissyi edukacyi narodowey. Стр. 43.

**) Сборникъ матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи, извлеченныхъ изъ Архива Министерства Народн. Просв. т. III, предисл. XXIV XXV.

VII. Учителей для новыхъ школъ предположено было подготовлять въ Краковской и Виленской академіяхъ, но это предположеніе приведено было въ исполненіе въ очень скромныхъ размѣрахъ и при томъ лишь въ 1786 г. Въ силу этого лишь въ 1790 году появились въ школахъ, подчиненныхъ комиссіи, первые спеціально подготовленные учителя, въ количествѣ 24 человѣкъ *).

Комиссіей былъ выработанъ уставъ и парафіальныхъ школъ, но такъ какъ этотъ уставъ не былъ осуществленъ, такъ какъ постановленія устава вовсе не было принимаемы въ соображеніи при устройствѣ начальныхъ училищъ Бѣлоруссіи, то я говорить о немъ не буду **).

По уставу эдукаціонной комиссіи 1783 г. и были устроены всѣ существовавшія въ Польшѣ училища.

Когда, по второму и третьему раздѣлу Польши, къ Россіи отошли области, входившія тогда въ составъ Великаго Княжества Литовскаго, существовавшія въ этихъ областяхъ школы встрѣчены были новымъ правительствомъ съ недовѣріемъ.

Вотъ какого рода наставленіе давала въ 1794 г. князю Рѣпнину Императрица Екатерина II, какъ видно знавшая особенности устройства школъ эдукаціонной комиссіи и имѣвшая свѣдѣнія о содержаніи учебныхъ книгъ, употреблявшихся въ этихъ школахъ. Воспитаніе юношества, сказано въ Высочайшемъ указѣ 30 октября 1794 г. на имя князя Рѣпнина, по важности своей да обратитъ на себя вниманіе нашихъ властей, дабы впредь основывалось оное на повиновеніи Божьему и гражданскому законамъ; и какъ извѣстно, что Виленская Академія, а паче школы піаристовъ, неистовыми, богопротивными и для всего рода человѣческаго пагубными вліяніями

*) Сборникъ матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи, извлеченныхъ изъ архива Министерства Народнаго Просвѣщ. т III, Предисловіе. Стр. XXIV—XXV.

**) Желающимъ подробнѣе познакомиться съ устройствомъ школъ по уставу эдукаціонной комиссіи по русскимъ сочиненіямъ слѣдуетъ рекомендовать статьи г. Крыжановскаго: учебныя заведенія въ русскихъ областяхъ Польши' напечатанныя во II и III книжкахъ Кіевской Старины за 1882 г.

Литовское юношество заражали, то съ глубочайшею прозорливостію надлежитъ испытать сіи вредныя училища, и проистекающее отъ нихъ зло въ самомъ его источникѣ изыскать и искоренить, къ чему всякія старанія и способы употреблять имѣете. Исполняя это Высочайшее повелѣніе, князь Рѣпнинъ поручилъ эти училища особому надзору князя Циціамова. Но Циціамовъ, повидимому, ровно ничего не сдѣлалъ для выясненія характера школьнаго преподаванія въ училищахъ губерній, присоединенныхъ къ Россіи по 3 раздѣлу Польши *). Лишь впослѣдствіи занялась этимъ дѣломъ комиссія народныхъ училищъ въ Россіи, въ вѣдѣніи которой находились всѣ школы русскія.

Изъ журнала комиссіи 18 ноября 1801 года видно, что, ознакомившись съ школами западной Россіи, устроенными по уставу эдукаціонной комиссіи, она признала нужнымъ:

а) Измѣнить учебную программу ихъ исключеніемъ нѣкоторыхъ учебныхъ предметовъ, къ числу которыхъ комиссія отнесла „лекціи о правахъ политическомъ и экономическомъ“.

б) Изъять изъ употребленія нѣкоторыя учебныя руководства (руководство по древней греческой исторіи, изданное въ Краковѣ въ 1786 г., руководство по теоріи краснорѣчія, изданное въ Вильнѣ въ 1792 г., книгу Стройновскаго о наукѣ правъ, руководство по „праву природы“), такъ какъ при разсмотрѣніи этихъ книгъ оказалось, что въ нихъ заключаются мѣстами правила, монархическому образу правленія совсѣмъ противныя. Всѣ эти учебныя руководства комиссія признавала нужнымъ замѣнить другими, изданными преимущественно въ Россіи **).

*) Полное собраніе зак. т. XXIII, стр. 576—577. Станиславъ—Августъ Понятовскій въ Гроднѣ и Литвѣ въ 1794—1797 годахъ. М. Де-Пуле. Изд. 2 Стр. 69. См. также задачи русскаго просвѣщенія въ его прошломъ и настоящемъ. И. П. Корнилова. С.ПБ. 1902, стр. 59.

**) Въ руководствѣ по древней греческой исторіи отмѣчены слѣд. два инкриминированныя мѣста. Первое мѣсто: „владѣвшіе въ особыхъ удѣлахъ цари, привыкши къ самодержавію, предводительствуя войсками, хотѣли удержать свою власть и въ мирное время и исторгнуть у народа главнѣйшія его вольности, но бывши не искусны въ образѣ расположенія и сокрытія гордыхъ замысловъ, раздражали насиліемъ гражданъ, хотя убогихъ, но от-

в) При каждомъ училищѣ завести первый и второй классъ по образцу училищъ Россійскихъ для обученья юношества чтенію и письму, и для того всѣ учебныя книги, изданныя для 1 и 2 классовъ училищъ Россійскихъ, дать перевести на языкъ польскій и напечатать оныя на обоихъ языкахъ вмѣстѣ.

важныхъ, въ которыхъ духъ мужества не былъ еще ослабленъ своеволіемъ прихотей и страстей, чѣмъ потомки ихъ дали поработить себя. Какъ нѣкоторыя провинціи свергли иго самодержавія, вдругъ вся Греція, какъ бы по данному себѣ сигналу, начала выбиваться на вольность, а современемъ и самое названіе монарха имѣть въ ненависти и рабство одного города почитать общимъ безчестіемъ и обидою. И такъ соединились греки въ славный союзъ амфиктіоновъ, а для надежнѣйшаго обезпеченія правъ своихъ и вольности составили какъ бы одну республику“. Второе мѣсто: „и въ Азіи и въ Египтѣ и у Персовъ правленіе было самодержавное, безъ сомнѣнія яко древнѣйшее, ибо долгое требуется время, чтобы люди пришли въ познаніе взаимныхъ правъ своихъ“.

Въ книгѣ о краснорѣчіи нашлось слѣдующее мѣсто: рабство слѣпое — повиноваться людямъ, а не самому праву; иго тиранства и самодержавія унижаютъ истинное краснорѣчіе; ибо оныя притупляютъ сильныя чувства и благородство духа и уменьшаютъ дѣла общественныя. Присвоенная сила отняла у людей свѣдѣніе и управленіе такихъ дѣлъ. Какое въ невольническихъ государствахъ краснорѣчіе? Лишнія ласкательства, несправедливыя похвалы, укрытія и оговорки насилій, учиненныхъ надъ вольностію и собственностію человѣка, пустыя рѣчи подъ названіемъ поздравленій, похвалъ и привѣтствій, и тому подобныя бываютъ твореніями подлыхъ витій и всегда худыхъ гражданъ. Но когда въ самодержавныхъ государствахъ появится уже истинное мужеское краснорѣчіе, то тогда показывается свѣтъ мудрости и открывается сигналъ вольности.

Въ „наукѣ правъ“ Стройновскаго отмѣчено слѣд. мѣсто: власть законодательная, кому бы она ни была дана, какъ не есть произвольная и безпредѣльная, такъ оная и состоитъ въ томъ единственно, чтобы по зрѣломъ обсужденіи и ясномъ познаніи предписать, что каждый человѣкъ въ народѣ долженъ дѣлать и недѣлать, сообразно обязанностямъ, которыя онъ имѣетъ отъ природы, или по условію и пр., и потому большаго распространенія въ народѣ имѣть не можетъ, уважая, что оная есть въ народѣ, отъ народа и для народа.

Приведенныя выписки вполнѣ объясняютъ, почему Императрица Екатерина II, такъ ненавидѣвшая въ послѣдніе дни своего царствованія всякаго рода якобинство, съ такимъ недовѣріемъ отнеслась къ школамъ губерній, присоединенныхъ къ Россіи по 2 и 3 раздѣлу.

Эти соображенія коммисія и представила на Высочайшее усмотрѣніе *).

Но представленію комиссіи никакого движенія дано не было, а въ началѣ 1803 г. всѣ указанныя выше училища переданы были въ вѣдѣніе Виленскаго Университета, а такъ какъ уставъ 18 мая 1803 г., соотвѣтственно указаніямъ котораго должно было совершиться ихъ устройство, представлялъ собою лишь дальнѣйшее развитіе устава эдукаціонной комиссіи 1783 г., то ясно, что въ устройствѣ учебныхъ заведеній губерній Виленской, Гродненской, Минской, Волынской, Подольской и Кіевской, за исключеніемъ Кіева, естественно сохранились всѣ тѣ особенности, какими они должны были отличаться по уставу 1783 г. Перемѣнились ихъ названія, увеличены были ихъ программы введеніемъ въ нихъ преподаванія русскаго языка; во всемъ остальномъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мелочей, эти заведенія остались прежними національными—польскими школами, созданными въ интересахъ возрожденія Польши.

Посмотримъ теперь на устройство учебныхъ заведеній Витебской и Могилевской губерній въ тотъ періодъ времени, когда эти учебныя заведенія вошли въ составъ Виленскаго Учебнаго Округа.

I.

Когда Бѣлоруссія присоединена была въ 1772 г. къ Россіи, на всемъ широкомъ пространствѣ ея существовало лишь 7 учебныхъ заведеній, которыя по учебному курсу стояли выше начальныхъ школъ, и въ которыхъ бѣлорусское шляхетское юношество могло получить образованіе. Всѣ эти учебныя заведенія были содержимы римско-католическимъ духовенствомъ. Шесть изъ нихъ (въ Полоцкѣ, Витебскѣ, Могилевѣ, Динабургѣ, нынѣ Двинскѣ, Оршѣ и Мстиславлѣ) содержали іезуиты при своихъ кляшторахъ, одно учебное заведеніе (въ Волынцахъ, Дриссен. уѣзда, Витеб. губ.) содержали Доминикане **).

*) Сборникъ матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи. Изд. Мин. Нар. Просв. т. 1, стр. 378—396.

**) Полоцкая іезуитская Коллегія основана была Стефаномъ Баторіемъ въ 1582 г. (Сапуновъ. Замѣтки о Коллегіи и Академіи Іезуитовъ въ Полоцкѣ. Витебскъ. 1890 г., стр. 8). Витебская коллегія и костелъ основаны Виленскимъ воеводой Гонсѣвскимъ въ 1640 г.; Гонсѣвскимъ же основана и Динабургская коллегія въ память счастливаго окончанія войны между Польшей и Швеціей. Оршанская коллегія основана Львомъ Сапѣгой, воеводой Виленскимъ, Мстиславская коллегія основана іезуитами на свои средства при содѣйствіи Паца въ 1616 г. (Свящ. Морошкинъ. Іезуиты въ Россіи съ царствованія Екатерины II до нашего времени. Ч. 1, стр. 54, прим. 3). Въ Могилевѣ коллегія основана іезуитами въ 1680 г. (Северинъ. Записки путешествія по западнымъ провинціямъ Россійскаго Государства, т. II, стр. 107). Забяльское Доминиканское училище основано при монастырѣ въ Волынцахъ въ 1716 г., когда помѣщикъ Щиттъ завѣщалъ монастырю помѣстье въ 3000 душъ съ условіемъ содержать изъ доходовъ съ него училище. Названіе „Забяльское“ это училище получило отъ главнаго имѣнія сего фундуша.

Покровительница просвѣщенія, императрица Екатерина II въ началѣ февраля 1774 года узаконила существованіе всѣхъ этихъ школъ и предоставила имъ безпрепятственно вести свое дѣло, пока содержавшее эти училища монашество „вѣрноподданическій свой долгъ и присягу непорочно сохранять будетъ *).

Впослѣдствіи къ числу этихъ училищъ прибавилось еще 3 училища, также, какъ и поименованныя, по учебному курсу своему стоявшія выше начальныхъ училищъ, именно:

а) Витебское піарское училище. Піары поселились въ Витебскѣ, когда этотъ городъ входилъ въ составъ польскаго государства, и открыли-было здѣсь свою школу, о существованіи которой въ 1755 г. есть несомнѣнное свидѣтельство **). Но за недостаткомъ средствъ піары должны были закрыть свою школу. Въ 1786 г., когда князь Потемкинъ пожертвовалъ піарамъ на содержаніе школы имѣніе Азорково и 15000 р. на оборудованіе библіотеки и физическаго кабинета, піарская школа открылась вновь, но не въ Витебскѣ, а въ Дубровнѣ. Въ 1799 г. школа эта переведена была изъ Дубровны въ Витебскъ и имѣла тогда 4 класса ***).

*) Полное Собр. Зак. XIX, № 14122.

**) Lukaszewicz. T. IV, стр. 261.

***) Сбор. мат. для исторіи просвѣщ. въ Россіи, т. 1, стр. 567—570. Сапуновъ. Историч. записка 75-лѣтія Витеб. гим. 1803 — 1883. Вит. 1884 г. Прил. № 38, стр. CXLVIII.

б) Толочинское 5 классное училище. Оно возникло въ 1790 г., съ разрѣшенія Бѣлорусскаго генералъ-губернатора, графа Чернышева, по просьбѣ мѣстнаго дворянства *).

в) Ушачское Доминиканское училище. Въ Ушачѣ, (Лепельскаго уѣзда) остававшемся, до втораго раздѣла Польши, въ предѣлахъ польскаго государства, издавна существовала парафіальная школа. Когда въ эту школу съ 1786 г. стало поступать много учениковъ, окрестное дворянство стало хлопотать предъ польской эдукаціонной комиссіей объ открытіи здѣсь публичной школы. Комиссія выразила свое согласіе на удовлетвореніе этой просьбы и 17 сентября 1791 г. разрѣшила открыть здѣсь 3 классное училище (съ двухгодичнымъ курсомъ въ каждомъ классѣ) на точномъ основаніи устава 1783 г. **) По присоединеніи Ушача къ Россіи, училище это поступило въ вѣдѣніе провинціала Доминиканскаго ордена.

Въ царствованіе Императрицы Екатерины II были сдѣланы попытки къ открытію и другихъ еще училищъ, которыя находились бы въ вѣдѣніи римско-католическаго духовенства, но попытки эти успѣха не имѣли ***).

---

*) Сбор. мат. для истор. просв. въ Россіи, т. 1. стр. 637.

**) Сборникъ мат. для ист. просв. въ Россіи т. 1, стр. 598.

***) Въ 1786 г. графиня Констанція Гильзенъ, исполняя волю своего мужа, построила въ деревнѣ Замостьѣ, Дриссенскаго уѣзда, домъ для проживанія 8 ксендзовъ Винцентинскаго ордена съ тѣмъ, чтобы ксендзы, исполняя для прихожанъ требы, учредили нормальныя школы и состояли въ нихъ преподавателями. Для обезпеченія ксендзовъ графиня желала передать имъ въ вѣчное владѣніе и распоряженіе двѣ деревни. Но сенатъ отказалъ въ исполненіи этой просьбы. По присоединеніи Бѣлорусскаго края къ Россіи, мотивировалъ Сенатъ свое рѣшеніе, даннымъ отъ Ея Императорскаго Величества тогдашнимъ Губернаторамъ наказомъ повелѣно: монастыри оставить только въ управленіи ихъ имѣній впредь до дальняго о семъ опредѣленія, а чтобы вновь кто могъ отдавать къ монастырямъ и церквамъ свои мѣстности, на то Высочайшаго повелѣнія нѣтъ. (Пол. Собр. Зак. т. XXII № 16333).

Провинціалъ Доминиканскаго ордена Антоній Орѣховской, содержавшій въ Дудаковецкомъ монастырѣ на счетъ этого и шкловскаго монастыря училище „для польскаго юношества“, настойчиво хлопоталъ въ 1789 о томъ, чтобы это училище утверждено было на будущее время жалованною Ея Императорскаго Величества грамотою и чтобы ему оказано было вспомоществованіе. Но ходатайство это, хотя оно поддержано было Сестрекцевичемъ, успѣха не имѣло. (Сбор. мат. для исторіи просвѣщ. въ Россіи. Т. 1, стр. 63—66).

Во внутреннее устройство училищъ, содержимыхъ духовенствомъ, русское правительство не вмѣшивалось. Оно предоставило это дѣло всецѣло начальникамъ орденовъ, содержавшихъ училища, и бѣлорусскому римско-католическому епископу, впослѣдствіи митрополиту, Станиславу Сестренцевичу. Оно требовало лишь, чтобы во всѣхъ монашескихъ училищахъ былъ введенъ тотъ способъ обученія, какой принятъ былъ въ народныхъ училищахъ по уставу 1786 г. и чтобы въ нихъ преподаваемы были русскій языкъ, русская исторія и географія *).

Такимъ образомъ провинціалы орденовъ въ учебномъ дѣлѣ заняли въ Бѣлоруссіи то самое положеніе, какое они занимали въ Польшѣ до созданія эдукаціонной комиссіи и которое существенно измѣнилось для польскаго духовенства съ открытія этой комиссіей своихъ дѣйствій, такъ какъ съ этого момента всѣ училища, которыя были содержимы духовенствомъ, поступили въ вѣдѣніе комиссіи.

Какъ же воспользовались монашескіе ордена, содержавшіе училища, предоставленнымъ имъ правомъ?

Какъ ни было консервативно латинское духовенство Бѣлоруссіи, какъ ни желало оно оставить свои школы въ прежнемъ ихъ видѣ, оно поневолѣ должно было подумать о преобразованіи этихъ школъ. Духъ времени настойчиво требовалъ этого.

Во второй половинѣ XVIII в. во всей западной Европѣ въ школьной области послѣдовали крупныя перемѣны. Въ предѣлахъ сосѣдней съ Бѣлоруссіей Польшѣ въ послѣдней четверти XVIII ст. всѣ существовавшія дотолѣ монашескія училища, по постановленіямъ сейма, къ удовольствію мысля-

---

Въ письмѣ Завадовскому отъ 10 Мая 1789 г. Сестренцевичъ говоритъ, что и кромѣ Орѣховскаго нашлись бы люди, которые, хотя и не по такимъ чистымъ побужденіямъ, какъ Орѣховскій. но по другимъ расчетамъ стали бы подражать хорошему примѣру, и что если бы Сестренцевичъ былъ увѣренъ, что его представленія въ Сенатъ по подобнымъ дѣламъ будутъ уважены, то онъ далъ бы ходъ такимъ просьбамъ.

*) Сборникъ матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи. Т. 1, ст. 15.

щихъ поляковъ, были преобразованы по уставу эдукаціонной комиссіи и получили новое устройство, которое давало имъ, по мнѣнію тогдашнихъ образованныхъ людей, возможность съ пользой поработать для удовлетворенія образовательныхъ нуждъ населенія и сослужить великую государственную службу. Въ Россіи съ 1786 г. стали довольно быстро возникать главныя и малыя народныя училища. Въ 90 годахъ XVIII в. въ Бѣлоруссіи существовало уже 3 главныхъ и 8 малыхъ народныхъ училищъ. Образованныя по образцу австрійскихъ школъ, эти училища, благодаря въ особенности тому, что учителями въ нихъ назначались лица, получившія спеціально-педагогическую подготовку, стали завоевывать симпатіи населенія не только православнаго, но и римско-католическаго и уніатскаго исповѣданій, и уменьшать количество учащихся даже въ наиболѣе пользовавшихся до того времени симпатіями общества іезуитскихъ училищахъ. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ начальникамъ монашескихъ орденовъ, содержавшихъ училища въ Бѣлоруссіи, нужно было крѣпко подумать о принятіи мѣръ къ тому, чтобы дать содержимымъ имъ училищамъ устройство, которое наиболѣе соотвѣтствовало бы нуждамъ и воззрѣніямъ общества, чтобы общество не отвернулось отъ этихъ училищъ, чтобы не уменьшилось въ нихъ число учащихся.

Вмѣстѣ съ тѣмъ надо было считаться и съ фактомъ присоединенія Бѣлоруссіи въ 1772 г. къ Россіи и съ вытекающими изъ него важными для устройства школъ послѣдствіями. Особенность существовавшаго тогда въ Россіи образа правленія, необходимость для жителей Бѣлоруссіи знакомиться съ государственнымъ языкомъ, наконецъ прямыя требованія правительства относительно сближенія монашескихъ училищъ съ народными училищами въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ—все это монахи, содержавшіе училища, неизбѣжно должны были принять въ расчетъ при постановкѣ учебнаго дѣла въ ихъ училищахъ.

До насъ не дошло никакихъ письменныхъ документовъ, которые давали бы намъ возможность точно указать, какъ возникала въ различныхъ монашескихъ орденахъ Бѣлоруссіи и постепенно зрѣла мысль о необходимости преобразованія содержимыхъ ими училищъ, какъ возникали новые учебные планы ихъ. Мы имѣемъ только возможность путемъ сравненія

учебныхъ плановъ, дѣйствовавшихъ въ монашескихъ училищахъ Бѣлоруссіи въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX в. съ ихъ прежними планами опредѣлить, въ чемъ именно монахи отступили отъ прежнихъ своихъ плановъ, и путемъ сравненія плановъ монашескихъ училищъ конца XVIII в. съ учебными планами народныхъ училищъ и училищъ, устроенныхъ по системѣ эдукаціонной комиссіи,—выяснить, въ чемъ именно монахи сочли нужнымъ уступить требованіямъ времени и какія особенности прежняго устройства своихъ училищъ они признали необходимымъ сохранить.

Изученіе имѣющихся, къ сожалѣнію, немногочисленныхъ, данныхъ *), по этому предмету приводитъ къ слѣдующимъ выводамъ:

а) Внѣшнее устройство *іезуитскихъ* училищъ въ концѣ XVIII ст. лишь въ немногихъ чертахъ отличалось отъ устройства, даннаго училищамъ уставомъ 1599 г.

Полное іезуитское общеобразовательное учебное заведеніе, согласно уставу 1599 г. распадалось на два отдѣленія: младшее (studia inferiora) и старшее (studia superiora) **).

Младшее отдѣленіе по уставу должно было состоять изъ 5 классовъ. Для 5 класса назначенъ былъ двухгодичный курсъ, для остальныхъ - одногодичный.

Курсъ старшаго отдѣленія долженъ былъ продолжаться два или три года.

Къ этимъ двумъ отдѣленіямъ въ нѣкоторыхъ іезуитскихъ училищахъ прибавлялось еще спеціально-богословское отдѣленіе, въ которое поступали наиболѣе способные изъ кончившихъ курсъ ученія въ старшемъ отдѣленіи. Въ теченіе *четырехъ* лѣтъ эти юноши должны были изучать священное писаніе, еврейскій языкъ, богословіе и казуистику, подъ именемъ

*) Сборникъ матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи. Т. 1, стр. 123—130, 557—638. Обозрѣніе училищъ Могилевской и Витебской губерній. Севергина. Арх. Канц. Попеч. Вил. учеб. Округа Св. 4, № 31.

**) Kellner. Erziehungsgeschichte т. 1, стр. 247 и слѣд. Von Raumer. Geschichte der Padagogik. т. 1, стр. 262—285.

которой разумѣлся сводъ правилъ относительно совершенія таинствъ и исполненія пастырскихъ обязанностей.

Въ концѣ XVIII в. одно изъ іезуитскихъ училищъ, именно Полоцкая коллегія, основанная еще при Стефанѣ Баторіѣ въ 1582 года, совмѣщала въ себѣ и младшее и старшее отдѣленія полнаго училища и дополнительный богословскій классъ. Отступленіе отъ устава состояло лишь въ томъ, что курсы старшаго отдѣленія и дополнительнаго класса продолжались по году.

Витебская и Могилевская коллегіи были полныя шестиклассныя училища, Динабургское, Оршанское и Мстиславское училища состояли каждое изъ пяти классовъ, т. е. каждое изъ нихъ представляло собой младшее отдѣленіе полнаго іезуитскаго училища.

Вѣрные друзья и союзники іезуитовъ, базиліане дали устроенному ими въ 1790 г. уніатскому училищу въ Толочинѣ видъ младшаго отдѣленія полнаго іезуитскаго училища. Оно состояло изъ 5 классовъ.

Курсъ Доминиканскаго Забяльскаго училища въ концѣ XVIII в. продолжался шесть лѣтъ, по два года въ каждомъ изъ трехъ классовъ училища. Въ каждомъ классѣ полагался одинъ учитель. Такимъ образомъ Доминиканскому Забяльскому училищу данъ былъ тотъ самый видъ, какой имѣли трехклассныя училища, устроенныя по уставу эдукаціонной комиссіи. Ушачское училище, по присоединеніи Ушача къ Россіи, осталось тѣмъ же трехкласснымъ училищемъ, какимъ оно было и раньше.

Витебское піарское училище - въ составѣ трехъ младшихъ классовъ—организовано было по системѣ Конарскаго. Но къ этимъ тремъ классамъ прибавленъ еще былъ въ первыхъ годахъ XIX ст. четвертый дополнительный классъ, въ которомъ ректоръ училища Турскій сообщалъ ученикамъ свѣдѣнія по физикѣ.

б) Во главѣ предметовъ учебнаго курса во всѣхъ монашескихъ училищахъ стоялъ законъ Божій, въ составъ котораго входило преподаваніе св. исторіи, христіанской морали и катехизиса. Въ этомъ отношеніи программа монашескихъ

училищъ совпадала съ программой народныхъ училищъ и отличалась отъ программы школъ, устроенныхъ по уставу эдукаціонной комиссіи. Въ программѣ этихъ послѣднихъ школъ, какъ указано выше, преподаванію катехизиса не было дано мѣсто въ часы школьныхъ занятій.

Чтобы усилить воздѣйствіе на учениковъ истинъ вѣры и нравоученія христіанскаго, начальства всѣхъ монашескихъ орденовъ, содержавшихъ училища въ Бѣлоруссіи, считали нужнымъ имѣть при училищахъ особыхъ духовниковъ-проповѣдниковъ, на обязанность которыхъ возлагалось исповѣдывать учащихся и въ каждый воскресный и праздничный день во время богослуженія произносить поученіе, разъясняющее истины вѣры и христіанской нравственности.

Въ іезуитскихъ училищахъ для усиленія религіозно-нравственнаго воздѣйствія на учащихся широко практиковались и другія мѣры и средства *). Огромное въ этомъ отношеніи значеніе имѣла та обстановка, среди которой протекала жизнь учащихся въ іезуитскихъ школахъ. Прежде всего важно было то, что какъ бы ни было велико число учителей въ учебномъ заведеніи, всѣ они, безпрекословно исполняя волю начальника заведенія, какъ волю самого Христа, должны были дѣйствовать на учащихся въ видахъ ихъ религіозно-нравственнаго развитія совершенно согласно. Въ этихъ заведеніяхъ совершенно недопускалось, чтобы преподаватели держались различныхъ взглядовъ на вопросы религіознаго характера. При такомъ однообразномъ воздѣйствіи на учениковъ со стороны всѣхъ преподавателей, религіозно-нравственныя воззрѣнія, господствовавшія въ заведеніи, должны были сильно западать въ душу учащихся и глубоко внѣдряться въ ней. Съ другой стороны каждый изъ преподавателей обязательно долженъ былъ, по воспитательному плану іезуитовъ, пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы внѣдрять въ души учащихся религіозно-нравственныя воззрѣнія, какія считались въ данное время наиболѣе отвѣчающими религіознымъ нуждамъ времени. Учителямъ всегда ставилось въ непремѣнную обязанность, при подготовкѣ къ урокамъ по всякому предмету, тщательно соображать, нельзя ли въ связи съ тѣми положеніями, какія

*) Kellner. Erziehungsgeschichte. т. 1, стр. 250 и 251.

они будутъ развивать во время урока, высказать и какую либо христіанскую истину. Такимъ образомъ и язычники (на урокахъ чтенія классическихъ латинскихъ авторовъ) становились вѣстниками Христа. Если къ сказанному присоединить, что богатыя школьныя библіотеки, существовавшія въ большинствѣ іезуитскихъ учебныхъ заведеній, подбирались весьма толково въ ихъ видахъ, что учащіеся находились постоянно подъ надзоромъ, что іезуиты были несравненные мастера устраивать религіозныя церемоніи, которыя иногда производили сильнѣйшее, потрясающее впечатлѣніе на души учащихся, то будетъ понятно, что поступившему въ іезуитское училище слишкомъ трудно было не поддаться тѣмъ воззрѣніямъ, какія хотѣли внѣдрить въ его душу іезуиты.

Огромную часть учебныхъ часовъ въ младшихъ классахъ учащіеся въ монашескихъ училищахъ употребляли на изученіе латинскаго языка. Въ первомъ классѣ іезуитскихъ училищъ на изученіе грамматическихъ правилъ и чтеніе авторовъ изъ 20 часовъ учебнаго времени въ теченіе недѣли, съ понедѣльника до пятницы (во вторникъ и четвергъ занимались только до обѣда въ теченіе $2^1/_2$ часовъ) употребляемо было $12^3/_4$ часовъ. По субботамъ на повтореніе пройденнаго по латинскому языку въ теченіе недѣли и на практическія занятія изъ 5 учебныхъ часовъ употребляемо было 4 часа. Такимъ образомъ на преподаваніе всѣхъ прочихъ предметовъ въ первомъ классѣ оставалось лишь $8^1/_4$ часовъ. Во второмъ классѣ на занятія латинскимъ языкомъ отводимо было 14 часовъ. Въ Доминиканскомъ Забяльскомъ училищѣ изъ числа 20 часовъ курса перваго класса отведено было на преподаваніе латинскаго языка по 9 часовъ въ 1 и 2 году пребыванія учащихся въ этомъ классѣ. Въ Толочинскомъ базиліанскомъ училищѣ на преподаваніе латинскаго языка и латино-польской словесности отводимо было 16 часовъ въ недѣлю (по 4 урока въ понедѣльникъ, среду, пятницу и субботу).

Трата огромнаго количества времени въ училищахъ, состоявшихъ въ вѣдѣніи римско-католическаго духовенства, на преподаваніе латинскаго языка—явленіе легко объяснимое. Латинскій языкъ, языкъ богослуженія латинской церкви, языкъ вульгаты, языкъ сношеній съ Римомъ, языкъ буллъ и бреве папскихъ, имѣлъ въ глазахъ римско-католическаго духовенства

огромное значеніе, и помимо образовательнаго его значенія. Въ іезуитскихъ училищахъ онъ имѣлъ для учащихся и значеніе живаго языка, какъ языкъ преподаванія въ старшихъ классахъ. Поэтому цѣлію преподаванія латинскаго языка въ іезуитскихъ училищахъ поставлено было доведеніе учащихся не только до свободнаго пониманія текста древнихъ классическихъ авторовъ, но и до умѣнья свободно владѣть этимъ языкомъ какъ въ устной, такъ и въ письменной рѣчи, при чемъ много употребляемо было трудовъ, чтобы пріучить обучающихся излагать свои мысли по всѣмъ правиламъ ораторскаго искусства.

Но нельзя не удивляться, что и въ базиліанскомъ Толочинскомъ училищѣ тратили такъ много времени на изученіе латинскаго языка: вѣдь для уніатовъ латинскій языкъ не имѣлъ значенія языка церковнаго. Это удивительное явленіе можно объяснить развѣ только тѣмъ, что въ концѣ XVIII в. базиліанскій орденъ былъ переполненъ іезуитами.

Такимъ образомъ въ опредѣленіи числа уроковъ по латинскому языку въ монашескихъ училищахъ Бѣлоруссіи начальства монашескихъ орденовъ совершенно разошлись съ уставомъ эдукаціонной комиссіи, назначавшимъ для преподаванія латинскаго языка небольшое количество уроковъ *); но указанный этимъ уставомъ принципъ, по которому въ основу преподаванія латинскаго языка было положено чтеніе учащимися латинскихъ авторовъ, былъ въ той или другой формѣ осуществляемъ всѣми орденскими училищами.

Доминиканское Забяльское училище въ этомъ отношеніи ничѣмъ не отличалось отъ училищъ, устроенныхъ по уставу эдукаціонной комиссіи. Піарское Витебское училище точно также въ широкихъ размѣрахъ практиковало чтеніе учениками различныхъ выписей. Іезуиты, принимая принципъ, указанный уставомъ эдукаціонной комиссіи, разработали его по своему. Кромѣ „praelectiones ex probatis auctoribus selectae ad usum studiosae juventutis“, книжки, составленной іезуитами и напеча-

*) По таблицѣ уроковъ, приложенной къ уставу Эдукаціонной Комиссіи, въ первомъ и второмъ классѣ полагалось по 9 уроковъ Латинскаго языка, въ III—V по 3.

танной въ Полоцкѣ въ 1800 году, ученики iезуитскихъ училищъ разбирали письма Цицерона, басни Федра, Эзопа и др. *).

При обсужденiи и рѣшенiи вопроса о томъ, какого рода науки должны войти въ программу преподаванiя въ монашескихъ училищахъ Бѣлоруссiи, начальствамъ орденовъ естественно было обратиться къ программамъ школъ эдукацiонной комиссiи.

Но перенести эти образцы на почву Бѣлоруссiи въ полномъ ихъ объемѣ скоро оказалось невозможнымъ.

Монашескiя училища Бѣлоруссiи признали нужнымъ посвятить громадное количество учебнаго времени преподаванiю латинскаго языка. Уже въ силу этого начальствамъ монашескихъ орденовъ Бѣлоруссiи, приходилось исключить изъ программъ своихъ училищъ преподаванiе нѣкоторыхъ предметовъ, вошедшихъ въ программы школъ эдукацiонной комиссiи. Но имъ нужно было принять еще въ расчетъ необходимость ввести въ свои школы преподаванiе въ тѣхъ или другихъ размѣрахъ такихъ предметовъ, которыхъ не знали школы эдукацiонной комиссiи: русскаго языка, русской исторiи и географiи. Чтобы дать мѣсто преподаванiю этихъ предметовъ, опять таки нужно было исключить нѣкоторые изъ предметовъ, указанныхъ въ программахъ школъ эдукацiонной комиссiи.

Вопросъ о составленiи программъ сильно такимъ образомъ усложнялся.

Въ концѣ концовъ онъ рѣшенъ былъ далеко не одинаково различными орденами.

Начну съ iезуитовъ. Вся совокупность наукъ, которыя уставъ эдукацiонной комиссiи предписывалъ проходить въ школахъ, распадалась на три группы: науки общеобразовательныя, науки политическiя и науки, сообщающiя полезныя въ жизни свѣдѣнiя.

Преподаванiе въ школахъ наукъ, сообщающихъ учащимся практически полезныя въ жизни свѣдѣнiя, въ XVIII столѣтiи имѣло массу приверженцевъ. Введенiе въ школьную программу

*) Архивъ Канц. Поп. Вил. Учеб. Округа. Св. 4, № 31.

наукъ этого рода представлялось указаннымъ лицамъ лучшимъ средствомъ подготовить учащихся къ жизни и поставить ихъ въ возможность лучше обставить свою жизнь, по выходѣ изъ школы. Этого рода соображенiями въ второй половинѣ XVIII ст. увлеклись-было и iезуиты. Сообщенiю такихъ свѣдѣнiй они отвели-было цѣлый учебный годъ. Въ одно время въ программу V класса iезуитскихъ училищъ входили: „механика теоретическая и практическая, разнымъ художествамъ присоединенная, художество плотничье и каменщичье, архитектура гражданская, архитектура военная, баллистика и пиротехника“. Но скоро это увлеченiе прошло, и iезуиты совершенно исключили изъ своей программы всѣ науки, цѣнность которыхъ заключается не въ ихъ образовательномъ значенiи, а въ практической пользѣ сообщаемыхъ имъ свѣдѣнiй. Исключенiе составили лишь архитектура гражданская и архитектура военная; но и эти предметы были преподаваемы не всѣмъ, а лишь желающимъ. Для преподаванiя этихъ предметовъ устроены были особые классы.

Не признали iезуиты нужнымъ включать въ программы своихъ училищъ и политическiя науки. Они отлично сообразили, что, при существовавшемъ тогда въ Россiи образѣ правленiя, неумѣстно было преподаванiе такихъ наукъ, какъ право природы, политическое право, государственная экономiя и право народовъ, и что преподаванiе ихъ можетъ навлечь на нихъ неудовольствiе правительства, чего они больше всего опасались, доколѣ ихъ орденъ продолжалъ существовать въ Россiи лишь по милости императрицы Екатерины II и императора Павла I.

Въ программы своихъ училищъ они внесли лишь общеобразовательныя науки, при чемъ программа младшаго отдѣленiя въ значительной степени была сближена съ программой главныхъ народныхъ училищъ.

Въ программу преподаванiя въ младшемъ отдѣленiи iезуитскихъ училищъ, кромѣ закона Божiя и латинскаго языка, вошли: стилистика и реторика, ариѳметика, геометрiя и начала алгебры, исторiя, географiя, естественная исторiя и языки: русскiй, французскiй и нѣмецкiй.

Изученіе языковъ французскаго и нѣмецкаго не признавалось обязательнымъ для всѣхъ учащихся: изучали ихъ лишь желающіе въ внѣклассное время. Русскій языкъ въ іезуитскихъ училищахъ занялъ совершенно особое положеніе. Въ первомъ классѣ всѣ учащіеся обязательно изучали грамматику русскаго языка; начиная со II кл., его изучали лишь желающіе въ внѣклассное время.

Введеніе грамматики русскаго языка въ число обязательныхъ предметовъ курса перваго класса стоитъ въ очевидной связи съ признаніемъ русскаго языка языкомъ преподаванія нѣкоторыхъ предметовъ въ іезуитскихъ училищахъ. Такъ какъ многіе изъ поступавшихъ въ училища не знали этого языка, то очевидно для подготовки ихъ къ слушанію уроковъ по преподаваемымъ на этомъ языкѣ предметамъ и понадобилось ввести его въ курсъ обязательныхъ предметовъ, по крайней мѣрѣ въ первомъ классѣ.

Въ программахъ іезуитскихъ училищъ нѣтъ упоминанія о польскомъ языкѣ, какъ предметѣ преподаванія. Не нужно выводить отсюда заключенія, что іезуиты игнорировали національные интересы польскаго населенія Бѣлоруссіи. Это значитъ только то, что іезуиты и въ концѣ XVIII ст. слѣдовали прежнему правилу, по которому отечественный языкъ, каковымъ для католическаго населенія Бѣлоруссіи, въ глазахъ іезуитовъ, былъ польскій, никогда не былъ преподаваемъ въ іезуитскихъ школахъ. Въ дѣйствительности польскій языкъ былъ въ большомъ ходу въ іезуитскихъ школахъ. Это былъ языкъ преподаванія почти всѣхъ предметовъ въ младшемъ отдѣленіи іезуитскихъ училищъ. На урокахъ латинскаго языка переводъ съ латинскаго дѣлался на польскій языкъ. Въ IV классѣ изучались „правила писанія въ стихахъ и прозѣ на польскомъ языкѣ“. При изученіи реторики въ V классѣ ученикамъ приходилось знакомиться и съ польскими писателями.

Въ училищахъ эдукаціонной комиссіи, на всемъ пространствѣ Виленскаго учебнаго округа преподаваніе исторіи ограничивалось лишь сообщеніемъ ученикамъ свѣдѣній о нѣкоторыхъ государствахъ древняго міра: ассирійскомъ, персидскомъ, греческихъ и римскомъ. Средней и новой исторіи въ этихъ школахъ не проходили. Іезуиты не послѣдовали этому

примѣру. Правда, и въ іезуитскихъ училищахъ не проходились курсы средней и новой исторіи во всемъ ихъ объемѣ, но все же учащимся въ этихъ училищахъ сообщались нѣкоторыя свѣдѣнія изъ средней и новой исторіи. Въ V классѣ іезуитскихъ училищъ проходили римскую исторію. Вотъ этотъ-то учебникъ и знакомилъ учащихся съ нѣкоторыми событіями изъ средневѣковой и новой исторіи. Характеръ преподаванія исторіи вполнѣ соотвѣтствовалъ тѣмъ цѣлямъ, какія преслѣдовали іезуиты, какъ горячіе, неутомимые борцы за интересы римско-католической церкви. Преподаватели римской исторіи обязывались обращать особое вниманіе учащихся на то, какъ много содѣйствовали римскіе епископы общему благу Европы, особенно развитію въ ней наукъ и искусствъ. Они должны были разъяснять учащимся между прочимъ, что орденъ тампаіеровъ упраздненъ правильно, такъ какъ имъ совершено множество преступленій, что Іоаннъ Гуссъ сожженъ на кострѣ не констанскимъ соборомъ, а свѣтскою властію. Они должны были отвергать ошибочныя будто бы сказанія относительно Галилея, инквизиціи, Варѳоломеевской ночи, пороховаго заговора въ Англіи и т. п. *).

Кромѣ того въ училищахъ іезуитскихъ проходима была исторія россійскаго государства по учебнику, составленному для главныхъ народныхъ училищъ. Предметъ этотъ былъ преподаваемъ на русскомъ языкѣ.

Географія преподаваема была въ I—V кл. Въ первомъ классѣ сообщаемы были краткія свѣдѣнія „о четырехъ частяхъ свѣта“, во II—III проходимо было по русски землеописаніе россійскаго государства по книгѣ для народныхъ школъ изданной, въ IV—преподаваема была географія политическая и математическая, въ V географія „о Европѣ“. Этотъ курсъ преподаваемъ былъ по русски.

Естественная исторія проходима была въ самомъ краткомъ видѣ **).

---

31) Сапуновъ. Замѣтка о коллегіи и академіи іезуитовъ въ Полоцкѣ. Стр. 29.

32) Чтобы убѣдиться, какъ далеко отступили іезуитовъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX в. отъ прежнихъ учебныхъ плановъ, достаточно прочитать у

При массѣ уроковъ, отведенныхъ на преподаваніе латинскаго языка трудно было дать достаточное количество учебныхъ часовъ для обстоятельнаго прохожденія общеобразовательныхъ предметовъ, и іезуиты были вынуждены сокращать по возможности время преподаванія ихъ. Въ силу этого на преподаваніе исторіи во II—V классахъ было употребляемо только $4^1/_2$ часа, на преподаваніе географіи столько же, на преподаваніе математики въ I—IV по $1^1/_2$ часа въ недѣлю.

Въ курсъ VI класса іезуитскихъ училищъ, т. е. старшаго отдѣленія училищъ входили: философія, физика, механика. Въ объемъ „философіи" входили: „наука хорошаго думанья, разсужденія и умствованія, онтологія, т. е. наука о существѣ, этіологія, т. е. наука о причинахъ, психологія, или наука о безтѣлесныхъ духахъ".

Заканчивая разсмотрѣніе программъ іезуитскихъ училищъ, я долженъ сдѣлать одно существенно-важное замѣчаніе.

Программы младшаго отдѣленія іезуитскихъ училищъ свидѣтельствуютъ не только о желаніи ихъ исполнить требованія правительства императрицы Екатерины II относительно постановки преподаванія въ монашескихъ училищахъ, но и о готовности іезуитовъ итти дальше въ направленіи, указанномъ правительствомъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ въ особенности предоставленіе русскому языку правъ языка преподаванія не только исторіи и географіи, но и другихъ предметовъ, какъ то: географіи Европы, геометріи и архитектуры въ связи съ употребленіемъ по этимъ предметамъ русскихъ учебниковъ.

Ни въ одномъ монашескомъ училищѣ подобное явленіе не наблюдалось.

Объясненіе этого явленія заключается въ слѣдующемъ.

Ярошевича описаніе учебнаго курса іезуитскихъ школъ въ первой половинѣ XVIII в. По словамъ Ярошевича, классы и науки въ іезуитскихъ школахъ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: 1) въ „infima" младшаго и старшаго возраста учили читать и писать, а также латинскимъ склоненіямъ и спряженіямъ; 2) grammatica—проходилась этимологія латинскаго языка, 3) syntaxis—правила латинской конструкціи; 4) poëtica—латинская просодія и правила сочиненія польскихъ и латинскихъ стиховъ; 5) rethorica—краснорѣчіе латинское и польское.

Съ тѣхъ поръ, какъ Бѣлоруссія вошла въ составъ Россіи, Бѣлорусскіе іезуиты напрягли всѣ силы своего изворотливаго ума, чтобы привлечь въ свои учебныя заведенія возможно большее количество дѣтей лицъ русскаго происхожденія, православнаго исповѣданія. Совершенно справедливо разсуждали они, что чѣмъ больше удастся имъ привлечь въ свои заведенія дѣтей православныхъ русскихъ людей, тѣмъ скорѣе смогутъ они распространить въ русскомъ обществѣ уваженіе къ дѣятельности іезуитскаго ордена, тѣмъ лучше и скорѣе удастся имъ провести въ общество религіозно-нравственныя воззрѣнія, мирящія его съ католичествомъ и подготовляющія русскихъ къ принятію его. Для достиженія этой желанной цѣли принятъ былъ, и помимо составленія школьныхъ программъ, цѣлый рядъ обдуманныхъ мѣръ.

Отъ всѣхъ, поступающихъ въ іезуитское общество, іезуиты обязательно требовали, чтобы они учились русскому языку, и благодаря этому каждый русскій мальчикъ, поступавшій въ іезуитское училище, могъ, особенно на первыхъ порахъ пребыванія въ училищѣ, получать нужныя ему указанія, нужные отвѣты на понятномъ языкѣ. Въ библіотеки училищъ было выписываемо много русскихъ книгъ; въ числѣ ихъ были даже четьи-минеи. Православнымъ ученикамъ предоставлена была даже возможность слушать преподаваніе закона Божія ихъ исповѣданія. Въ школахъ іезуитскихъ слышна была и русская пѣсня.

Іезуиты любили говорить русскимъ, особенно высокопоставленнымъ лицамъ, что они воспитываютъ ввѣренное имъ юношество въ русско-патріотическомъ духѣ, и когда имъ нужно было показать свои заведенія людямъ властнымъ, правительственнымъ, они всегда выдвигали на первый планъ именно эту сторону дѣла *).

Въ началѣ XIX столѣтія іезуиты заговорили даже о готовности ихъ вести преподаваніе всѣхъ предметовъ учебнаго курса въ ихъ училищахъ *на языкѣ русскомъ*. Рѣчь зашла объ этомъ, когда іезуитамъ нужно было добиться въ 1801—1802 г.

---

*) А. Бѣлецкій. Заботы Императрицы Екатерины II. о распространеніе образованія въ Полоцкой и Могилевской губерніяхъ. Стр. 57 и 58.

торжественнаго обнародованія папскаго бреве о возстановленіи въ Россіи іезуитскаго ордена. Бреве это было дано папой въ послѣдніе мѣсяцы царствованія императора Павла I и долго оставалось необнародованнымъ въ царствованіе императора Александра I *).

Не желаніе серьезно потрудиться въ дѣлѣ просвѣщенія среди русскаго населенія Имперіи сказалось во всѣхъ этихъ фактахъ: интересы русскаго народа имѣли очень мало значенія для іезуитовъ. Они заботливо облегчали для дѣтей русскихъ-православныхъ людей доступъ въ свои заведенія исключительно для того, чтобы подготовить распространеніе католичества среди русскаго населенія Имперіи, особенно среди высшаго общества Имперіи.

Съ этой точки зрѣнія надобно смотрѣть и на отмѣченныя выше особенности программъ іезуитскихъ училищъ.

Доминиканскій орденъ не призналъ возможнымъ совершенно исключить изъ учебной программы своего Забяльскаго училища всю совокупность политическихъ и практически—полезныхъ наукъ, какъ это сдѣлали іезуиты. Принимая близко къ сердцу интересы помѣщиковъ-поляковъ, отдававшихъ въ Забяльское училище своихъ дѣтей, Доминиканскій орденъ включилъ въ учебныя программы Забяльскаго училища преподаваніе садоводства, огородничества и землемѣрія, а равно и ознакомленіе учащихся съ литовскимъ статутомъ. На преподаваніе садоводства, огородничества и землемѣрія было отведено въ 2 кл. Забяльскаго училища по 3 недѣльныхъ урока и въ 1 и во 2 году пребыванія учениковъ въ этомъ классѣ.

---

*) Іезуиты добились, чего хотѣли: въ 1802 г. бреве папы было обнародовано. Въ письмѣ Министра Юстиціи, отъ 8 Сентября 1802 г. отправленномъ къ Генералу іезуитовъ Груберу прямо сказано, что Государь, разрѣшая торжественное обнародованіе папскаго бреве о возстановленіи іезуитскаго ордена, имѣлъ въ виду увѣреніе Генерала о заботливости его, que l'etude de tous sciences y soit entroduite en langue Russe (Морошкинъ. Іезуиты въ Россіи съ царствованіе Императрицы Екатерины II до нашихъ дней. Т. II, стр. 99, прим.). Странно, что Морошкинъ переводитъ приведенные слова такъ: . . . о вашей заботливости, чтобы при изученіи всѣхъ прочихъ наукъ былъ преподаваемъ и русскій языкъ. Переводъ совершенно не соотвѣтствуетъ подлиннику.

Но съ введеніемъ въ учебную программу Забяльскаго училища земледѣлія и съ назначеніемъ массы уроковъ на преподаваніе латинскаго языка уже не являлось ни малѣйшей возможности дать учащимся достаточно времени на прохожденіе обычныхъ общеобразовательныхъ предметовъ. И дѣйствительно, времени для преподаванія этихъ предметовъ отведено было мало. Особенно пострадала математика. Такъ, тригонометрія, алгебра, солидометрія проходимы были въ 3 классѣ при двухъ часовыхъ урокахъ въ 1 и 2 году пребыванія учениковъ въ классѣ. При этомъ надо имѣть въ виду, что часть указанныхъ уроковъ употребляема была на преподаваніе логики и естественной исторіи.

Русскій языкъ былъ изучаемъ, какъ и другіе новые иностранные языки. Изучали его лишь желающіе и при томъ въ внѣклассное время. По русской исторіи и географіи сообщаемы были лишь кой-какія свѣдѣнія.

Другое Доминиканское училище, Ушачское, когда Ушачъ вошелъ въ составъ территоріи Россіи, неизбѣжно, повидимому, подлежало преобразованію со стороны учебной программы по крайней мѣрѣ въ двухъ отношеніяхъ: 1) въ программу его слѣдовало ввести преподаваніе русскаго языка, русской исторіи и географіи, а равно и ввести способъ обученія, принятый въ народныхъ училищахъ по уставу 5 августа 1786 г. и 2) исключить изъ программы преподаванія такіе предметы, какъ науки политическія. Какой смыслъ имѣло преподаваніе такихъ наукъ въ государствѣ съ неограниченнымъ образомъ правленіи?

Но и право натуры и право политическое оставлены были въ программѣ училища, и все преобразованіе училища ограничилось тѣмъ, что въ программу его введено преподаваніе россійской исторіи и географіи, и *желающимъ* изъ учениковъ предоставлена возможность изучать русскій языкъ во внѣклассное время, какъ изучали желающіе нѣмецкій и французскій языкъ. Ушачское Доминиканское училище явилось такимъ образомъ типичнымъ представителемъ въ Бѣлоруссіи трехклассныхъ школъ эдукаціонной комиссіи.

Частію по этому, а частію потому, что типъ трехклассныхъ училищъ съ шестилѣтнимъ курсомъ продолжалъ существовать въ Бѣлоруссіи до уничтоженія монашескихъ училищъ

въ Россіи, будетъ не излишне познакомить читателя съ постановкой преподаванія въ Ушачскомъ училищѣ.

Въ сходство грамоты, выданной отъ бывшей въ Польшѣ коммиссіи, говорится въ донесеніи пріора Доминиканскаго Ушачскаго монастыря 16 ноября 1802 года, Ушачское училище состоитъ изъ трехъ классовъ, полагая на всякій классъ по два года. Учитель перваго класса въ теченіе 20 часовъ чрезъ недѣлю обучаетъ публично перволѣтнихъ учениковъ польско-латинской грамматикѣ, катехизису, нравственной наукѣ, священной исторіи, начальнымъ правиламъ ариѳметики, правописанію, начальной географіи и переводить изъ латинскихъ классныхъ сочинителей выписи, относящіяся до нравственной науки, а второлѣтнихъ — тѣмъ же самымъ наукамъ въ высшей степени. Во второмъ и третьемъ классахъ перемѣняются учителя. Профессоръ физики и математики въ теченіе недѣли чрезъ 11 часовъ во 2 классѣ обучаетъ перволѣтнихъ учениковъ высшей ариѳметикѣ, начальнымъ правиламъ геометріи и алгебры, наукамъ о садоводствѣ и хлѣбопашествѣ, также переводить изъ классныхъ сочинителей выписи, относящіяся до естественной исторіи; второлѣтнихъ—тѣмъ же самымъ наукамъ обучаетъ, токмо въ вышней степени. Оный учитель математики еще въ теченіи одной недѣли чрезъ 9 часовъ въ 3 классѣ обучаетъ перволѣтнихъ учениковъ алгебрѣ, геометріи, межевымъ и прочимъ рисункамъ, логикѣ, физикѣ, естественной исторіи и переводить латинскія выписи, относящіяся до естественной исторіи; второлѣтнимъ ученикамъ преподаетъ тѣ же самыя науки въ вышней степени. Учитель краснорѣчія и науки о правахъ во 2 классѣ въ теченіи недѣли чрезъ 9 часовъ обучаетъ перволѣтнихъ учениковъ польско-латинской грамматикѣ, ассирійской, мидской, персидской, финиціанской и египетской исторіямъ обще съ географіей и переводить латинскія выписи; второлѣтнихъ—польской-латинской грамматикѣ, начальнымъ правиламъ краснорѣчія и стихотворства, греческой исторіи обще съ географіей и переводить выписи латинскія; также преподаетъ какъ перволѣтнимъ, такъ и второлѣтнимъ ученикамъ науку о добронравіи съ переводомъ выписей изъ латинскихъ авторовъ, касающихся сего предмета. Тотъ же самый учитель въ 3 классѣ въ теченіе 11 часовъ обучаетъ перволѣтнихъ учениковъ римской исторіи вмѣстѣ съ географіей, второлѣтнихъ—россійской исторіи и географіи, а оболѣтнихъ вообще—реторикѣ и поэзіи, наукѣ о добронравіи, натуральному и политическому правамъ и астрономической географіи.

Иностраннымъ языкамъ обучались въ свободное время отъ публичныхъ лекцій *).

Базиліане, принявъ программу іезуитовъ, сдѣлали однакоже нѣкоторыя существенно важныя отступленія отъ нея. Іезуиты старались какъ можно шире раскрыть двери своихъ учебныхъ заведеній для дѣтей лицъ русскихъ, православныхъ; базиліане видимо стремились къ тому, чтобы у нихъ было побольше дѣтей помѣщиковъ-поляковъ.

Прежде всего сказалось это на постановкѣ въ Толочинскомъ училищѣ преподаванія русскаго языка, русской исторіи и географіи. Русскій языкъ былъ преподаваемъ въ Толочинскомъ училищѣ, какъ и новые иностранные языки, лишь для желающихъ, во внѣклассное время; преимуществомъ русскаго языка сравнительно съ французскимъ и нѣмецкимъ языкомъ было то, что уроки русскаго языка происходили ежедневно, отъ 9 до 10 ч. утра. Русская исторія и географія были проходимы въ Толочинскомъ училищѣ, но преподаваемы они были по польски. Польскій языкъ былъ языкомъ преподаванія и всѣхъ остальныхъ предметовъ въ училищѣ.

Въ видахъ конечно сближенія своего училища съ польскими базиліане внесли въ программу преподаванія его науку о правахъ.

Въ отличіе отъ іезуитовъ базиліане внесли также въ программу своего училища рисованіе и „метафизику о безсмертіи души“.

Въ прочихъ отношеніяхъ программа базиліанскаго Толочинскаго училища была сходна съ программой пятиклассныхъ іезуитскихъ училищъ.

в) Въ XVIII в. въ кругахъ лицъ, занимавшихся педагогическимъ дѣломъ, широко уже распространена была мысль о необходимости назначать школьными учителями лишь такихъ

---

*) Сбор. матер. для исторіи просвѣщ. въ Россіи. Т. I, ст. 596.

лицъ, которые получили спеціальную для этого подготовку. Это положеніе громко провозглашено было Конарскимъ; его повторили и эдукаціонная комиссія и комиссія о народныхъ училищахъ. Бѣлорусскіе монахи, содержавшіе училища, остались глухи къ этому требованію времени, и ими не сдѣлано ровно ничего, чтобы давать школамъ подготовленныхъ учителей. Учителями въ этихъ школахъ дѣлались монахи, которые получали на то приказаніе своего начальства; они преподавали тотъ предметъ, который назначено было имъ преподавать. Учительство для такихъ лицъ было лишь дѣломъ монашескаго послушанія. Не удивительно поэтому, что учительскія обязанности исполнялись большинствомъ ихъ лишь ex officio.

Кромѣ вышеупомянутыхъ училищъ, римско-католическое и базиліанское духовенство содержало еще и небольшое количество начальныхъ училищъ.

Какъ велико было число такихъ училищъ, въ то время, когда Бѣлоруссія присоединена была къ Россіи, свѣдѣній не имѣется. Но едва ли возможно сомнѣваться въ существованіи такихъ училищъ. Безъ школъ духовенство не могло обойтись уже потому, что иначе ему трудно было бы найти грамотныхъ людей, которые могли бы исполнять обязанности прислужниковъ при богослуженіи, напр. обязанности органистовъ. Такія школы дѣйствовали и существовали вездѣ въ католическомъ мірѣ, особенно при главныхъ церквахъ въ епархіяхъ. Были онѣ конечно и въ Бѣлоруссіи.

Въ періодъ времени съ 1772 г., когда совершилось присоединеніе Бѣлоруссіи къ Россіи, до 24 янв. 1803 года, число начальныхъ школъ, содержимыхъ римско-католическимъ духовенствомъ, замѣтно увеличилось.

Въ особенности много поработалъ въ этой области римско-католическій бѣлорусскій епископъ, впослѣдствіи митрополитъ, Сестренцевичъ-Богушъ.

По вступленіи на епископскую бѣлорусскую каѳедру, Сестренцевичъ прежде всего лично обревизовалъ всѣ костелы и монастыри бѣлорусскіе. Онъ не мало огорченъ былъ, когда увидѣлъ упадокъ монашеской жизни и дурное поведеніе мо-

наховъ и запущенность монастырскихъ школъ, гдѣ они существовали. Сестренцевичу не оставалось ничего больше, какъ преобразовать монашескіе ордена и призвать ихъ къ дѣятельности на новыхъ началахъ. Это преобразованіе епископъ основалъ на просвѣщеніи всѣхъ вообще орденовъ, избѣгая при этомъ разумѣется всего того, что противно было догматамъ римско-католической вѣры. Чтобы учить другихъ, нужно быть самому образованнымъ; по этому прежде всего слѣдовало подумать объ образованіи монаховъ. Съ этого и началъ епископъ. Онъ вмѣнилъ въ обязанность всѣмъ монахамъ учиться проповѣдничеству, исторіи, географіи, отечественной словесности, французскому языку, математикѣ и даже физіологіи; чтобы дать на это достаточно времени, онъ облегчилъ разныя монашескія упражненія, освободилъ отъ процессій, происходившихъ во время занятій, запретилъ отлучаться изъ монастырей въ извѣстные часы, распредѣлилъ всѣ занятія, время отдохновенія и принятія пищи и предостерегалъ отъ употребленія водки.

Открывая духовенству доступъ къ образованію, епископъ звалъ его, по окончаніи образованія, на дѣятельность общеполезную. „Просвѣщеніе юношества, служеніе немощнымъ и призрѣніе помощи требующихъ—вотъ та широкая область дѣятельности, въ которой съ пользою можетъ поработать духовенство въ часы, свободные отъ исполненіи обязанностей, налагаемыхъ на него носимымъ имъ званіемъ. Особенно должно поработать духовенство на поприщѣ образованія юношества. Да не смотрятъ братія наши на народное образованіе, какъ на пагубу, поучалъ Сестренцевичъ свое духовенство, но пусть постараются о приготовленіи честныхъ гражданъ, вселяютъ въ нихъ расположеніе и милость ко всѣмъ людямъ, не смотря на вѣру, страну и сословіе; пусть учатъ ихъ не предпочитать почести, вращаютъ ихъ сердца, пріучаютъ ихъ къ труду и вѣрному служенію государынѣ и отечеству. Въ наше время, когда такъ справедливо жалуются на развращенность и упадокъ монашескихъ сословій и когда почти никто не думаетъ о томъ, какъ сдѣлать ихъ полезнымъ для государства, суждено было золотому вѣку безсмертной Екатерины обратить ихъ на пользу другихъ своихъ подданныхъ“. Чтобы монастыри могли дать помѣщенія училищамъ, епископъ сдѣлалъ распоряженіе, въ силу котораго при каждомъ монастырѣ

настоятели ихъ должны были или отвести помѣщеніе училищу, или, если такого помѣщенія не было, должны были сдѣлать пристройки.

Устраивая новые порядки въ жизни учебныхъ заведеній, которыя содержало римско-католическое духовенство, епископъ Сестренцевичъ видимо преслѣдовалъ слѣдующія цѣли:

а) Монахи, говорилъ онъ, никогда неперестанутъ утверждать, что нѣтъ дѣла богоугоднѣе и спасительнѣе, какъ злобствовать на еретиковъ, которые неодинаково съ нами вѣруютъ. Какой же пользы ожидать можно отъ такого наставленія, въ которомъ человѣконенавистничество имѣетъ первое и главное основаніе? Соотвѣтственно этому Сестренцевичъ и старался всячески изгнать изъ учебныхъ заведеній, содержимыхъ духовенствомъ этотъ духъ „человѣконенавидѣнія", внушая содержателямъ училищъ воспитывать въ своихъ ученикахъ духъ религіозной терпимости къ иновѣрцамъ.

б) Сестренцевичъ признавалъ необходимымъ ввести въ учебный курсъ всѣхъ училищъ обученіе русскому языку. Чтобы вѣрнѣе снабдить монашескія училища книгами, по которымъ обучающееся въ монашескихъ училищахъ юношество могло бы изучить русскій языкъ, онъ, съ разрѣшенія правительства, завелъ въ типографіи при консисторіи русскія буквы. Съ теченіемъ времени, по указаніямъ епископа, училища стали постепенно вводить въ учебный курсъ училищъ русскую географію и исторію *).

Нашлись въ римско-католическихъ кружкахъ Бѣлоруссіи и благотворители, которые жертвовали отъ своихъ избытковъ на благое дѣло народнаго просвѣщенія. Такъ, графъ Константинъ Людвигъ Плятеръ съ своей супругой, по условію съ епископомъ Бениславскимъ, дѣйствовавшимъ отъ имени архіепископа Сестренцевича, заключенному съ нимъ 27 іюня 1786 года, обязался ежегодно уплачивать съ имѣнія Креславка на содержаніе училища по 180 рублей **). Въ Себежѣ въ 1802 г. при римско-католическомъ костелѣ открыто было двухклассное приходское училище, которое содержалъ на свой счетъ ксендзъ

*) Гр. Толстой. Римскій католицизмъ въ Россіи. Т. II, стр. 10—12. Полное Собр. Зак. т. XX, № 14520.

**) Сапуновъ. 75-лѣтіе Витеб. гимн. Вит. 1884 г., прил. № 38. Стр. CI.

Мелетій Липскій *). Въ Освѣѣ (Дрис. уѣзда) существовали два приходскихъ училища: мужское и женское. Въ первомъ на средства, завѣщанныя графомъ Гильзеномъ, содержались 23 воспитанника, во второмъ 13 воспитанницъ **). Въ Сокольникскомъ приходскомъ училищѣ Францискановъ 4 воспитанника содержались на средства, собранныя и пожертвованныя училищу прелатомъ Сутоцкимъ ***).

Въ рядахъ польскихъ помѣщиковъ, жертвовавшихъ на содержаніе училищъ, находившихся въ управленіи римско-католическаго духовенства, встрѣчается и русская крупная помѣщица, графиня Чернышева. Въ имѣньѣ своемъ Чечерскѣ она открыла на свои средства начальное училище и отдала его въ управленіе іезуитамъ. На содержаніе учителей-іезуитовъ и продовольствіе 8 учениковъ она отпускала ежегодно 693 руб. 20 коп. деньгами и „разной провизіи довольное количество". Графиня отпускала изъ своихъ средствъ и деньги на содержаніе училища ****).

Наконецъ надо упомянуть о первомъ опытѣ устройства приходскихъ училищъ, имѣвшихъ цѣлію подготовлять къ вступленію въ среднія учебныя заведенія тѣхъ мальчиковъ, которые не могли дома получить такой подготовки. Этотъ опытъ сдѣланъ былъ монахами Доминиканскаго ордена, содержавшими Ушачское училище.

Сколько существовало въ описываемомъ періодѣ приходскихъ училищъ, находившихся въ вѣдѣніи римско-католическаго и базиліанскаго духовенства, сказать съ полной опредѣленностію нельзя. Но о существованіи 29 училищъ есть точныя и несомнѣнныя данныя.

Изъ числа этихъ училищъ 23 было мужскихъ и 6 женскихъ *****).

*) Сборникъ матеріаловъ для истор. просв. въ Россіи Т. I. Ст. 593.

**) Періодическое сочиненіе объ успѣхахъ народ. просв. № XXI Стр. 430 - 431.

***) Сапуновъ. 75-лѣтіе Витеб. Гимназіи. Прилож. CLLIX.

****) Сборн. матер. для исторіи просвѣщ. въ Россіи. т. I. Стр. 615—618

*****) Іезуиты содержали три училища: въ Чечерскѣ, Лозовичахъ и Рснѣ Могилев. губ.; Доминиканы—4 приходскихъ училища въ Ушачѣ при трех-

Всѣ эти училища находились въ полномъ вѣдѣніи тѣхъ лицъ и учрежденій, которыя создавали ихъ. Этими лицами и учрежденіями создавались учебныя программы школъ, прiискивались для нихъ учителя и опредѣлялись средства содержанія школъ.

Естественно, что въ силу указанныхъ обстоятельствъ учебныя программы приходскихъ училищъ, находившихся въ вѣдѣніи римско-католическаго и базиліанскаго духовенства, отличались полнѣйшимъ разнообразіемъ.

Были и такія училища, въ которыхъ все обученіе состояло въ томъ, что учили читать и писать по-польски и кой-

---

классномъ училищѣ, въ Бѣлицѣ, Княжицѣ и Чашникахъ, Витеб. Францисканы—3: въ Невелѣ и Сокольникахъ Витеб. губ. и Сѣннѣ—Могилевской, Миссіонеры - 2 училища въ Креславкѣ и Освѣѣ, Витеб. губ.; Трипитары 2: въ Оршѣ и Бабиновичахъ, Могил. губ.; Кармелиты--2: въ Бѣлыничахъ и Радомлѣ въ Могилевской губерніи; Каноники Латеранскіе—1 въ Озеранахъ, Могилэв. губ.; базиліане содержали 6 училищъ: въ Тетеринѣ, Словенахъ, Замечкѣ, Чреѣ, Мѣживѣ и Баркалабовѣ, Могил. губ.

Объ училищахъ Іезуитскихъ, Доминиканскихъ, Тринитарскихъ, Кармелитскихъ и базиліанскихъ извѣстно лишь, что они существовали въ 1803 г. (Отчетъ Академика Северина по визитаціи училищъ Витеб. и Могил. губ. въ 1803 году Арх. Канц. Попеч. Вил. У. Окр. Св. 4, № 31 и № 66) Болѣе подробныя свѣдѣнія можно найти:

1) Объ училищѣ при Освѣйскомъ монастырѣ, Себежскомъ и Тринитарскомъ Оршинскомъ—въ Сборникѣ матеріаловъ для истор. просв. въ Россіи Т. 1 Ст. 593—594, 607—609 и 626 и 627. Объ Освѣйскомъ училищѣ см. также періодич. сочиненіе объ успѣхахъ народ. просв. № XXI, Стр. 430.

2) О францисканскихъ училищахъ Сокольникскомъ и Сѣнненскомъ въ упомянутомъ выше отчетѣ Северина. О Сокольникскомъ училищѣ см. также истор. зап. 75-лѣтіе Витеб. Гимназіи Сапунова. Прил. CXLIX.

3) О Креславскомъ училищѣ у Сапунова пр. CL. и въ періодич. сочин. о успѣхахъ народ. просв. Т. XXI, стр. 432.

Изъ женскихъ училищъ наиболѣе обширными были дѣвичьи училища, которыя содержимы были базиліанами въ Оршѣ и Витебскѣ. По распоряженіе Базиліанскаго Архіепископа, Ираклія Лисовскаго, Оршанское училище переведено было въ Витебскъ и слилось съ Витебскимъ. Остальныя были маленькія училища—конвикты. Одно изъ нихъ было содержимо базиліанами въ Полоцкѣ, два—Сестрами Милосердія въ Креславкѣ и Освѣѣ и 1—маріавитками въ Витебскѣ. См. Сбор. мат. для ист. просв. въ Россіи. Т. I, ст. 627 и період. соч. о успѣх. нар. просв. Т. XXI, Стр. 417, 419, 425, 421, 424.

какимъ работамъ (училище—конвиктъ маріавитокъ въ Полоцкѣ), были и такія, въ которыхъ къ обученію польскому языку присоединяли обученіе русскому и даже латинскому языку. Въ нѣкоторыхъ въ курсъ обученія вносимо было обученіе начальной ариѳметикѣ, чистописанію и краткому катехизису. Но были училища и съ обширной сравнительно учебной программой. Таковы были напр. приходскія училища въ Креславкѣ. Предметы преподаванія въ этомъ училищѣ, говоритъ лицо, ревизовавшее ихъ, достойны уваженія: они совершенно способствуютъ какъ для пріобрѣтенія познаній, каждому нужныхъ, такъ и для приготовленія юношества къ продолженію наукъ въ высшихъ классахъ. Предметы сіи суть: чтеніе и письмо по россійски и по польски, катехизисъ, священная исторія, россійскій и латинскій языки, ариѳметика, географія и начала исторіи. Таково же было женское училище въ Освѣѣ, которое содержали сестры милосердія. По отзыву того же ревизора, въ этомъ училищѣ обучались женскимъ рукодѣльямъ, читать и писать по россійски и по польски, христіанскому закону, нравственности, играть на фортепіано и на гитарѣ *). Въ Чечерскомъ іезуитскомъ 3-клас. училищѣ обучали русскому, французскому, нѣмецкому, польскому и латинскому языкамъ, ариѳметикѣ, географіи, исторіи и рисованію.

II.

Сохраняя существовавшія до 1772 года въ Бѣлоруссіи учебныя заведенія, находившіяся въ вѣдѣніи римско-католическаго духовенства, императрица Екатерина II считала нужнымъ создать въ Бѣлоруссіи и русскія школы. Школы эти нужны были прежде всего для русскаго населенія края. До 1772 года это населеніе не могло и мечтать о томъ, чтобы получить на своемъ родномъ языкѣ образованіе выше элементарнаго. Среднихъ учебныхъ заведеній съ русскимъ языкомъ преподаванія тогда вовсе не было въ краѣ. Кто изъ русскихъ хотѣлъ получить среднее образованіе, тотъ долженъ былъ volens-nolens поступать въ монашескія учебныя заведенія и учиться тамъ въ средѣ, чуждой ему по вѣрѣ и господствовавшему въ школѣ духу. Но и начальныхъ школъ, правильно устроенныхъ, также

---

*) Періодич. сочин. о успѣхахъ народ. просвѣщ. № XXI, стр. 430, 433.

не было. По мѣстамъ возникали лишь школы частныхъ лицъ, преимущественно принадлежавшихъ къ духовному сословію. Разумѣется, отъ такихъ школъ нельзя было и требовать, чтобы онѣ вели свое дѣло толково и успѣшно. Такимъ образомъ русское населеніе Бѣлоруссіи, въ теченіе вѣковъ удерживаемое польскимъ правительствомъ въ невѣжествѣ, крѣпко нуждалось и въ начальныхъ и въ среднихъ школахъ, и больше всего въ начальныхъ, правильно поставленныхъ школахъ. Но не одному только русскому населенію Бѣлоруссіи нужны были русскія школы. Политика императрицы Екатерины II въ отношеніи Бѣлоруссіи, явно направленная къ объединенію новоприсоединенной области, которую она считала исконнымъ достояніемъ Россіи, съ внутренними губерніями Россіи, давала постоянно чувствовать не русскому по происхожденію населенію Бѣлоруссіи, что эта область навсегда присоединена къ Россіи и уже не отдѣлима отъ нея. Поэтому и указанная часть населенія не могла не чувствовать нужды въ знаніи русскаго языка, русской исторіи и географіи и слѣдовательно не могла не чувствовать нужды въ русской школѣ.

Императрица, съ момента присоединенія Бѣлоруссіи къ Россіи, стремилась дать удовлетвореніе этой назрѣвшей нуждѣ. Но правильно организованныя школы она могла дать Бѣлоруссіи лишь въ 1789 г. До этого же времени императрица стремилась подготовить православное духовенство Бѣлоруссіи къ служенію народу въ качествѣ его просвѣтителя и создать, хотя и не вполнѣ организованныя, школы чрезъ приказы общественнаго призрѣнія.

Чтобы православное духовенство могло учить своихъ прихожанъ, оно само должно было получить образованіе. Вотъ объ этомъ-то и позаботилась прежде всего Императрица. Въ Могилевѣ въ годъ присоединенія Бѣлоруссіи къ Россіи уже существовала духовная семинарія—единственная семинарія для всей Бѣлоруссіи, созданная заботами и трудами приснопамятнаго епископа Георгія Конисскаго; но скудость средствъ, отпускавшихся на содержаніе семинаріи (400 р.), не давала основателю семинаріи возможности устроить это заведеніе, какъ среднее учебное заведеніе: курсъ учебнаго заведенія приходилось сильно сокращать. Чтобы дать возможность Могилевскому епископу устроить свою семинарію, какъ были

устроены прочія семинаріи въ Россіи, Императрица повелѣла въ 1774 г. отпускать на содержаніе Могилевской семинаріи такія же суммы, какія получали и прочія семинаріи Россіи, при чемъ въ распоряженіи семинаріи остались и прежде отпускавшіеся 400 р., а въ 1780 г. повелѣно было отпустить еще 1600 р. Такимъ образомъ Конисскій получилъ возможность расширить учебный курсъ своей семинаріи и улучшить ее *).

Бѣдному духовенству Бѣлорусскому, особенно жившему въ предѣлахъ Полоцкой губерніи, входившей до 1795 г. въ составъ Псковской епархіи, трудно было подготовить своихъ дѣтей къ поступленію въ семинаріи. Понимая эту трудность, Императрица признала нужнымъ отпустить особыя суммы для подготовки дѣтей священниковъ и причетниковъ къ поступленіи въ семинаріи. Въ 1778 г. повелѣно было коллегіи экономіи отпускать съ начала 1779 г. въ распоряженіе Псковскаго архіепископа по 500 р. на заведеніе школъ въ Полоцкой губерніи. На эти деньги и открыта была преосвященнымъ Иннокентіемъ въ 1780 г. *гимназія* въ Невелѣ, состоявшая изъ двухъ классовъ. Въ первомъ классѣ обучали читать и писать по-русски и по-польски и пѣнію, во второмъ обучали читать и писать по-латыни, преподавая первыя основанія латинскаго языка, первыя четыре дѣйствія ариѳметики и краткій катехизисъ. Школа учреждалась для дѣтей духовенства, но въ ней предоставлено было обучаться и постороннимъ лицамъ **).

Заботы объ улучшеніи подготовки духовенства въ семинаріи не замедлили дать добрые плоды. Уже въ 70 годахъ XVIII ст. стали появляться въ Могилевской епархіи священники „ученые“, „наукою просвѣщенные“. Хотя невелико еще было образованіе этихъ „ученыхъ“, но все же архіепископъ Георгій могъ радоваться, что въ его епархіи появляются мало-по-малу священники, способные разъяснять своимъ прихожа-

---

*) См. Могилев. епарх. вѣд. 1893 г. № 5 и 6. (Ст. Ѳ. Жудро: основаніе и первые годы Могилевской Духовной Семинаріи), № 12 (Ст. П. Горючко: Матеріалы для исторіи Могилевской Дух. Семинаріи 1752—1813 г. и Гомельскаго Духовнаго училища 1781—1809 г.).

**) Интересныя свѣдѣнія объ этой гимназіи сообщаются въ ст. П. Горючко: Матеріалы для исторіи Невельской духовной гимназіи (1780—1809) помѣщенной въ Полоцкихъ Епарх. вѣдомостяхъ за № 1891 г. въ №№ 22 и 23

намъ истины вѣры. Когда же въ 1780 году императрица Екатерина II въ бытность въ Могилевѣ приказала отпустить въ распоряженіе архіепископа Георгія 2100 р. на школы, онъ воспользовался этимъ даромъ, чтобы положить начало устройству школъ не только для дѣтей духовенства, но и для дѣтей другихъ сословій. Въ 1781 году онъ счелъ за лучшее раздать эти деньги духовенству городскому и мѣстечковому на построеніе школъ для обученія малолѣтнихъ отроковъ россійской грамотѣ, съ порученіемъ заниматься въ школахъ членамъ причта. Такъ между прочимъ возникли болѣе извѣстныя школы въ Гомелѣ, Чечерскѣ и Быховѣ. Гомельская школа, именовавшаяся гимназіей, въ первое время имѣла своею задачей подготовлять дѣтей духовенства къ поступленію въ семинарію. Впослѣдствіи владѣлецъ Гомеля, графъ Н. П. Румянцевъ пожелалъ, чтобы въ этой школѣ обучались и дѣти его крестьянъ, и въ этихъ видахъ сталъ субсидировать Гомельскую школу. Школа эта находилась въ вѣдѣніи Могилевской духовной семинаріи. Въ 1803 г. въ ней обучалось 40 мальчиковъ: 22 дѣтей духовенства и 18 дѣтей крестьянъ графа Н. П. Румянцева. Учителями состояли кончившіе курсъ ученія въ Могилевской духовной семинаріи. Всѣ, посѣщавшіе эту школу, обучались читать гражданскія и церковныя книги, грамматикѣ, ариѳметикѣ и чистописанію; изучали также катехизисъ и правила для учащихся. Дѣти духовенства обучаемы были сверхъ того и латинскому языку.

Исполняя желанія своего архипастыря, духовенство вскорѣ стало строить на свой или церковный счетъ школьныя зданія и открывать училища. Такъ возникли школы въ Хотимскѣ, Климовичскаго уѣзда, въ Костюневичахъ (того же уѣзда), въ Стюденцѣ, Чериковскаго уѣзда, въ Дубровнѣ, гдѣ было три школы, Оршанскаго уѣзда и т. д. *).

Но занятые исполненіемъ прямыхъ своихъ обязанностей и принужденные въ заботахъ о прокормленіи и воспитаніи

*) Могил. Епарх. Вѣд. 1903 г. № 12 (Ст. П. Горючко: матеріалы для исторіи Могилевской Дух. Семинаріи 1752—1813 г. и Гомельскаго духовнаго училища), Могил. Еп. Вѣд. 1901 г. № 34 (Ст. П. Горючко: Матеріалы для исторіи Могилев. Дух. Семинаріи въ 1780—1800).

Сборникъ матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи. Т. II. Стр. 794—799.

своихъ дѣтей заниматься земледѣліемъ, каковое занятіе было главнымъ источникомъ ихъ доходовъ, священники поручали занятія въ школахъ почти вездѣ причетникамъ, предоставивъ имъ относительно вознагражденія входить въ соглашеніе съ родителями обучаемыхъ. Такъ, Хотимскій дьячекъ получалъ съ каждаго ученика: за букварь 50 коп., за часословъ рубль, за псалтирь два рубля, а за писаніе три; сверхъ того доставлялись ему пища и дрова отъ родителей обучающихся учениковъ. Въ этомъ-то и заключался главный недостатокъ школъ, устроенныхъ при православныхъ церквахъ. Директоръ народныхъ училищъ Могилевской губерніи сдѣлалъ въ 1804 года слѣдующій отзывъ о школахъ этого рода: „Сіи, состоящія при церквахъ школы никакого надъ собой надзиранія не имѣютъ. Церковные дьячки, или пономари, обученіемъ дѣтей занимающіеся, большею частію не учившіеся ни въ семинаріи ни въ народныхъ училищахъ; посему и сами правильно читать, а тѣмъ менѣе правильно писать умѣютъ. Способа учебнаго и школьнаго порядка, предписаннаго для училищъ публичныхъ, совсѣмъ не знаютъ". И этотъ отзывъ нельзя не признать справедливымъ. Въ 1803 г. такихъ школъ, включая въ число ихъ и Невельскую гимназію, было 11 *). Кромѣ указанныхъ школъ, существовали еще школы при православныхъ монастыряхъ: мужскихъ—для мальчиковъ и женскихъ—для дѣвочекъ.

Могилевская духовная семинарія оказала пользу дѣлу просвѣщенія Бѣлорусскаго народа и другимъ способомъ. Когда въ 90 годахъ Императрица повелѣла открывать малыя школы въ Бѣлоруссіи, оказалось возможнымъ исполнить это Высочайшее повелѣніе только въ Могилевской губерніи, потому что только Могилевская духовная семинарія могла дать молодыхъ людей, на которыхъ можно было возложить исполненіе учительскихъ обязанностей. Въ Полоцкой губерніи не было духовной семинаріи; тамъ не нашлось и кандидатовъ на учительскія должности, и лишь въ 1799 года удалось открыть малыя школы Велижскую и Невельскую, при чемъ изъ числа четырехъ учителей новыхъ училищъ три были воспитанниками Могилевской семинаріи.

*) Арх. Канц. Попеч. Вил. I. Скр. Св. 9 № 66.

Изъ Могилевской же духовной семинаріи вышли и два директора народныхъ училищъ: Могилевской губ.—С. В. Цвѣтковскій и Подольской губерніи—Мышковскій *).

Приказы общественнаго призрѣнія стали устраиваться въ Россіи со времени приведенія въ дѣйствіе учрежденія о губерніяхъ 1775 года. На эти-то приказы Императрица Екатерина II и возложила обязанность устраивать школы по всѣмъ городамъ, а потомъ и по нѣкоторымъ селеніямъ для всѣхъ тѣхъ, кто добровольно пожелаетъ обучаться въ оныхъ „съ тѣмъ, чтобы неимущіе могли учиться безъ платежа, а имущіе за умѣренную плату". Въ составъ учебнаго курса этихъ школъ должны были войти: Законъ Божій для дѣтей православнаго исповѣданія, чтеніе, письмо, ариѳметика и рисованіе. Учителя должны были заботиться не только о томъ, чтобы ученики пріобрѣтали въ этихъ училищахъ извѣстныя свѣдѣнія, но и о томъ, чтобы ученики пріучались къ чистотѣ и опрятности, и чтобы пребываніе дѣтей въ школѣ не сопровождалось разстройствомъ ихъ здоровья. Поэтому рекомендовалось наблюдать, „дабы горницы были чисты, полы всякій день были выметены и воздухъ въ нихъ перемѣнялся открытіемъ оконъ—лѣтомъ во весь день, чтобы дѣти отъ духоты въ горницахъ не потерпѣли въ здоровьѣ своемъ поврежденія. Употребленіе тѣлеснаго наказанія воспрещалось. Ученіе должно было имѣть мѣсто всякій день, кромѣ воскресныхъ и табельныхъ дней, но не болѣе двухъ часовъ сряду по утру и двухъ часовъ сряду послѣ обѣда одной наукѣ; по средамъ и по субботамъ ученія послѣ обѣда не полагалось. Назначеніе учителей и ихъ увольненіе отъ должности, а равно и наблюденіе за тѣмъ, чтобы учителя и школы получали назначенное имъ содержаніе въ свое время, должно было составлять обязанность приказовъ общественнаго призрѣнія **).

Когда въ 1778 г. положеніе объ учрежденіи о губерніяхъ распространено было на Бѣлоруссію, Полоцкій и Могилевскій приказы общественнаго призрѣнія должны были принять на

*) Могил. Епарх. Вѣдомости 1901 г. № 34. (Ст. П. Горючко: Матеріалы для исторіи Могилевской Духовной Семинаріи 1790—1800 годовъ.

**) Полное собраніе законовъ. т. XX № 14392.

себя возложенныя на нихъ закономъ обязанности по наблюденію за существовавшими уже училищами и устройству новыхъ. Но дѣятельность ихъ въ указанномъ направленіи дала очень незначительные результаты. Нѣкоторыя городскія управленія (магистраты) по скудости своихъ средствъ и по господствовавшему въ то время въ Бѣлоруссіи невѣжеству рѣшительно отказались производить какіе бы то ни было расходы по устройству училищъ. Вотъ напр. что доносилъ Люцинскій магистратъ мѣстному городничему: „По сообщенію вашего высокоблагородія отъ 6 февраля 1785 г. взаемно дается знать, что какъ по выборѣ въ сей магистратъ членовъ никакихъ мѣщанскихъ дѣтей въ вѣдомствѣ магистрата не имѣлось, а кои прежде сего находились, то по разнымъ мѣстамъ отданы къ обученію, да и нынѣ хотя можно было бы зыскать такихъ, которые бы способные къ наукѣ были, однако не въ состояніи родители ихъ нанимать учителей, а магистрату не съ чего нанимать оныхъ. Къ сему вмѣсто подписки крижаки поставили †† Февраля 7 дня 1785 г". Нѣкоторыя городскія управленія взялись было за устройство школъ, но устроили лишь школы грамоты. Такъ, въ Суражѣ (Вит. губ.) въ 1779 г. построена была особая городская школа. Но, должно быть, она построена была плохо, такъ какъ уже въ 1786 г. признана была ветхой Объ этой школѣ городничій Суражскій 30 декабря 1783 г. доноситъ приказу общественнаго призрѣнія: обучающихся 16 мѣщанскихъ дѣтей. Лѣта учащихся отъ 6 до 16. Въ школѣ съ 1779—80 г. обучаются русской и польской азбукѣ, твердятъ псалтирь, пишутъ по-русски и по-польски на бумагѣ, съ линейками и безъ линеекъ. Впослѣдствіи въ этой школѣ стали еще обучать писанію на доскѣ мѣломъ. Въ Велижѣ обучались „азбукѣ, читать и писать по-русски и по-польски, читать скорописныя письма, сочинять письма, ариѳметикѣ, а въ 1784 г. въ этой школѣ учились и читать „по латынѣ". Учитель получалъ здѣсь жалованья 80 р. *). Всѣхъ такихъ школъ въ Полоцкой губерніи считалось въ 1780 г. 7, въ Могилевской—21.

Но существованіе этихъ первоначальныхъ школъ было непродолжительно. Съ тѣхъ поръ, какъ стали устраиваться

*) Сборникъ матеріаловъ для исторіи просвѣщ. въ Россіи Т. I. Стр. 886—896.

правильно организованныя начальныя училища, приказы общественнаго призрѣнія, повидимому, совсѣмъ перестали интересоваться первоначальными школками, а родители, естественно, стали предпочитать отдавать своихъ дѣтей въ правильно организованныя училища, вслѣдствіе чего прежнія маленькія школки стали закрываться. Но бывали и такіе случаи, что маленькія школки были закрываемы по распоряженію власти вслѣдъ за тѣмъ, какъ были открываемы въ данной мѣстности правильно организованныя училища. Такъ извѣстно, что въ Чаусахъ (Могил. губ.), по открытіи въ этомъ городѣ малаго народнаго училища, церковникамъ запрещено было обучать грамотѣ *). Тутъ, очевидно, сказалась неразумная ревность объ увеличеніи числа дѣтей, посѣщающихъ малыя училища.

Къ 1803 г. небольшихъ школокъ, устроенныхъ въ царствованіе Императрицы Екатерины II до возникновенія главныхъ и малыхъ училищъ по уставу 5 августа 1786 г., повидимому, совсѣмъ не было. По крайней мѣрѣ никакихъ свѣдѣній о такого рода школкахъ не имѣется.

Правильно организованныя общеобразовательныя училища, доступъ въ которыя открытъ былъ всѣмъ русскимъ подданнымъ какъ мужского, такъ и женскаго пола, стали открываться во внутренней Россіи съ 1786 г. **). Въ этомъ году въ 25 губерніяхъ внутренней Россіи устроены были по уставу 5 августа 1786 г. главныя народныя училища въ губернскихъ городахъ, и малыя народныя училища въ уѣздныхъ городахъ и тѣхъ изъ губернскихъ, гдѣ одного главнаго училища было недостаточно ***).

---

*) Могил. Епарх. Вѣд. 1896 г. Стр. 593.

**) Въ статьяхъ: Русское начальное училище по уставу 5-го августа 1786 г. (Цирк. по Вилен. Учебн. Окр. за 1886 г., № 10) и „Заботы Императрицы Екатерины II о распространеніи образованія въ Полоцкой и Могилевской губерніяхъ. Императрица Екатерина II“ Сборникъ историческихъ статей. Вильна, 1904 г. Стр. 410—471) я подробно разсказалъ о томъ, какъ подготовлено было важное въ исторіи русскаго образованія дѣло созданія главныхъ и малыхъ училищъ. Повторять здѣсь сказанное въ означенныхъ статьяхъ не считаю нужнымъ.

***) Полное собраніе Зак. Т. XXII № 16421.

Малыя народныя училища были элементарныя двухклассныя школы съ двухлѣтнимъ курсомъ обученія и съ двумя учителями.

Въ составъ учебнаго курса этихъ училищъ, кромѣ обученія чтенію и письму, вошли предметы троякаго рода:

а) предметы, заключающіе въ себѣ „чистое и разумное понятіе о Творцѣ и Его святомъ законѣ и основательныя правила непоколебимой вѣрности къ государю и истинной любви къ отечеству и своимъ согражданамъ“. Къ числу этихъ предметовъ относятся: св. исторія, сокращенный и пространный катехизисъ, правила добронравія и книга о должностяхъ человѣка и гражданина.

б) Образовательные предметы: начальная русская грамматика и ариѳметика.

и в) Одинъ изъ предметовъ практически полезныхъ въ жизни—рисованіе.

Главныя народныя училища были четырехклассныя учебныя заведенія съ пятилѣтнимъ курсомъ (курсъ IV класса былъ двухлѣтній) и съ 6 учителями.

Учебный курсъ первыхъ классовъ главнаго училища вообще соотвѣтствовалъ курсу малаго училища, но не совпадалъ съ нимъ. Существенныя отличія курса этихъ первыхъ двухъ классовъ главныхъ училищъ состояли въ томъ, что во 2 классѣ главныхъ училищъ проходима была не вся ариѳметика, а лишь первая ея часть, и что, какъ въ 1-мъ такъ и во 2 классѣ преподаваемы были латинскій и „сосѣдственный“ языки. Латинскій языкъ введенъ былъ для желающихъ продолжать ученіе въ высшихъ училищахъ, какъ то въ гимназіяхъ и университетахъ. Подъ именемъ „сосѣдственный языкъ“ разумѣлся тотъ иностранный языкъ, какой по сосѣдству каждаго намѣстничества, гдѣ главное училище находилось, могъ быть полезнѣе по употребленію его въ общежитіи.

Въ зависимости отъ введенія въ курсъ перваго и второго класса главныхъ училищъ латинскаго и сосѣдственнаго языковъ, на преподаваніе которыхъ назначено было 5 уроковъ въ I и 9 во II, пришлось, естественно, сократить число уроковъ на

другіе предметы преподаванія сравнительно съ малыми училищами.

Въ III и IV классахъ главныхъ училищъ главную группу преподаваемыхъ предметовъ составили общеобразовательные предметы: русская грамматика, всеобщая и русская исторія, всеобщая и русская географія (проходимы были въ III и IV классахъ), ариѳметика ч. 2 (въ III кл.) основанія геометріи, механики и физики (въ IV кл.). Изъ предметовъ, сообщающихъ практически полезныя знанія и навыки, были проходимы рисованіе и гражданская архитектура; изъ числа предметовъ, сообщающихъ ученикамъ религіозно-нравственныя понятія, были проходимы катехизисъ и изъясненіе евангелій.

Всѣ указанные предметы уставъ 5 августа предписывалъ проходить по учебникамъ, которые были изготовлены для училищъ комиссіей и которые были разосланы ею по училищамъ ко времени открытія ихъ.

Снабженіе училищъ всѣми учебными книгами составляетъ несомнѣнную заслугу русской комиссіи народныхъ училищъ, выгодно оттѣсняя ея дѣятельность въ этомъ отношеніи сравнительно съ дѣятельностію эдукаціонной комиссіи. При наличности всѣхъ учебныхъ руководствъ въ училищѣ, каждый учитель прекрасно могъ знать, что онъ обязательно долженъ пройти съ учениками, а ученики, имѣя подъ руками всѣ нужныя руководства, избавлены были отъ тяжелой необходимости переписывать записки учителей и пользоваться такимъ образомъ учебными руководствами, не свободными отъ ошибокъ и неточностей, что неизбѣжно бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда ученики изучаютъ предметы, преподаваемые по запискамъ.

Въ распредѣленіи предметовъ по классамъ есть особенности, на который нельзя не обратить вниманія.

а) Относительно нѣкоторыхъ предметовъ, проходимыхъ не въ одномъ классѣ, уставъ опредѣленно ставитъ учителямъ въ обязанность начинать преподаваніе этихъ предметовъ въ старшемъ классѣ повтореніемъ того, что пройдено по этимъ предметамъ въ предшествующемъ классѣ. Такъ, преподаваніе россійской географіи начиналось въ III классѣ; при началѣ курса географіи въ IV кл. нужно было повторить все пройденное въ III кл.

б) Нѣкоторые предметы преподаванія проходимы были въ нѣсколькихъ классахъ во всѣхъ своихъ существенныхъ чертахъ, и преподаваніе этихъ предметовъ въ одномъ классѣ должно было отличаться отъ преподаванія въ другихъ классахъ лишь большимъ количествомъ частныхъ мыслей, вытекающихъ изъ главной, широтой и обстоятельностію разъясненія и развитія главной мысли. Такъ, катехизисъ былъ проходимъ въ I, II и III классахъ. Въ каждомъ изъ этихъ классовъ катехизисъ былъ проходимъ весь, но въ I-мъ классѣ проходился сокращенный катехизисъ, во 2—пространный, но безъ доказательствъ изъ св. писанія, а въ III—съ доказательствами изъ свящ. писанія. Систематическая грамматика была проходима въ III и IV классахъ, но въ III ее проходили въ связи главнымъ образомъ съ упражненіями въ правописаніи, а въ IV въ связи съ упражненіями въ письменныхъ, въ общежитіи употребительныхъ сочиненіяхъ, какъ-то: письмахъ, счетахъ, распискахъ.

Очевидны цѣли, какія преслѣдовала комиссія, устанавливая такое распредѣленіе учебныхъ предметовъ по классамъ. Комиссія, видимо, заботилась о томъ, чтобы дать учащимся время обстоятельно усвоить себѣ преподаваемое, чтобы усвоенное учениками стало ихъ прочнымъ духовнымъ достояніемъ. Очевидно, комиссія, вводя такое распредѣленіе по классамъ матеріала, какое сдѣлано ею по катехизису и грамматикѣ, хотѣла достигнуть того, чтобы ученики каждаго класса могли представить учебный предметъ въ его цѣломъ объемѣ, чтобы повтореніе содержанія его съ постепеннымъ расширеніемъ его въ каждомъ классѣ давало учащимся возможность все глубже и глубже проникать въ сущность предмета.

Разумѣется, комиссія гораздо проще и лучше достигла бы намѣченныхъ ей цѣлей, если бы она не придавала повторенію рѣшающаго значенія, если бы расположила учебный матеріалъ по классамъ въ концентрическихъ кругахъ. Но не надобно забывать, что въ Екатерининское время идея концентрическаго расположенія учебнаго матеріала не получила еще правъ гражданства въ педагогическомъ мірѣ.

Расписаніе учебныхъ занятій по днямъ недѣли, приложенное къ уставу, показываетъ, что отъ учениковъ, посѣщавшихъ училища, требовалось значительное напряженіе силъ.

Въ теченіе четырехъ дней въ недѣлю даже ученики перваго класса имѣли по 6 уроковъ,—и лишь по средамъ и субботамъ не имѣли послѣобѣденныхъ занятій. Ученики второго и слѣдующихъ классовъ не имѣли и этой льготы, такъ какъ по средамъ и субботамъ въ послѣобѣденные часы занимались рисованіемъ.

Какъ видно изъ того же расписанія, одинъ день въ недѣлю, именно суббота, въ малыхъ училищахъ посвящался исключительно повторенію пройденнаго въ теченіе недѣли по отдѣльнымъ предметамъ. Въ этомъ отношеніи малыя училища напоминаютъ іезуитскія школы. Въ чемъ состояло это повтореніе въ малыхъ училищахъ, за неимѣніемъ данныхъ, сказать трудно; но есть основаніе полагать, что, по мысли членовъ комиссіи, это повтореніе должно было преслѣдовать болѣе высокую цѣль, чѣмъ механическое воспроизведеніе пройденнаго въ теченіе недѣли по отдѣльнымъ предметамъ. По крайней мѣрѣ въ Смольномъ монастырѣ, въ силу предложенія комиссіи 10 апрѣля 1783 г., повтореніе должно было вестись слѣдующимъ образомъ: преподаватели являлись въ классъ всѣ вмѣстѣ и испытывали учениць, предлагая вопросы по очереди. Такъ напр. священникъ предлагалъ вопросъ о сотвореніи міра; за нимъ выступалъ учитель географіи и спрашивалъ объ изображеніи міра на глобусѣ; учителя географіи смѣнялъ учитель исторіи съ вопросомъ, кто описалъ міръ, когда жилъ св. историкъ и т. д. Однимъ словомъ каждый преподаватель долженъ былъ вовремя найти случай предложить подходящій вопросъ по своему предмету *). Такимъ образомъ повтореніе должно было пріучать учащихся отвѣчать на заданный вопросъ изложеніемъ всѣхъ свѣдѣній, пріобрѣтенныхъ учениками по извѣстному вопросу въ теченіе недѣли, пріучать ихъ комбинировать свѣдѣнія, пріобрѣтенныя имъ въ различные часы и умѣло пользоваться ими.

„Чтобы юношество способнѣе, порядочнѣе и основательнѣе было наставляемо въ исчисленныхъ предметахъ", учителя должны были слѣдовать предписанному имъ способу обученія.

---

*) Историческій очеркъ столѣтней жизни Императорскаго воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ. Спб. 1864 г. Стр. 19.

Указанія, изложенныя по этому предмету въ уставѣ и руководствѣ учителямъ 1-го и 2-го класса, касаются отчасти обученія вообще и отчасти преподаванія различныхъ предметовъ въ частности.

Наибольшій интересъ представляютъ указанія относительно преподаванія вообще. Поэтому ихъ только я и коснусь

Учебный способъ, насколько дѣло касалось вообще преподаванія, долженъ былъ состоять въ совокупномъ наставленіи совокупномъ чтеніи, изображеніи чрезъ начальныя буквы, въ таблицахъ и вопрошеніи.

а) Подъ именемъ *совокупнаго наставленія* разумѣется такой образъ занятій учителя съ учениками, когда онъ обучаетъ не каждаго ученика порознь, а цѣлыя группы учениковъ, обладающихъ одинаковымъ количествомъ знаній. Такимъ способомъ достигается та выгода, что для отдѣльныхъ учениковъ проходитъ съ пользой все то время, которое предназначается для занятій съ цѣлой группой ихъ, между тѣмъ какъ обученіе каждаго ученика отдѣльно позволяетъ учителю употребить на это дѣло лишь нѣсколько минутъ изъ учебнаго часа. Примѣняя это требованіе къ дѣлу, учитель долженъ былъ, раздѣливъ учениковъ на группы по мѣрѣ ихъ развитія и въ виду суммы ихъ знаній, заниматься съ такими группами попеременно. Занимаясь съ группами, онъ могъ предлагать извѣстные вопросы или всему отдѣленію, или отдѣльнымъ ученикамъ, которыхъ онъ найдетъ нужнымъ спросить. Когда учитель занимался съ цѣлою группою, онъ долженъ былъ наблюдать, чтобы тѣмъ же дѣломъ занимались и другіе ученики, т. е. читали про себя, когда спрошенный читалъ, или соображали отвѣтъ на предложенный одному вопросъ. Особенно долженъ былъ при этомъ учитель обращать вниманіе на слабыхъ учениковъ, заставлять ихъ чаще отвѣчать и повторять отвѣты другихъ. Но эти усиленныя занятія съ слабыми учениками должны имѣть свою границу и не служить въ ущербъ развитія цѣлой группы. Учитель можетъ покончить свои объясненія съ учениками по извѣстному вопросу, если онъ убѣдится, что двѣ трети учениковъ поняли эти объясненія. „Тѣ же немногіе, которые во всю школьную пору за прочими слѣдовать не успѣли, должны ходить или еще разъ въ тотъ классъ, въ ко-

торомъ они отставали, или учитель долженъ имъ сверхъ обыкновенныхъ часовъ показывать особливо".

„Совокупное наставленіе" господствуетъ и въ современной начальной школѣ, но практикуется оно при условіяхъ гораздо болѣе благопріятныхъ, чѣмъ въ XVIII вѣкѣ. Нынѣ, по крайней мѣрѣ, въ училищахъ, наиболѣе благоустроенныхъ, пріемъ вновь поступающихъ учениковъ совершается одинъ разъ въ годъ, и это даетъ возможность не дѣлить учениковъ на мелкія группы и одновременно обучать значительную массу учениковъ. Школа временъ Императрицы Екатерины II не стояла въ такихъ благопріятныхъ условіяхъ. Уставъ 5 августа 1786 г. прямо предписываетъ учителямъ принимать въ училище желающихъ поступить въ него въ теченіе года, а потому, естественно, въ классѣ должно было существовать много группъ, такъ много, что значеніе такого пріема обученія, какъ „совокупное наставленіе", по временамъ должно было сводиться чуть не до нуля.

б) Подъ *совокупнымъ чтеніемъ* разумѣется чтеніе одной и той же книги всѣми дѣтьми, при чемъ или всѣ читаютъ вслухъ, или читаютъ вслухъ только сидящіе за извѣстными столами, или отдѣльные ученики, а прочіе читаютъ про себя. Чтеніе избранныхъ статей рекомендовалось вести такимъ образомъ: сначала статья прочитывается или учителемъ, или однимъ изъ учениковъ. Затѣмъ читаютъ ее попеременно или всѣ ученики вмѣстѣ, или часть ихъ, или отдѣльные ученики отъ 8 до 10 и 12 разъ, смотря по величинѣ и трудности статьи и по количеству слабыхъ и нерадивыхъ учениковъ въ классѣ. Чтобы такое чтеніе принесло свою пользу, учителю рекомендовалось быть вполнѣ внимательнымъ къ тому, какъ ученики дѣлаютъ свое дѣло: не шевелитъ ли кто губами, не смотря въ книгу, или не повторяетъ ли кто за другими словъ, не читая самъ вмѣстѣ. Послѣ этого учитель долженъ былъ спросить учениковъ, о чемъ они прочитали, и дѣти должны были отвѣчать на эти вопросы по книгѣ. Разумѣется, при этомъ имѣли мѣсто и нѣкоторыя объясненія со стороны учителя. Затѣмъ ученики опять читали статью до 4 или 6 разъ и уже послѣ этого должны были разсказывать содержаніе статьи своими словами. Мы видимъ, такимъ образомъ, что отъ учителя начальнаго училища и въ XVIII вѣкѣ требовалось, чтобы

онъ заботился о пониманіи учениками читаемаго. Но очевидно, что средство для достиженія этой цѣли выбрано было не вполнѣ удачное. Пониманіе учениками смысла статьи не опредѣляется тѣмъ, сколько разъ прочитаютъ ученики статью. Можно прочитать статью и 20 разъ и все-таки не понять ее, если только содержаніе статьи мало доступно для пониманія читающихъ, или если учитель не разъяснитъ читаемаго надлежащимъ образомъ. И такъ какъ многое изъ того, что читалось учениками въ классѣ, дѣйствительно было мало доступно пониманію учениковъ, а на объясненія учителя не имѣли права быть щедрыми, то неудивительно, если чтеніе далеко не всегда благотворно дѣйствовало на развитіе умственныхъ силъ дѣтей.

в) Пріемъ обученія, называемый *изображеніе чрезъ начальныя буквы*, употреблялся при изученіи на память какой-либо статьи. Этотъ пріемъ состоялъ въ томъ, что учитель изображалъ на черной доскѣ начальныя буквы каждаго слова, входящаго въ составъ изучаемой статьи. Состоялъ онъ въ слѣдующемъ: продиктовавъ ученикамъ часть статьи, предназначенной къ изученію учениками на память (правило ариѳметики, правило правописанія или пунктъ катехизиса), учитель изображалъ на доскѣ начальныя буквы всѣхъ произнесенныхъ имъ словъ съ удержаніемъ, гдѣ нужно, прописныхъ и строчныхъ буквъ и знаковъ препинанія. Послѣ того, какъ ученики прочитаютъ по написаннымъ буквамъ продиктованное имъ, учитель стиралъ эти начальныя буквы и заставлялъ учениковъ прочитать продиктованное на память, и, когда ученикамъ это удавалось, онъ диктовалъ слѣдующій отрывокъ изучаемой статьи, снова писалъ начальныя буквы произнесенныхъ имъ словъ и т. д. Этому пріему обученія въ XVIII вѣкѣ придавали чрезвычайно важное значеніе. При употребленіи его, казалось, дѣти въ $^1/_4$ часа выучатъ на память болѣе, чѣмъ при другихъ условіяхъ въ теченіе цѣлаго дня, и выучатъ самымъ легкимъ образомъ—такъ сказать—„играючи". Кромѣ того, дѣти, казалось тогда, становятся внимательными къ ученію и, смотря на изображенныя на доскѣ буквы, изощряютъ свое зрѣніе. Въ дѣйствительности же этотъ пріемъ обученія не имѣетъ большого значенія: употребляя его, учитель дѣйствительно облегчаетъ для учениковъ возможность запомнить то, что имъ слѣдуетъ выучить на память, но запомнить только механи-

чески, разумѣнію же того, что сообщается ученикамъ, онъ рѣшительно не содѣйствуетъ.

г) *Таблицы* есть ни что иное, какъ краткое, раздѣльное и систематически-связное изложеніе содержанія того или другого учебнаго предмета. Таблицы эти ближе всего похожи на то, что извѣстно у насъ подъ именемъ программъ, конспектовъ, или что представляетъ собой оглавленіе книгъ. Отличаются эти таблицы отъ современныхъ программъ, конспектовъ, а равно и оглавленій больше всего тѣмъ, что онѣ имѣли своей задачей не только обозначить содержаніе предмета, но и помочь ученику въ опредѣленіи того мѣста, какое занимаетъ въ системѣ науки то или другое ея положеніе. Съ этой цѣлью эти таблицы снабжались скобками или писались уступами. Въ таблицахъ съ уступами (онѣ писались учителемъ на классной доскѣ по мѣрѣ прохожденія учебнаго предмета) относительное значеніе частныхъ научныхъ положеній въ системѣ науки наглядно обозначалось для учениковъ тѣмъ разстояніемъ, въ какомъ начинались отъ края доски строчки, посвященныя изложенію содержанія этихъ положеній, а равно и стоящими при этихъ строкахъ буквами алфавита, цифрами и т. п. Такимъ образомъ главныя мысли сочиненія излагались въ строкахъ, начинающихся съ самаго края доски отъ лѣвой руки къ правой; при началѣ такихъ строкъ стояли римскія цифры. Строки, въ которыхъ излагалось содержаніе второстепенныхъ мыслей, начинались не отъ самаго края доски, а въ извѣстномъ разстояніи отъ него; при началѣ ихъ ставились прописныя буквы. Строки, въ которыхъ излагалось содержаніе мыслей, служащихъ къ разъясненію этихъ второстепенныхъ мыслей, начинались еще на большемъ разстояніи отъ края доски; при началѣ ихъ ставились строчныя буквы. И такъ составлялись постепенно таблицы до тѣхъ поръ, пока не исчерпывалось содержаніе предмета. Существеннымъ достоинствомъ такой таблицы считалась ея правильность, т. е. чтобы строки, въ которыхъ излагалось содержаніе главныхъ, второстепенныхъ и третьестепенныхъ мыслей, вполнѣ соотвѣтствовали одна другой относительно исходной своей точки Въ таблицахъ со скобками главный предметъ изображался посрединѣ доски; съ краю и затѣмъ во всю ширину ея проводилась скобка; за этой скобкой излагалось содержаніе главныхъ частей науки; второстепенныя мысли, служащія къ разъясненію каждой части со-

чиненія, отдѣлялись отъ этой послѣдней опять скобками и т. д. Такого рода таблицамъ придавали важное значеніе и—не напрасно. Сдерживая постоянно учителя въ опредѣленныхъ предѣлахъ и не позволяя ему нарушать при прохожденіи съ учениками предмета порядокъ научно-систематическаго изложенія его, эти таблицы облегчали въ то же время для учениковъ возможность понять „порядокъ частей науки и ихъ содиненіе“ и лучше запечатлѣть содержаніе науки въ своей памяти.

д) Чтобы убѣдиться, поняли ли ученики то, что они прочитали или что слышали отъ учителя, этотъ послѣдній долженъ былъ предлагать имъ вопросы. Такимъ образомъ является новый общій пріемъ обученія—*вопрошеніе*. Качества, которыми должны отличаться вопросы, суть: краткость, не исключающая полноты, опредѣленность и простота. На предложенные вопросы ученики должны отвѣчать не односложными *да* и *нѣтъ*, а полною рѣчью, и по возможности не словами книги, а своими словами, потому что въ этомъ случаѣ всего лучше можно судить, насколько ученики понимаютъ то, что они говорятъ. Въ томъ случаѣ, если ученикъ ничего не отвѣчаетъ на предложенный вопросъ, или отвѣчаетъ „неисправно“, учитель долженъ былъ разузнать, отъ чего это происходитъ, и затѣмъ довести ученика до правильнаго отвѣта. Изъ сказаннаго не слѣдуетъ, впрочемъ, заключать, что школа, существовавшая по уставу 5 августа 1786 г., допускала такъ называемый *евристическій способъ* обученія. Главной формой сообщенія ученикамъ свѣдѣній по всѣмъ предметамъ было тогда чтеніе учениками, подъ руководствомъ учителя, указанныхъ имъ статей. Тогда ученики знакомились, напр., съ правилами чистописанія, читая „Руководство къ чистописанію“, съ правилами счисленія, читая „Руководство къ ариѳметикѣ“. Тогда вообще учителю предписывалось быть какъ можно ближе къ тексту книги для чтенія и не слишкомъ пускаться въ объясненія. „Учитель, читая статью изъ книги для чтенія,—говорится въ „Руководствѣ“—не долженъ вмѣшивать ничего посторонняго. какъ то: въ первой статьѣ не разсказывать о птицѣ, что она имѣетъ носъ, крылья и пр., ибо объ этомъ будетъ говорено на стр. 17; слѣдовательно, сказать здѣсь сіе не токмо лишнее, но многія сему подобныя вдругъ предлагаемыя рѣченія отягощаютъ также память учениковъ, а притомъ бываютъ постороннія не довольно искусныхъ учителей примѣчанія иногда

весьма ложны". Что же касается вопросной формы обученія, находящей такое широкое примѣненіе нынѣ, то она употреблялась тогда учителемъ лишь для *повѣрки*, поняли ли ученики то, что они прочитали, или что раньше сказалъ имъ учитель. „Учитель долженъ быть увѣренъ,—говорится въ „Руководствѣ"—, что то, о чемъ онъ учениковъ своихъ спрашивать хочетъ, они уже слышали, или читали; если же нѣтъ, то, сказавъ имъ напередъ вкратцѣ или заставивъ нѣсколько разъ прочесть изъ книги, спрашивать тотчасъ же, пока у нихъ содержится оное въ свѣжей еще памяти, исправляя потомъ какъ худо ими разумѣваемое, такъ и худо изъясняемое".

Всѣ эти пріемы въ настоящее время оставлены, какъ недостигающія цѣли, но въ концѣ XVIII в. они были педагогической новостью, и, за неимѣніемъ лучшей, цѣнной новостію.

Народныя училища должны были сообщать посѣщающимъ ихъ дѣтямъ солидное элементарное образованіе, но этимъ не должна была ограничиваться ихъ задача. Важно развить въ ребенкѣ умственныя силы, но слишкомъ недостаточно для школы развить только умственныя силы ребенка. Школа должна поставить себѣ цѣлью не только сообщить дѣтямъ извѣстную сумму знаній, но и сдѣлать ихъ благочестными христіанами и вѣрными сынами церкви, образовать изъ нихъ впослѣдствіи полезныхъ членовъ общества. Однимъ словомъ, русское народное училище, по мысли законодательницы, должно было стать не только учебнымъ, но и воспитательнымъ заведеніемъ. Екатерина II, какъ извѣстно, всегда настойчиво требовала отъ школы, чтобы она была воспитательнымъ заведеніемъ. „Просвѣщенный науками разумъ—думала она—не дѣлаетъ еще добраго и прямого гражданина, но во многихъ случаяхъ прямо во вредъ бываетъ, есть ли кто отъ самыхъ нѣжныхъ юности своей лѣтъ воспитанъ не въ добродѣтеляхъ, и твердо оныя въ сердце его не вкоренены. Посему ясно, что корень всему злу и добру воспитаніе". Очень понятно, что при такомъ взглядѣ на дѣло Императрица не высоко ставила школы, которыя задавались лишь цѣлью—сообщать своимъ питомцамъ кое-какія знанія, и прежде всего требовала отъ учебнаго заведенія, чтобы учащіеся въ немъ дѣти получили надлежащее воспитаніе. Такой взглядъ Императрица высказала уже въ первый годъ своего царствованія, именно въ инструкціи комиссіи о церковныхъ имѣніяхъ.

Выражая свое убѣжденіе въ необходимости преобразовать существовавшія тогда учебныя заведенія для духовенства, Императрица Екатерина замѣчаетъ: „Премудрый государь, дѣдъ нашъ, въ Бозѣ усопшій Императоръ Петръ Великій такъ написалъ въ духовномъ своемъ Регламентѣ: разумѣть де надобно о управленіи церкви, когда *нѣтъ свѣта ученія*, то нельзя быть и въ церкви доброму поведенію и нельзя не быть и нестроеніямъ и многимъ смѣха достойнымъ суевѣріямъ, еще же раздорамъ и пребезумнымъ ересямъ" А мы еще къ тому дополняемъ: когда *нѣтъ добраго учрежденія къ воспитанію* и приготовленію молодыхъ людей, изъ которыхъ бы ко всѣмъ церквамъ добрые пастыри и учители опредѣляемы были, то и нѣтъ въ простомъ народѣ руководства къ отвращенію пагубныхъ дѣлъ, нѣтъ исправленія нравовъ и добраго сознанія въ обществѣ". Согласно этому, Императрица требуетъ, чтобы учащіеся были не только „остротою и понятіемъ выборные но и добронравные", и никакъ не допускаетъ, чтобы въ этихъ заведеніяхъ могли быть воспитанники, которые, „заразившись малымъ знаніемъ, послѣ будутъ проповѣдывать враки, а иногда плевелы". Еще рельефнѣе выразился этотъ взглядъ Императрицы въ устройствѣ въ первые годы ея царствованія нѣсколькихъ новыхъ закрытыхъ учебныхъ заведеній—мужскихъ и женскихъ. Въ этихъ заведеніяхъ на воспитаніе обращали такъ много вниманія, что оно заслоняло для воспитателей важность обогащенія воспитанниковъ свѣдѣніями и развитія ихъ ума; въ этихъ заведеніяхъ учили „играючи". Но опытъ показалъ, что такого рода организація учебныхъ заведеній, гдѣ думаютъ отдѣлить воспитаніе отъ обученія, гдѣ стремленіе правильно воспитать дѣтей соединено съ небрежнымъ отношеніемъ къ правильной постановкѣ обученія, не можетъ быть признана правильною, и со второй половины своего царствованія Императрица начинаетъ придавать большее значеніе развитію умственныхъ силъ ученика и въ самомъ обученіи видѣть воспитательное средство. Уставъ народныхъ училищъ 5 августа 1786 года служитъ лучшимъ тому доказательствомъ.

Ближайшимъ средствомъ для школы выполнить эту высокую, возложенную на нее задачу, уставъ считаетъ именно обученіе. Потому-то уставъ такъ и настаиваетъ на необходимости поставить разумно дѣло первоначальнаго обученія, потому-то и требуется, чтобы ученики сознательно усвояли себѣ

преподаваемое имъ, что въ знаніи, сознательно усвоенномъ, лежитъ уже нѣкоторое основаніе для нравственнаго развитія человѣка. Незнаніе, невѣжество, если и не порокъ само по себѣ, все-таки, несомнѣнно, ведетъ къ порокамъ, скрывая отъ человѣка его обязанности. Напротивъ, развитіе его умственныхъ силъ, расширеніе его умственнаго кругозора само собой предоставляетъ человѣку возможность дальнѣйшаго нравственнаго усовершенствованія. Несомнѣнно, конечно, что человѣкъ, развитый умственно, не всегда бываетъ добродѣтельнымъ, но нельзя отрицать и того, что при свѣтѣ знанія все же легче отыскать путь, ведущій къ нравственному совершенству, чѣмъ во тьмѣ невѣдѣнія. Чтобы придать затѣмъ обученію болѣе воспитывающей силы, комиссія сочла необходимымъ ввести въ программу учебнаго курса, кромѣ Закона Божія, еще правила добронравія. Непосредственно по изученіи азбуки ученикамъ давали читать книжку „Правила для учащихся“. Книжка эта содержала въ себѣ краткія нравоученія, разсказы изъ дѣтской жизни и подробное описаніе жизни порядочнаго ученика въ училищѣ и внѣ онаго. Содержаніе этой книжки не должно было никогда выходить изъ памяти ученика.

Учитель долженъ былъ постоянно напоминать ученикамъ ихъ правила, дабы они самымъ дѣломъ старались исполнять эти правила, и склонять какъ волю, такъ и сердце учениковъ къ охотному подражанію тѣмъ добрымъ примѣрамъ, которые изображены въ книжкѣ. Съ тою же воспитательною цѣлью ученикамъ второго класса давалась для чтенія „Книга о должностяхъ человѣка и гражданина“. Истинное благополучіе—такова основная мысль книги—заключается въ насъ самихъ. „Когда душа наша хороша, отъ безпорядочныхъ желаній свободна и тѣло наше здорово, тогда человѣкъ благополученъ. Для пріобрѣтенія этихъ условій благополучія мы должны напаять нашу душу добродѣтелью, пещись надлежащимъ образомъ о нашемъ тѣлѣ, исполнять общественныя должности, на которыя мы отъ Бога опредѣлены, и знать правила хозяйства“. На этомъ основаніи всѣ должности человѣка и гражданина отнесены къ четыремъ главнымъ разрядамъ: къ образованію души, къ попеченію о тѣлѣ, къ добросовѣстному исполненію общественныхъ должностей и къ заботѣ объ исправномъ домоводствѣ. Изложеніе этихъ-то обязанностей и составляетъ содержаніе разсматриваемой учебной книги.

Дальнѣйшимъ затѣмъ воспитательнымъ средствомъ, которымъ могла располагать школа, признавался примѣръ учителя. Благочестіе, любовь къ ученикамъ и къ своему дѣлу, бодрость, терпѣніе, довольство своимъ состояніемъ и всегда аккуратное исполненіе своего дѣла — вотъ свойства, которыми долженъ отличаться учитель и которыя должны дѣлать его примѣромъ, достойнымъ подражанія для его учениковъ.

Къ числу воспитательныхъ средствъ относится далѣе дисциплина.

Трудно представить себѣ, чтобы обученіе шло успѣшно, если въ школѣ нѣтъ дисциплины. Тѣмъ болѣе немыслимо, что бы безъ дисциплины школа могла оказать благотворное воздѣйствіе на ученика при посредствѣ возбужденія въ немъ добрыхъ навыковъ. Это значеніе дисциплины понимали всегда, и „распущенная“ школа всегда представлялась несоотвѣтствующей своему назначенію. При составленіи устава 5 августа на эту сторону школьной жизни обращено было особенное вниманіе. Но составители устава считали не только возможнымъ, а и необходимымъ дать вопросу о дисциплинѣ совсѣмъ не то значеніе, какое привыкли давать ему до Екатерины. Безъ дисциплины школа немыслима, но чтобы водворить въ школѣ дисциплину, нѣтъ необходимости, да и не слѣдуетъ въ основу отношеній дѣтей къ учителямъ полагать чувство страха. Надобно достигнуть того, чтобы дѣти охотно слушались словъ учителя, чтобы они стыдились оскорбить учителя своими нехорошими дѣйствіями. Прежде всего необходимо, чтобы дѣти имѣли уваженіе, почтеніе и любовь къ учителю. Уваженіе учениковъ къ учителю основывается на умѣньѣ учителя вести свое дѣло и на его всегдашней исправности въ исполненіи имъ своей обязанности. Почтеніе воздается дѣтьми учителю тогда, когда онъ, аккуратно исполняя свои обязанности, не станетъ подавать ученикамъ повода судить дурно о поведеніи его, какъ человѣка. Любятъ ученики своего учителя, когда видятъ въ немъ чадолюбиваго отца, всегда терпѣливаго и снисходительнаго, готоваго награждать прилежныхъ и благонравныхъ учениковъ, не устающаго разъяснять ученикамъ ихъ обязанности и предостерегать отъ неисполненія ихъ, приказывающаго дѣлать ученикамъ только то, „что дѣльно и полезно“, и не отягощающаго ихъ „приказами изъ пристрастія“. Даль-

нѣйшимъ необходимымъ условіемъ для того, чтобы учитель могъ поддерживать дисциплину въ классѣ, является его умѣнье дѣйствовать на учениковъ соотвѣтственно особенностямъ, опредѣляемымъ ихъ состояніемъ, поломъ, степенью развитія ихъ умственныхъ силъ, ихъ темпераментомъ и направленіемъ ихъ воли въ ту или другую сторону. Многія изъ правилъ, опредѣляющихъ образъ дѣйствій учителя въ разсматриваемомъ направленіи, вполнѣ сохранили свое значеніе и до настоящаго времени и стоятъ того, чтобы быть вполнѣ усвоенными и современными учителями.

Процвѣтаніе школы въ весьма значительной степени зависитъ отъ того, на сколько подготовленъ къ своему дѣлу руководящій ею учитель. Эту истину вполнѣ сознавали составители устава, и, исходя изъ нея, они считали необходимымъ устроить въ Россіи 3—4 учебныя заведенія для приготовленія учителей. Къ сожалѣнію, эта мысль не была осуществлена, и задача приготовленія учителей для главныхъ училищъ спачала возложена была на главное училище въ Петербургѣ, а затѣмъ (съ 22 сент. 1786 г.) на учительскую семинарію, получившую съ того времени самостоятельное существованіе. Что же касается малыхъ училищъ (а ихъ-то было большинство), то для нихъ семинарія, разумѣется, не могла дать хорошо подготовленныхъ учителей. Откуда же взять учителей для малыхъ училищъ? Заботы о пріисканіи учителей для малыхъ училищъ уставъ возлагалъ на директора училищъ и губернатора. Всѣхъ желающихъ занять должность учителя въ малыхъ училищахъ директоръ долженъ былъ допускать въ главное училище для изученія способа обученія и преподаванія въ малыхъ училищахъ. При успѣшности занятій и выдержаніи соотвѣтствующаго испытанія, эти лица получали отъ директора свидѣтельство, удостовѣряющее ихъ право быть учителями въ малыхъ училищахъ, и приказъ общественнаго призрѣнія предоставлялъ имъ учительскія мѣста. Если не находилось лицъ, желающихъ занять учительскія мѣста, то генералъ-губернаторъ или губернаторъ долженъ былъ „выписать изъ духовныхъ семинарій своего намѣстничества способныхъ, по засвидѣтельствованію директора, людей для наполненія учительскихъ мѣстъ. По надлежащемъ чрезъ директора въ способѣ учебномъ или и въ другихъ знаніяхъ пріуготовленіи“ такія лица получили учительскія мѣста въ малыхъ училищахъ. Само

собой понятно, что такой способъ пополненія учительскаго персонала былъ ненадеженъ. Составители устава знали это очень хорошо и, чтобы предотвратить появленіе въ училищахъ мало пригодныхъ учителей, сочли необходимымъ дать учителямъ подробнѣйшее руководство относительно того, какъ имъ вести свое дѣло въ школѣ. До какихъ мелочей доходятъ эти указанія, объ этомъ можно судить хоть потому, что учителю рекомендуется остерегаться дѣлать предъ учениками смѣшныя тѣлодвиженія, не показывать ученикамъ, какъ птицы летаютъ, не подражать птичьему, лошадинному, или собачьему голосу.

Такимъ образомъ, капитальнѣйшій вопросъ о приготовленіи учителей для малыхъ училищъ рѣшенъ былъ, надо сказать, неудовлетворительно.

Высшимъ правительственнымъ мѣстомъ, завѣдывавшимъ дѣлами народнаго образованія, была комиссія объ училищахъ. На обязанности комиссіи лежали: изданіе книгъ, ландкартъ и заготовленіе всѣхъ нужныхъ для училищъ вещей и высшій надзоръ за исполненіемъ устава училищнаго, для чего комиссія имѣла право посылать въ губерніи особыхъ ревизоровъ. Въ концѣ года комиссія представляла Императрицѣ отчетъ о состояніи школъ.

Высшее наблюденіе за школами въ каждомъ намѣстничествѣ принадлежало генералъ-губернаторамъ и губернаторамъ, съ званіемъ попечителей народныхъ училищъ, „Одна изъ первѣйшихъ обязанностей попечителя есть стараться о распространеніи народныхъ училищъ отъ главнаго, въ губернскомъ городѣ находящагося, не только по городамъ уѣзднымъ, но и по другимъ селеніямъ, колико способы ему то доставлять будутъ“. Въ исполненіе этой обязанности онъ долженъ былъ „выписывать“ изъ духовныхъ семинарій своего намѣстничества способныхъ молодыхъ людей и допускать ихъ къ учительскимъ должностямъ по надлежащей подготовкѣ. Ему рекомендовалось также заботиться о снабженіи училищъ книгами, ландкартами и мѣстными произведеніями природы или искусства, которыя могутъ найти мѣсто въ училищныхъ библіотекахъ. Наконецъ, какъ предсѣдатель приказа общественнаго призрѣнія, онъ являлся необходимо главнымъ лицомъ, отъ котораго зависѣло все благосостояніе училища въ матеріальномъ отношеніи. При

объѣздахъ губерніи, губернаторъ долженъ былъ посѣщать и и училища. После губернатора ближайшимъ начальникомъ училищъ былъ директоръ народныхъ училищъ, опредѣляемый на должность генералъ-губернаторомъ. Уставъ требовалъ, чтобы онъ былъ „любитель наукъ, порядка и добродѣтели, доброхотствующій юношеству и знающій цѣну воспитанія“. Надлежащая постановка учебной части должна была сдѣлаться главнымъ предметомъ заботливости директора. Онъ долженъ былъ наблюдать, чтобы всѣ опредѣляющіеся на должности учителей знали способъ обученія, и не допускать на должности учителей незнакомыхъ съ этимъ способомъ. Онъ долженъ былъ заботиться, чтобы въ приказѣ было всегда достаточное число книгъ, нужныхъ для училищъ, а равно и ландкартъ. Онъ долженъ былъ смотрѣть за цѣлостью и сохранностью библіотекъ и принимать мѣры къ ихъ умноженію. Въ немъ учителя начальныхъ училищъ должны были встрѣтить себѣ не только начальника, но заботливаго отца, друга, благодѣтеля. Чтобы директоръ могъ имѣть возможность слѣдить за успѣхами учениковъ, учителя должны были представлять ему мѣсячные рапорты. Независимо отъ того, онъ долженъ былъ и самъ посѣщать училища: главныя—еженедѣльно, а малыя въ уѣздныхъ городахъ—хоть одинъ разъ въ годъ. Исключеніе учениковъ изъ училищъ и выдача имъ свидѣтельствъ объ окончаніи курса ученія лежала также на обязанности директора. Чтобы при такомъ устройствѣ учебной администраціи малыя училища не остались безъ надзора, изъ гражданъ города выбирался смотритель училища.

Недостатки такого устройства учебной администраціи сами собой очевидны, и жизнь безапелляціонно осудила мысль, лежавшую въ основѣ такого устройства. Интересы школы рѣшительно требуютъ, чтобы управленіе ею было поручено людямъ, знакомымъ съ педагогіей, и притомъ не только теоретически, но и практически.

Въ хозяйственномъ отношеніи уставъ оставилъ училища въ полной зависимости отъ приказовъ общественнаго призрѣнія. Идея возложить обязанность содержанія училищъ на городскія общества возникла въ умѣ Императрицы Екатерины, кажется, подъ вліяніемъ бесѣдъ съ Дидро. „Въ бесѣдахъ съ Екатериной о постановкѣ учебнаго дѣла—читаемъ мы въ статьѣ „Екатерина II и Дидро“, помѣщенной въ іюньской книжкѣ „Русской Старины“ за 1884 г.—Дидро указывалъ императрицѣ, что въ этомъ случаѣ дѣятельное сочувствіе общества и непосредственное участіе его представителей важнѣе всѣхъ регламентовъ и системъ. Онъ указывалъ ей на примѣръ Германіи, гдѣ школы находятся въ вѣдѣніи городскихъ магистратовъ, и старшины города являются главными представителями городскихъ училищъ. Императрица Екатерина одобрила эту мысль. Дидро говоритъ по этому поводу: „Если я вѣрно проникъ въ намѣренія Императрицы, я долженъ думать, что Ея Величество предполагаетъ ввести въ городахъ своей Имперіи муниципальную магистратуру, расширивъ и возвысивъ ея функціи. Одною изъ обязанностей старшинъ города будетъ предсѣдательствовать въ школахъ и заботиться о нихъ“. Дидро, несомнѣнно, вѣрно понялъ мысль Императрицы. Не далѣе, какъ черезъ годъ послѣ бесѣды съ Дидро, Она и издала распоряженіе объ открытіи въ Имперіи школъ, поручивъ при этомъ и содержаніе школъ, и устройство ихъ во всѣхъ отношеніяхъ приказамъ общественнаго призрѣнія. Скоро, однакожъ, Императрица должна была убѣдиться, что русскіе городскіе муниципалитеты рѣшительно не обнаруживаютъ особеннаго участія въ школѣ, и что участіе ихъ представителей въ управленіи школой никакъ не можетъ замѣнить школьнаго регламента. Такой регламентъ и явился въ видѣ устава 5 августа 1786 г. Но и послѣ этого все же содержаніе школъ осталось по прежнему на попеченіи приказовъ общественнаго призрѣнія. Частью за ними же, въ лицѣ выборныхъ смотрителей, осталось и наблюденіе за школами. Что изъ этого вышло—мы знаемъ. Лишь немногіе приказы общественнаго призрѣнія относились сочувственно къ школамъ, а въ большинствѣ школы бѣдствовали.

Спустя два года по открытіи училищъ въ 25 губерніяхъ внутренней Россіи, комиссія народныхъ училищъ доложила Императрицѣ, что ею приготовлено все нужное для открытія училищъ въ остальныхъ губерніяхъ Россіи. Съ удовольствіемъ прочитала Императрица этотъ докладъ, и немедленно принятъ былъ рядъ мѣръ къ открытію въ ближайшемъ времени главныхъ и малыхъ училищъ въ 16 губерніяхъ Россіи, въ томъ числѣ и въ губерніяхъ Полоцкой и Могилевской. 3 ноября повелѣно было комиссіи открыть въ этихъ губерніяхъ училища, коль скоро присланы къ нимъ будутъ отъ комиссіи

учителя (для главныхъ училищъ) съ нужными книгами и прочимъ для сего заведенія потребнымъ, а Бѣлорусскому генералъ-губернатору П. Б. Пассеку данъ былъ рескриптъ, которымъ Императрица возложила на попеченіе его, чтобы было приготовлено все нужное для открытія училищъ. „Хотя не вездѣ, сказано въ рескриптѣ, приказы общественнаго призрѣнія столь достаточные капиталы имѣютъ, чтобы изъ процентовъ ихъ удовлетворить всѣмъ предметамъ, попеченію ихъ предоставленнымъ; но какъ доходы оныхъ, при добрыхъ и усердныхъ стараніяхъ начальства и разныхъ обществъ, отъ времени далѣе могутъ умножаться; сверхъ того, снабдивъ города Наши разными выгодами, въ городовомъ положеніи изображенными, доставили Мы имъ и доходы на ихъ надобности, а между таковыми надобностями просвѣщеніе народное одною изъ первыхъ почитаться долженствуетъ; содержаніе же народныхъ училищъ не требуетъ большого иждивенія...., — то и увѣрены Мы, что вы изыщете средства заимствовать нужное сихъ училищъ содержаніе безъ отягощенія казны и безъ оскудѣнія и для другихъ полезныхъ заведеній“.

Пассекъ горячо принялся за порученное ему дѣло. Разсмотрѣвъ приходы и расходы городовъ ввѣреннаго ему края и убѣдившись, что „содержаніе училищъ самолегчайшимъ способомъ можетъ быть заимствуемо изъ городскихъ доходовъ“ нѣкоторыхъ городовъ Бѣлорусскаго генералъ-губернаторства, онъ донесъ 22 декабря 1788 г. императрицѣ, что въ Могилевѣ, Полоцкѣ и Витебскѣ могутъ быть открыты главныя и по одному малому училищу, что въ Чаусахъ, Оршѣ, Копысѣ, Мстиславлѣ, Чериковѣ, Себежѣ, Невелѣ и Велижѣ могутъ быть открыты малыя училища.

Комиссія народныхъ училищъ съ своей стороны въ концѣ 1788 года выслала въ Могилевъ и Полоцкъ подготовленныхъ къ занятію въ главныхъ училищахъ этихъ городовъ учителей и нужное количество учебныхъ пособій.

Такимъ образомъ явилась полная возможность приступить въ началѣ 1789 къ открытію училищъ въ предѣлахъ Бѣлорусскаго генералъ-губернаторства. И дѣйствительно, весной 1789 г. послѣдовало открытіе первыхъ двухъ училищъ на основаніи устава 5 августа 1786 г. 15 марта открыто главное училище въ Могилевѣ, 15 апрѣля—въ Полоцкѣ.

Со стороны денежныхъ средствъ на содержаніе предположенныхъ Пассекомъ къ открытію малыхъ училищъ и къ снабженію ихъ книгами и учебными пособіями не встрѣчалось препятствія къ тому, чтобы немедленно, по открытіи главныхъ училищъ, было приступлено и къ открытію малыхъ училищъ. Но негдѣ было взять учителей для этихъ училищъ. Надо было поэтому сначала подготовить учителей, а потомъ уже приступать къ открытію малыхъ училищъ. Къ 1791 г. это крупное препятствіе было устранено тѣмъ, что въ созданной архіепископомъ Георгіемъ Конисскимъ Могилевской духовной семинаріи нашлось нѣсколько учениковъ, которые изъявили согласіе быть учителями въ малыхъ школахъ, по надлежащей подготовкѣ ихъ къ этому дѣлу въ главномъ Могилевскомъ училищѣ. Къ 1791 г. ихъ практическія занятія окончились, и тотчасъ явилась возможность приступить къ открытію малыхъ училищъ по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ городахъ. Открыты были въ 1791 г. малыя училища: въ Оршѣ – 28 января, въ Копысѣ—30 января, Мстиславлѣ—4 февраля, Чериковѣ—6 февраля, въ Чаусахъ – 9 февраля *).

Изъ преднамѣченныхъ П. Б. Пассекомъ къ открытію училищъ теперь оставалось устроить четырехклассное училище въ Витебскѣ и малыя училища въ Витебскѣ, Могилевѣ, Полоцкѣ, Себежѣ, Невелѣ и въ Велижѣ.

Но въ послѣдніе годы царствованія императрицы Екатерины II удалось открыть только четырехклассное училище въ Витебскѣ въ 1794 г. **).

Остальныя перечисленныя выше училища не были открыты, по всей вѣроятности, потому, что не было возможности снабдить ихъ подготовленными учителями.

Какъ отнеслось населеніе къ вновь открытымъ въ Бѣлоруссіи училищамъ?

Вѣдомости комиссіи объ учрежденіи училищъ за 1791—1795 г. даютъ понять, что число учившихся въ малыхъ учили-

---

*) Сборн. мат. для исторіи просв. въ Россіи. Т. I. Ст. 16—25, 31—55, 97—98.

**) Сборн. мат. для истор. просв. въ Россіи. Т. I, ст. 109 –112.

щахъ было не велико, что оно колебалось: то повышалось, то понижалось *).

По указаннымъ вѣдомостямъ учившихся было:

	Въ Оршѣ.	Въ Копысѣ.	Въ Мстиславлѣ.	Въ Чериковѣ.	Въ Чаусахъ.
1791	34	47	65	54	39
1792	38	34	75	56	44
1793	35	38	62	57	42
1794	35	28	62	34	36
1795	35	38	62	57	42

Эта незначительность числа учившихся и колебанія въ числахъ—явленіе естественное, легко объяснимое. Населеніе маленькихъ городовъ въ большинствѣ своемъ по своей неразвитости не могло сразу оцѣнить пользу грамотности и дать малымъ училищамъ значительное количество учениковъ. Въ этихъ городахъ съ любовію и радостію могли встрѣтить новыя училища лишь лица, которыя по своему развитію стояли выше средняго уровня, или которыя самымъ образомъ своихъ занятій вынуждались желать, чтобы дѣти ихъ были грамотными, или которыя, наконецъ, могли оцѣнить всю необходимость и важность обстоятельнаго обученія своихъ дѣтей русскому языку при установившейся при Императрицѣ Екатеринѣ II системѣ сближенія Бѣлоруссіи съ внутренними губерніями Россіи и вмѣстѣ съ тѣмъ расширенія области употребленія русскаго языка во всѣхъ сферахъ административной дѣятельности. Таковы были учителя, чиновники, торговцы, промышленники, русскіе и частію польскіе помѣщики и т. п.

Увеличенію числа учащихся въ малыхъ училищахъ должны были содѣйствовать сами училища постепенными выпусками своихъ учениковъ и постепеннымъ увеличеніемъ въ

*) Сборн. мат. для ист. просв. въ Россіи. Т. I, стр. 455—469.

обществѣ массы грамотныхъ людей. Съ увеличеніемъ въ обществѣ грамотныхъ людей, понимающихъ цѣну русской грамотности, естественно, должно было увеличиваться и число учащихся въ малыхъ училищахъ.

Въ губернскихъ городахъ число лицъ, понимавшихъ пользу грамотности, естественно, было гораздо болѣе, чѣмъ въ глухихъ уѣздныхъ городахъ. Къ тому же окончаніе курса въ главныхъ училищахъ давало учившимся въ нихъ такія крупныя выгоды, какъ возможность поступить въ другія высшія заведенія, или поступить на государственную службу въ различныя губернскія учрежденія, гдѣ употребленіе русскаго языка въ царствованіе императрицы Екатерины II все болѣе и болѣе расширялось *).

Неудивительно поэтому,

а) если число учившихся въ главныхъ училищахъ постепенно и довольно быстро увеличивалось. Въ 1789 въ Полоцкомъ и Могилевскомъ главныхъ училищахъ было 217 учившихся, въ 1795 г.—433;

б) если бывали случаи, когда отцы учившихся въ монашескихъ училищахъ, познакомившись съ ходомъ дѣлъ во вновь устроенныхъ главныхъ училищахъ, переводили туда своихъ дѣтей. О такихъ случаяхъ есть несомнѣнныя свидѣтельства въ оффиціальныхъ отчетахъ **) и

в) если по свидѣтельству Лукашевича новыя училища стали затмѣвать славу прежнихъ іезуитскихъ училищъ и бѣлорусское римско-католическое юношество, минуя свою коллегію, стало посѣщать вновь открытыя училища ***).

Но и въ этихъ училищахъ большинство ограничивалось прохожденіемъ курса младшихъ классовъ. Очевидно, многіе

*) Успѣхи выходящихъ изъ того училища (главнаго училища въ Могилевѣ), доносилъ Бѣлорусскій губернаторъ Жегулинъ коммиссіи народныхъ училищъ въ 1798 г., весьма ощутительны, ибо немалое количество вышедшихъ оттуда находится въ присутственныхъ мѣстахъ губернскаго города канцелярскими служителями и должности свои отправляютъ съ успѣхомъ. Сборн. мат. для истор. просв. въ Россіи. Т. I, ст. 154.

**) Ibidem. Ст. 88.

***) Lukaszewicz. Historya szkól. IV, 187.

родители, отдававшіе въ эти училища своихъ дѣтей, довольствовались обученіемъ ихъ письму и чтенію по-русски. Комиссія народныхъ училищъ хорошо знала объ этомъ, но не смущалась. Она знала „изъ опытовъ, что вкусъ къ наукамъ не вдругъ, а со временемъ пріобрѣтается“ и настаивала лишь на томъ, чтобы мѣстныя власти поддерживали училища и покровительствовали имъ. Не уповательно, полагала комиссія, чтобы безъ поддержанія начальства приращеніе въ наукахъ могло само по себѣ возникнуть, а тѣмъ менѣе распространиться *).

Въ теченіе 6 съ небольшимъ лѣтъ, протекшихъ отъ смерти Императрицы Екатерины II до указа 24 января 1803 г., подчинившаго народныя училища въ Бѣлоруссіи вѣдѣнію Виленскаго университета, въ положеніи молодыхъ учебныхъ заведеній, созданныхъ великой Императрицей въ послѣдніе годы ея царствованія и еще не успѣвшихъ, при жизни ея, окрѣпнуть, на почвѣ Бѣлоруссіи, произошли крупныя и печальныя перемѣны.

Число существовавшихъ при Императрицѣ Екатеринѣ II малыхъ народныхъ училищъ, послѣ смерти ея, увеличилось лишь двумя малыми училищами: Велижскимъ и Невельскимъ, открытыми въ 1799 г. Что касается малыхъ училищъ въ Полоцкѣ, Витебскѣ, Могилевѣ и Себежѣ, которыя намѣчены были къ открытію еще въ 1788 г., то ни одно изъ нихъ не было открыто.

Надо прибавить къ этому, что взамѣнъ вновь открытыхъ двухъ малыхъ училищъ одно главное училище было преобразовано въ малое (въ Полоцкѣ), а одно малое (въ Копысѣ) было закрыто. Оба эти печальныя явленія произошли въ 1797 г., когда изъ двухъ губерній Полоцкой и Могилевской образована была одна Бѣлорусская губернія съ губернскимъ городомъ Витебскомъ, а Полоцкъ и Могилевъ превратились въ уѣздные города, и когда Копысь превратился въ заштатный городъ.

Число учащихся въ народныхъ училищахъ вмѣсто того, чтобы увеличиваться, стало уменьшаться. Въ 1795 г. учащихся

*) Сборникъ мат. для ист. просв. въ Россіи. Т. 1, стр. 155.

въ главныхъ и малыхъ училищахъ Бѣлоруссіи было 747. Въ 1797 г. ихъ было уже только 415, а въ 1798 г.—348. Съ открытіемъ въ 1799 году двухъ новыхъ училищъ число учащихся поднялось до 524 и въ послѣдующіе годы до 1803 нѣсколько увеличилось (въ 1802 г.—было 590), но было далеко ниже количества учившихся въ 1795 г. *). И сократилось главнымъ образомъ количество дѣтей лицъ нерусскаго происхожденія. Явленіе это стоитъ въ прямой зависимости отъ того, что, съ перемѣной государя, правительство измѣнило свою политику въ отношеніи къ польско-католическому населенію западной окраины, присоединенной въ царствованіе Екатерины II къ Россіи. Императрица Екатерина II старалась всячески объединить эту окраину съ внутренними губерніями Россіи; Императоръ Павелъ I, увлекаясь желаніемъ исправить мнимыя неправды Екатерины, отступилъ отъ ея объединительной политики и сталъ воскрешать въ присоединенныхъ отъ Польши областяхъ прежнія начала польской жизни. На всемъ пространствѣ присоединенныхъ областей онъ далъ силу польско-литовскому законодательству и дозволилъ собирать сеймики для выбора, вмѣсто предводителей дворянства, маршаловъ и другихъ чиновныхъ людей **). Разумѣется, при такихъ условіяхъ потребность въ русской школѣ для нерусскаго населенія Бѣлоруссіи стала уменьшаться, и нѣтъ ничего удивительнаго что русскія школы стали посѣщаться почти исключительн- дѣтьми болѣе развитыхъ горожанъ русскаго происхожденія.

Внѣшнее благосостояніе училищъ сильно пошатнулось Народныя училища, какъ сказано выше, получали содержаніе отъ приказовъ общественнаго призрѣнія и городскихъ думъ. Главныя училища получали ежегодно по 3000 р., малыя—по 500 р. Въ царствованіе Императрицы Екатерины II, внимательно слѣдившей, по докладамъ комиссіи, за дѣятельностію созданныхъ ею училищъ, городскія думы исправно отпускали на содержаніе училищъ деньги, а нѣкоторыя изъ нихъ даже увеличили свои ассигновки на училища; но по мѣрѣ того, какъ, по смерти основательницы народныхъ училищъ, приказы

*) Сбор. мат. для истор. просв. въ Россіи. Т. I, стр. 137, 139, 471—473—476, 495.

**) Полное Собр. Зак., № 17789.

общественнаго призрѣнія и городскія думы стали убѣждаться, что прошло уже время, когда мѣстныя высшія власти зорко слѣдили за исполненіемъ ихъ обязанностей по отношенію къ школамъ, большинство ихъ стало холодно относиться къ интересамъ ихъ, что и выразилось частію въ неаккуратныхъ ассигновкахъ на содержаніе школъ, въ уменьшеніи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отпусковъ на содержаніе училищъ и въ отказахъ ремонтировать училищныя зданія. Холодность думъ къ интересамъ училищъ особенно сказалась, какъ мы скоро увидимъ, на благосостояніи училищъ Могилевской губерніи.

Видя холодность Витебскаго приказа общественнаго призрѣнія къ благосостоянію главнаго Витебскаго училища и не расчитывая преодолѣть ее, учитель Витебскаго главнаго училища Копаровскій-Соховичъ обратилъ вниманіе комиссіи народныхъ училищъ на источникъ, изъ котораго можно было-бы заимствовать средства на улучшеніе училищъ. Источникъ этотъ—крупицы эдукаціоннаго капитала.

Эдукаціонный капиталъ, сказано выше, составился изъ тѣхъ доходовъ, которыми въ предѣлахъ Польши, со времени уничтоженія іезуитскаго ордена въ этой странѣ, располагала эдукаціонная комиссія и которые получались съ капиталовъ и имѣній, принадлежавшихъ іезуитамъ до 1773 г. Послѣ второго раздѣла Польши, присоединены были, между прочимъ, къ Россіи земли, въ которыхъ до закрытія іезуитскаго ордена было не мало деревень, принадлежавшихъ іезуитамъ. Послѣ второго раздѣла, доходы съ означенныхъ деревень стали поступать въ количествѣ 5000 р. въ Витебскій приказъ общественнаго призрѣнія. На эти то суммы Копаровскій-Соховичъ и указалъ комиссіи. Есть въ Бѣлоруссіи, - писалъ онъ въ 1801 г.—деревни, съ которыхъ доходы слѣдуютъ на народныя школы. Собираемая съ сихъ деревень сумма простирается ежегодно до 5000 р., и сіи деньги хранятся въ приказѣ общественнаго призрѣнія безъ употребленія. Можно ихъ употребить для пользы бѣлорусскихъ школъ, но при медленіи надо думать, что возымѣютъ случай іезуиты испросить ихъ въ пользу своихъ семинарій.

На поіезуитскія суммы указывалъ и директоръ народныхъ училищъ Цвѣтковскій въ письмѣ отъ 5 февраля 1801 г. къ Ѳ.

И. Янковичу-де Миріево, какъ на источникъ, изъ котораго могутъ быть почерпнуты суммы, необходимыя для удовлетворенія по крайней мѣрѣ самыхъ вопіющихъ нуждъ народныхъ училищъ *).

Но комиссія народныхъ училищъ безучастно отнеслась къ приведеннымъ заявленіямъ и рѣшительно ничего не сдѣлала въ интересахъ школы.

Скоро эти деньги и совсѣмъ пропали для народныхъ училищъ Бѣлоруссіи; но достались онѣ не іезуитамъ, какъ опасался Копаровскій-Соховичъ, а Виленскому университету, который и употребилъ ихъ на содержаніе учебныхъ заведеній округа, но не Бѣлорусскихъ, а прочихъ губерній, входившихъ въ составъ округа.

III.

Одновременно съ уставомъ народныхъ училищъ 5 августа 1786 г. опубликованъ былъ „наказъ содержателямъ домашнихъ училищъ и учителямъ, имѣющимъ у себя воспитанниковъ" **).

Наказъ этотъ всѣ домашнія училища и всѣхъ учителей, „въ воспитаніи дѣтей упражняющихся", подчинялъ приказамъ общественнаго призрѣнія.

По наказу, никто не могъ открыть училища, ни стать преподавателемъ въ домашнемъ училищѣ до полученія отъ директора народныхъ училищъ удостовѣренія въ томъ, что онъ изучилъ въ какомъ-либо главномъ училищѣ способъ ученія и знаетъ тѣ науки, какія желаетъ преподавать.

Чтобы получить право на открытіе училища, желающій открыть оное долженъ былъ подать въ приказъ общественнаго призрѣнія надлежащее прошеніе съ приложеніемъ свидѣтельства директора и обстоятельнаго плана, какія науки онъ въ училищѣ своемъ завести намѣренъ, а равно и съ указаніемъ, имѣютъ ли лица, приглашенныя имъ для преподаванія въ открываемомъ училищѣ, надлежащія свидѣтельства о правѣ ихъ заниматься преподаваніемъ, какъ будутъ распредѣлены за-

*) Сборн. матеріал. для исторіи просв. въ Россіи. Т. 1, стр. 195, 196.

**) Пол. Собр. Зак. Т. XX, № 16421. Прил. № 8.

нятія въ училищѣ и какую плату онъ будетъ взимать съ учениковъ.

Содержатели училищъ обязывались строго слѣдовать утвержденному плану, допускать къ преподаванію въ нихъ лишь лицъ, имѣющихъ на то право, и употреблять въ училищахъ учебныя руководства, изданныя комиссіей народныхъ училищъ для этихъ послѣднихъ. При этомъ содержателямъ училищъ предоставлено было однакожъ право—въ томъ случаѣ, если воспитанники ихъ приготовляются къ нѣкоторому извѣстному роду состоянія, напр. военному, ученому и иному, обучать своихъ воспитанниковъ по книгамъ, какія для такого рода воспитанниковъ въ казенныхъ подобныхъ училищахъ употребляются.

Хотя при заведеніи домашняго училища опредѣленіе учебныхъ предметовъ и предоставлено волѣ содержателя, однако „языкъ россійскій долженъ быть необходимо въ числѣ оныхъ". Что касается закона Божія, то содержатель долженъ былъ стараться обучать дѣтей закону Божію не иначе, какъ по исповѣданію той вѣры, къ которой они принадлежали.

Но въ царствованіе Императрицы Екатерины II изложенный законъ, повидимому, вовсе не былъ примѣняемъ къ дѣлу, такъ какъ со времени изданія закона до смерти Императрицы не было открыто въ Полоцкой и Могилевской губерніяхъ ни одного домашняго училища. На всемъ пространствѣ двухъ губерній въ царствованіе Императрицы существовали лишь два частныя училища, открытыя раньше опубликованія наказа. Это были „чечерскій пансіонъ благородныхъ дѣвицъ" и школа для крестьянскихъ мальчиковъ въ Чечерскѣ. Оба эти училища учреждены были владѣтельницей Чечерска, графиней Чернышевой, отпускавшей ежегодно на содержаніе ихъ 6000 руб. Въ пансіонѣ обучалось 12 дѣвицъ на содержаніи графини и 3—на собственномъ содержаніи. Учителей въ пансіонѣ было три: франкфуртскій уроженецъ, Иванъ Григорьевъ Риттеръ, его жена - Анна Риттеръ и учитель музыки Костровскій. Эти три лица и вели преподаваніе въ пансіонѣ, состоявшемъ изъ трехъ классовъ, обучая дѣвицъ не только языкамъ, не только многимъ наукамъ, но и изрядному количеству искусствъ. Ученицы пансіона изучали русскій,

французскій и нѣмецкій языки, географію, исторію, хронологію, ариѳметику, космографію, миѳологію. Ихъ обучали также рисованію, пѣнію (по „итальянскимъ" нотамъ), игрѣ на фортепіано и гитарѣ, всякимъ рукодѣльнымъ работамъ и танцованію. Какъ справлялись съ дѣломъ франкфуртскій уроженецъ Иванъ Григорьевъ и его жена, свѣдѣній нѣтъ.

Въ „особо отдѣленномъ отъ барышенъ домѣ" обучались въ Чечерскѣ пять крестьянскихъ мальчиковъ. Ихъ учили тому же, сказано въ донесеніи, „чему учились и барышни, кромѣ рукодѣльныхъ работъ" *).

Домашнія школы начали возникать въ Полоцкой и Могилевской губерніяхъ въ самомъ концѣ XVIII ст. Въ это время, очевидно, стала уже чувствоваться потребность въ такихъ школахъ, гдѣ могли бы получить хоть какое-нибудь образованіе дѣти помѣщиковъ, не желавшихъ или не имѣвшихъ по чему либо возможности обучать своихъ дѣтей въ существовавшихъ общественныхъ школахъ. Такія домашнія школы были открыты въ Могилевѣ—пасторомъ Вальбортомъ, въ Шкловѣ—„уроженцемъ нѣмецкой націи" Циммерманомъ, въ Дубровнѣ—иностранцемъ Линкомъ (мужскій пансіонъ) и его женою (женскій пансіонъ), въ селѣ Суходоровѣ, Бабиновичскаго уѣзда—Шретеромъ, въ г. Рогачевѣ—уроженцемъ прусскимъ, ротмистромъ польской службы Христіаномъ Коромъ,—всего 6 училищъ. Но всѣ эти училища открыты были и продолжали свою дѣятельность, повидимому, совершенно самостоятельно, не подчиняясь приказамъ общественнаго призрѣнія. Такъ можно заключить по донесенію директора народныхъ училищъ Могилевской губерніи отъ 15 марта 1804 г. за № 26. „Со времени заведенія народныхъ училищъ въ Могилевской губерніи, съ 1789 г., отъ приказа общественнаго призрѣнія неоднократно было предписываемо городскимъ и земскимъ полиціямъ о приведеніи въ дѣйствіе паказа содержателямъ домашнихъ училищъ и учителямъ, имѣющихъ у себя воспитанниковъ изданнаго; но оный и по сіе время еще надлежащаго дѣйствія въ пансіонахъ не возъимѣлъ" **).

*) Сбор. мат. для ист. просв. въ Россіи. Т. 1, стр. 611—614.

**) Архивъ Канц. Попеч. Вил. Учеб. Округа. Св. 9, № 66.

Въ ряду поименованныхъ училищъ особенно выдѣлялось училище Шретера. О немъ не разъ придется говорить впослѣдствіи.

Подведемъ теперь итоги сказанному.

Когда Бѣлоруссія была присоединена къ Россіи, въ ней было лишь 7 училищъ, находившихся подъ управленіемъ римско-католическихъ монаховъ. Къ тому времени, когда учебныя заведенія Витебской и Могилевской губерній были переданы въ вѣдѣніе Императорскаго Виленскаго Университета, число ихъ было гораздо больше сравнительно съ 1772 годомъ, не меньше 67. Въ началѣ 1803 г. было:

а) 10 находившихся въ вѣдѣніи монаховъ римско-католическихъ и базиліанскаго орденовъ училищъ съ курсомъ среднихъ учебныхъ заведеній;

б) 29 училищъ съ курсомъ низшихъ училищъ, находившихся въ вѣдѣніи римско-католическаго и базиліанскаго монашества;

в) 11 элементарныхъ училищъ, находившихся въ вѣдѣніи православнаго духовенства и

г) 2 главныхъ, 7 малыхъ народныхъ училищъ и 8 домашнихъ училищъ, которыя содержимы были свѣтскими лицами.

Такой крупный шагъ въ теченіе 30 лѣтъ, подъ могучимъ воздѣйствіемъ просвѣтительныхъ идей великой русской Императрицы, сдѣлало народное образованіе въ Бѣлоруссіи.

Вяло и медленно подвигалось впередъ дѣло распространенія образованія въ Бѣлоруссіи до присоединенія ея къ Россіи. Польское правительство не принимало на себя заботъ о распространеніи образованія, предоставляя это дѣло иниціативѣ главнымъ образомъ римско-католическаго духовенства. А духовенство это приступало къ устройству новыхъ училищъ обыкновенно лишь тогда, когда какое-либо богатое лицо жертвовало извѣстному монастырю какое-либо крупное имѣніе и обязывало этотъ монастырь на доходъ съ имѣнія содержать училище. И такъ какъ такія событія совершались не часто,

то между открытіемъ двухъ училищъ протекалъ иногда весьма значительный промежутокъ времени. Такъ, іезуиты въ теченіе времени съ 1582 г. по 1772 годъ успѣли устроить въ Бѣлоруссіи лишь 6 училищъ. Съ переходомъ Бѣлоруссіи подъ власть Россіи, дѣло распространенія здѣсь образованія пошло совсѣмъ иначе. И сама Императрица и люди, поставленные ею во главѣ управленія вновь пріобрѣтенною областію, отличались большою любовью къ просвѣщенію. И вотъ, подъ воздѣйствіемъ ихъ, на всемъ пространствѣ Бѣлоруссіи начинаютъ возникать различныя школы, и число ихъ увеличивается все больше и больше. Распространенію образованія содѣйствуютъ и правительственныя лица и учрежденія и общественныя учрежденія и частныя лица. И—что замѣчательнѣе всего—средства на открытіе школъ отыскиваются на мѣстѣ, а вѣдь до 1772 года мѣстныхъ средствъ, находившихся въ рукахъ не частныхъ лицъ, на открытіе школъ какъ будто вовсе не было.

Другой характерной особенностію разсмотрѣннаго періода является то, что въ эти годы школа впервые открывается не только для мальчиковъ, но и для дѣвочекъ, и притомъ не только дѣтей лицъ привиллегированныхъ сословій, а и для всего народа. До 1772 г. въ школахъ Бѣлорусскихъ учились лишь мальчики, дѣти лицъ привиллегированныхъ сословій, и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ попадали туда дѣти лицъ низшихъ сословій. Со времени царствованія Императрицы Екатерины II Бѣлорусская школа гостепріимно открыла свои двери для дѣтей всѣхъ сословій и обоихъ половъ.

Что касается устройства училищъ, то въ этомъ отношеніи не было единства, и устройство училищъ отличалось полнѣйшимъ разнообразіемъ. Народныя училища получили организацію по уставу 5 августа 1786 г., монашескія училища имѣли организацію, указанную имъ начальниками орденовъ, училища частныя устроялись по желаніямъ ихъ учредителей.

Общаго, единаго спеціально-учебнаго надзора за училищами не было.

Таково было устройство учебныхъ заведеній въ Бѣлоруссіи, когда они были переданы въ вѣдѣніе Виленскаго Университета.

Первое знакомство Виленскаго Университета съ учебными заведеніями Витебской и Могилевской губерній. Преобразованіе училищъ, находившихся въ вѣдѣніи римско-католическаго и базиліанскаго духовенства. Новая ревизія Бѣлорусскихъ училищъ. Проектъ преобразованія главныхъ и малыхъ училищъ.

Высочайшимъ указомъ 24 января 1803 г. Товарищъ Министра иностранныхъ дѣлъ князь Чарторыскій назначенъ былъ попечителемъ Виленскаго Университета и его округа *).

Извѣщая объ этомъ Университетъ и препровождая утвержденныя Государемъ правила народнаго просвѣщенія, новый попечитель предложеніемъ отъ 14 февраля 1803 г. предложилъ Университету: 1) истребовать отъ всѣхъ подчиненныхъ ему училищъ обстоятельные рапорты о настоящемъ ихъ состояніи и 2) безотлагательно избрать въ сословіи своемъ визитаторовъ, которымъ можно было бы поручить обозрѣніе въ 1803 г. всѣхъ училищъ округа. **).

Исполняя это распоряженіе попечителя, Университетъ прежде всего озаботился собрать о Бѣлорусскихъ училищахъ нужныя свѣдѣнія.

Въ то время въ Бѣлоруссіи не было, какъ уже разъяснено, единой власти, въ вѣдѣніи и подъ руководствомъ которой находились бы эти училища. Главныя и малыя народныя училища, а равно и частныя училища, содержимыя свѣтскими людьми, находились въ вѣдѣніи директоровъ главныхъ народныхъ училищъ; училища, находившіяся при римско-католиче-

*) Фамилія перваго попечителя В. у. окр. пишется различно. Пишутъ Чарторійскій, Чарторижскій, Чарторыскій. Послѣднее начертаніе наиболѣе правильное. Самъ князь-попечитель на бумагахъ, писанныхъ по-русски подписывался: Чарторыскій. Этого начертанія я и буду держаться.

**) Арх. Канц. Попеч. Вил. Уч. Окр. Св. 3, № 27.

скихъ и базиліанскихъ монастыряхъ, находились въ вѣдѣніи провинціаловъ этихъ орденовъ; училища, устроенныя православнымъ духовенствомъ, были подчинены власти Могилевскаго епархіальнаго архіерея; училища, которыя были устроены при римско-католическихъ костелахъ и уніатскихъ церквахъ, находились въ вѣдѣніи римско-католическихъ и уніатской консисторій.

Къ этимъ-то лицамъ и учрежденіямъ Университетъ и обратился съ просьбой доставить свѣдѣнія о числѣ учебныхъ заведеній, находившихся въ ихъ вѣдѣніи.

Директора народныхъ училищъ поспѣшили доставить Университету точныя свѣдѣнія объ имѣвшихся въ Бѣлоруссіи народныхъ училищахъ; о частныхъ же училищахъ они сообщили лишь кой-какія свѣдѣнія. Въ объясненіе неполноты своихъ донесеній они ссылались на то, что число этихъ училищъ неизвѣстно и имъ самимъ.

Начальники монашескихъ орденовъ доставили университету свѣдѣнія объ имѣвшихся въ ихъ вѣдѣніи 3—6 классныхъ училищахъ и почти совершенно умолчали о мелкихъ училищахъ.

Что касается консисторій, то онѣ въ 1803 г. не представили Университету никакихъ донесеній о числѣ имѣвшихся въ ихъ вѣдѣніи училищъ.

Вслѣдствіе этого въ первомъ отчетѣ по Виленскому учебному округу показано далеко неполное число учебныхъ заведеній, существовавшихъ въ 1803 г. въ Витебской и Могилевской губерніяхъ. По этому отчету въ Витебской губерніи было: 1 главное, 3 малыхъ народныхъ училища, 6 трехклассныхъ—шестиклассныхъ училищъ при римско-католическихъ и базиліанскихъ монастыряхъ и 3 приходскихъ училища, всего 13 училищъ; въ Могилевской губерніи—1 главное, 4 малыя училища, 3 училища при іезуитскихъ клашторахъ, 1—при толочинскомъ базиліанскомъ монастырѣ, 1 приходское училище и 2 частныхъ училища, всего 12 учебныхъ заведеній *).

*) Сбор. матер. для исторіи просв. въ Россіи. Т. II, ст. 677, 678 и 686.

Лишь впослѣдствіи выяснилось, что въ Витебской и Могилевской губерніяхъ въ 1803 г. существовало гораздо больше училищъ, чѣмъ показано ихъ въ отчетѣ за 1803 г., и что число ихъ было не меньше 67.

Чтобы имѣть болѣе точныя свѣдѣнія о положеніи Бѣлорусскихъ училищъ въ учебно-воспитательномъ отношеніи, университетъ поспѣшилъ подвергнуть ихъ обстоятельной ревизіи. Визитаторомъ этихъ училищъ назначенъ былъ, по указанію самого попечителя учебнаго округа, князя Чарторыскаго, членъ Академіи Наукъ В. М. Севергинъ *).

Такъ какъ этому же самому лицу поручена была попечителемъ Петербургскаго округа Н. Н. Новосильцевымъ ревизія училищъ Новгородской и Псковской губерніи, и пріѣздъ его для обозрѣнія училищъ Витебской и Могилевской губерній могъ послѣдовать только по окончаніи обозрѣнія училищъ Псковской и Новгородской губерній, каковой моментъ заранѣе опредѣлить было трудно, то Университетъ, извѣщая начальниковъ учебныхъ заведеній Бѣлоруссіи о назначеніи В. М. Севергина визитаторомъ училищъ, предписалъ имъ „не распускать учениковъ на вакаціи до 29 іюля по старому стилю; если же гдѣ и до упомянутаго дня не будетъ визитаторъ, то и тогда воздержаться роспускомъ учениковъ, дабы визитаторъ въ другой годъ не былъ принужденъ на то мѣсто паки ѣздить“ **).

В. М. Севергинъ прибылъ въ Витебскую губернію 5 іюля ***) и провелъ въ предѣлахъ Витебской и Могилевской губерніи до 15 августа. Въ теченіе этого періода времени онъ осмотрѣлъ учебныя заведенія въ Полоцкѣ, Сѣннѣ, Толочинѣ, Могилевѣ, Чаусахъ, Чериковѣ, Мстиславлѣ, Оршѣ, въ Витебскѣ, Велижѣ, Невелѣ и Сокольникахъ (Невельскаго уѣзда).

---

*) Дѣло Канц. Попеч. Вил. У. Округа. Св. 4, № 33. В. М. Севергинъ (1765—1826 г.) членъ академіи наукъ извѣстный химикъ и минералогъ, авторъ многочисленныхъ мемуаровъ и статей по естествовѣдѣнію и переводчикъ многихъ иностранныхъ сочиненій по естествознанію. Въ 90 годахъ XVIII ст. онъ много способствовалъ распространенію въ р. обществѣ научныхъ знаній посредствомъ публичныхъ лекцій (Сухомлиновъ. Исторія Россійской Академіи, т. IV, С.П.Б. 1878 г.).

**) Арх. канц. попеч. Вил. Учеб. Окр. Св. 4, № 29.

***) Записки путешественника по западнымъ провинціямъ Россійскаго государства. Севергинъ т. II, стр. 84.

Въ спискѣ, посланномъ визитатору Университетомъ, значились еще училища Ушачское, Забяльское, Конысское и Березвечское. Но, говоритъ въ своемъ отчетѣ Севергинъ, городовъ, или мѣстечекъ Усача и Забіалы я *отыскать не могъ*, а въ Конысcѣ нынѣ училища нѣтъ; Березвечъ же, гдѣ Базиліанское училище, принадлежитъ къ Минской губерніи, по словамъ Базиліанскаго епископа въ Оршѣ, въ чемъ я ему и повѣрить былъ долженъ“. Любопытная замѣтка, указывающая съ одной стороны на то, какъ мало въ Бѣлоруссіи знали о такихъ расположенныхъ въ глухихъ мѣстечкахъ, училищахъ, какъ Ушачское и Забяльское, а съ другой, какъ не достаточны были свѣдѣнія Университета о поступившихъ въ его вѣдѣніе училищахъ *).

Въ вышеуказанныхъ городахъ и мѣстечкахъ Севергинымъ осмотрѣны:

1) два главныхъ народныхъ училища и шесть малыхъ. Въ отчетѣ почему-то не упоминается о Полоцкомъ маломъ народномъ училищѣ и другихъ существовавшихъ въ этомъ городѣ учебныхъ заведеніяхъ, хотя Севергинъ, пробывшій въ Полоцкѣ съ 5 по 11 іюля, не могъ не посѣтить этихъ заведеній;

2) пять іезуитскихъ училищъ, два—Францисканскихъ, 1 Піарское и Базиліанское;

и 3) два частныхъ училища. Во всѣхъ этихъ училищахъ Севергинъ нашелъ слѣдующее количество учениковъ: въ іезуитскихъ школахъ 701, въ Піарской—68, въ Францисканскихъ 18, Базиліанскомъ 59, въ народныхъ училищахъ—551, въ частныхъ пансіонахъ 33, всего 1470 **).

---

*) Обозрѣніе училищъ Могилевской и Витебской губерній коллежскимъ совѣтникомъ и кавалеромъ Севергинымъ. Арх. Канц. Попеч. В. У. Округа. Св. 4, № 31.

**) Если къ указанной цифрѣ учащихся, показанной въ отчетѣ Севергина прибавить число учившихся въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, которыхъ Севергинъ не посѣтилъ и о которыхъ упомянуто въ отчетѣ попечителя округа за 1803 г., (въ Полоцкомъ народномъ училищѣ 52, въ Забяльскомъ доминиканскомъ—79, въ Ушачскомъ доминиканскомъ—82, въ Динабургскомъ іезуитскомъ—83, и въ приходскихъ Забяльскомъ, Освейскомъ и Креславскомъ 45), то общее число учившихся въ учебныхъ заведеніяхъ В. и Мог. губерній которыя были извѣстны Университету въ 1803 г., будетъ 1711.

Данныя отчета Севергина по визитаціи училищъ обрисовываютъ положеніе осмотрѣнныхъ училищъ слѣдующими чертами:

Главныя и малыя народныя училища.

I. Помѣщенія малыхъ народныхъ училищъ Могилевской губерніи, не исключая ни одного, были очень плохи.

Мстиславское народное училище располагало лишь двумя комнатами среднихъ размѣровъ для двухъ классовъ и двумя малыми для учительскихъ квартиръ. При значительномъ въ то время количествѣ учащихся въ училищѣ (86) классныя комнаты оказывались очень тѣсными.

Городъ Мстиславль, получавшій въ описываемое время болѣе 8,000 дохода, могъ бы дать приличное помѣщеніе для училища, но онъ не думалъ строить его.

Въ Оршѣ училищный домъ, находившійся въ срединѣ города между іезуитскимъ и тринитарскимъ кляшторами, „въ такую, говоритъ визитаторъ, пришелъ ветхость, что ни квартировать учителямъ, ниже преподавать въ ономъ ученіе ученикамъ *за преклонностью онаго къ паденію* не можно. Хотя же отъ мѣстнаго начальства неоднократно предписываемо было городской думѣ о исправленіи онаго, но за неимѣніемъ въ думѣ денегъ ничего не сдѣлано. Для помѣщенія классовъ нанимается городскою думою весьма невыгодный домъ у мѣщанина съ платежомъ въ годъ по 60 рублей. Учителямъ, по предписанію мѣстнаго начальства, слѣдуетъ получать на квартиры по 30 рублей, но, не получая оныхъ, принуждены нанимать квартиры въ отдаленныхъ частяхъ города за собственныя деньги, отъ чего дѣлается остановка въ ученіи“.

Училищный деревянный домъ въ Чаусахъ къ 1803 г., по словамъ визитатора, обветшалъ до паденія. Для помѣщенія училища нанимаемы были городомъ въ Кармелитскомъ кляшторѣ два малые покоя, за что городъ платилъ кляштору 50 р. въ годъ. Учителя получали на наемъ квартиръ по 30 руб. въ годъ.

Училищный домъ въ Чериковѣ къ 1803 г. „за обветшалостію оказался неспособенъ. Для помѣщенія двухъ классовъ мѣстнымъ начальствомъ опредѣлены два покоя въ каменномъ корпусѣ присутственныхъ мѣстъ; двумъ же учителямъ отпускается въ годъ на квартиры по 30 рублей“.

Неудовлетворительно было помѣщеніе и главнаго народнаго училища въ Могилевѣ.

Въ 1803 г. классныя комнаты, библіотека и комната для служителей помѣщались въ верхнемъ этажѣ дома, нижній этажъ котораго былъ занятъ „подъ винный городской магазинъ“. Учителя до 1802 г. помѣщались въ особомъ домѣ, купленномъ для этой цѣли городомъ. Въ этомъ же году указанный домъ отведенъ для помѣщенія городской больницы и воспитательнаго дома, а учителямъ дума стала отпускать квартирныя деньги въ размѣрѣ 50 р. (для учителей старшихъ классовъ) и 40 р. (для учителей младшихъ классовъ). „По малости сей суммы, говоритъ ревизоръ, учители принуждены съ семействами нанимать квартиры неспокойныя для учительскаго званія, въ отдаленныхъ частяхъ города, къ немалому затрудненію какъ собственному, такъ и училищному“.

Помѣщенія народныхъ училищъ Витебской губерніи были значительно лучше.

Въ Велижѣ „классы помѣщались въ каменномъ городскомъ домѣ, въ свѣтлыхъ покояхъ“, учителя же жили въ отдѣльныхъ отъ училища квартирахъ.

Въ Невелѣ для помѣщенія училища и учителей строился въ 1803 г. новый училищный домъ.

О помѣщеніи Витебскаго главнаго народнаго училища ревизоръ замѣчаетъ: Главное Витебское народное училище находится среди города, при Греко-россійскомъ (т. е. уніатскомъ) Успенскомъ соборѣ, въ каменномъ домѣ, собственно для училища сообразно плану, въ уставѣ о училищахъ означенному, отстраивающемся, съ директорскою при томъ квартирою.

II. Деньги на содержаніе училищъ и на уплату жалованья учителямъ отпускались по уставу 1785 г. изъ приказовъ общественнаго призрѣнія и городскихъ думъ. Въ 1803 г. Витебское главное училище и въ особенности Оршанское народное училище сильно страдали отъ неаккуратности въ отпускѣ суммъ, причитающихся на содержаніе этихъ училищъ.

Къ 1 января 1803 г. Витебское главное народное училище считало въ долгу за думой 3148 р. 51 к. Учителямъ Оршанскаго училища не было уплачено полностію жалованье за 1802 г. и не было отпущено, по день ревизіи училища, ни копейки денегъ на уплату ихъ жалованья за 1803 г.

III. Библіотеки и кабинеты учебныхъ пособій существовали лишь при главныхъ народныхъ училищахъ и одномъ изъ малыхъ народныхъ училищъ (Мстиславскомъ). Но что это были за библіотеки и кабинеты? Въ Витебскѣ библіотека состояла изъ 206 россійскихъ книгъ и 70 № иностранныхъ. Могилевское главное народное училище имѣло, по словамъ ревизора, малую библіотеку, немногіе физическіе инструменты и малый натуральный кабинетъ. Въ библіотекѣ Мстиславскаго народнаго училища было только 16 книгъ, да и то обыкновенныхъ учебныхъ и 1 атласъ Европы.

Въ другихъ народныхъ училищахъ библіотекъ вовсе не было.

IV. Доступъ въ училища былъ широко раскрытъ дѣтямъ обоего пола всѣхъ званій, сословій и вѣроисповѣданій—безъ какихъ бы то нибыло ограниченій. Не существовало ни малѣйшихъ ограниченій и относительно какъ возраста поступленія въ школу, такъ и времени пребыванія въ одномъ и томъ же классѣ. Вслѣдствіе этого въ классахъ вмѣстѣ съ малолѣтними дѣтьми (съ 5-лѣтняго возраста) обучались и взрослые (17 и 18 лѣтъ). Случаи пребыванія въ одномъ и томъ же классѣ въ теченіе трехъ—четырехъ лѣтъ не представляли исключеній. При наличности такихъ облегчительныхъ условій, можно было бы ожидать, что число обучающихся въ школахъ будетъ очень велико. Въ дѣйствительности однакожъ этого не было Потребность въ образованіи чувствовали лишь немногіе; поэтому и число обучающихся во всѣхъ народныхъ училищахъ двухъ губерній не превышало 590 человѣкъ. Но и въ числѣ учившихся большинство довольствовалось пріобрѣтеніемъ самыхъ элементарныхъ свѣдѣній. Всего нагляднѣе это сужденіе подтверждается цифровыми данными о составѣ классовъ главныхъ народныхъ училищъ. Въ первыхъ классахъ этихъ училищъ обучалось 117 человѣкъ, во вторыхъ 57, въ третьихъ только 30 (13,%) и въ четвертыхъ - 16 (7%).

Въ числѣ обучавшихся состояло 58 дѣвочекъ. Интересно, что нынѣ существующаго ограниченія относительно возраста дѣвочекъ, обучающихся вмѣстѣ съ мальчиками, въ Екатерининскихъ школахъ не было. Во время ревизіи Севергина были въ школахъ дѣвочки и старше 11-лѣтняго возраста.

Ни крестьяне, ни евреи народными школами не пользовались.

V. Въ составѣ учителей народныхъ училищъ не было лицъ, не получившихъ спеціальной подготовки къ исполненію своихъ обязанностей. По своему происхожденію, это были главнымъ образомъ дѣти духовенства. Общее образованіе они получали въ духовныхъ семинаріяхъ и кіевской духовной академіи. Спеціально къ прохожденію учительскаго званія они подготовлялись: учителя главныхъ училищъ—въ Петербургской учительской семинаріи, учителя малыхъ училищъ—при главномъ училищѣ Могилевскомъ. Преподавателями польскаго и нѣмецкаго языковъ въ главныхъ училищахъ были въ Витебскѣ—Быкъ, учившійся въ іезуитскихъ школахъ, и въ Могилевѣ—Бернацкій Филиппъ, обучавшійся въ Берлинѣ и Франкфуртѣ-на-Одерѣ.

Тому обстоятельству, что преподаваніе въ училищахъ ввѣрено было лицамъ, получившимъ спеціальную педагогическую подготовку, и надобно, полагаю, приписать успѣшность преподаванія, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, въ которыхъ совершалось это преподаваніе. Визитаторъ училищъ остался вообще очень доволенъ успѣхами учившихся. Лишь въ одномъ случаѣ (въ IV кл. Могилевскаго главн. нар. училища) успѣхи учащихся найдены имъ посредственными; успѣхи учащихся въ другихъ классахъ найдены имъ хорошими, а въ IV кл. Витебскаго главнаго народнаго училища—превосходными.

Объясняя успѣшность учащихся въ народныхъ училищахъ умѣньемъ преподавателей вести свое дѣло и ихъ ревностію въ исполненіи своихъ обязанностей, визитаторъ счелъ нужнымъ представить Университету о награжденіи чинами и орденами за трудъ, усердіе и отличіе значительной части ихъ (8 человѣкъ). Первыя мѣста въ этомъ спискѣ занимаютъ директора

народныхъ училищъ: Могилевской губерніи, Цвѣтковскій и Витебской губерніи Копаровскій-Соховичъ *).

Подъ добрымъ впечатлѣніемъ, произведенныхъ на Севергина успѣхами учащихся въ народныхъ училищахъ, онъ далъ университету слѣдующій отзывъ о народныхъ училищахъ:

„Народныя училища могутъ существовать попрежнему, ибо, 1) ученіе во всѣхъ порядочное, 2) допускаются къ нимъ всѣ дѣти бѣдныхъ родителей безъ всякой платы, считая въ томъ числѣ и женскій полъ, кои бы въ прочемъ съ трудомъ могли найти себѣ мѣсто для обученія; 3) здѣсь поучаются наилучшее россійскому языку. Такимъ образомъ и губернскія главныя народныя училища въ Витебскѣ и Могилевѣ могутъ быть превращены въ гимназіи, а къ уѣзднымъ малымъ народнымъ училищамъ прибавить для большей пользы классъ польскаго и нѣмецкаго языка, смотрителями же въ сихъ послѣднихъ опре-

*) Самсонъ Васильевичъ Цвѣтковскій, по окончаніи курса въ Кіевской дух. академіи, въ 1781 г. былъ вызванъ преосвящ. Георгіемъ въ Могилевъ для занятія мѣста учителя поэзіи, но за недостаткомъ учителей въ семинаріи преподавалъ нерѣдко и другіе предметы (философію, богословіе). Въ 1789 г. онъ покинулъ семинарію для занятія должности директора народныхъ училищъ Могилевской губерніи, но черезъ два года онъ былъ упрошенъ преосв. Георгіемъ преподавать въ семинаріи философскія и богословскія науки и исправлять должность префекта. Въ 1798 г. отказался отъ исполненія обязанностей преподавателя и префекта семинаріи, о чемъ очень жалѣлъ преемникъ Конисскаго, епископъ Анастасій Братановскій, теряя въ немъ „опытно надежнѣйшаго для просвѣщенія молодыхъ умовъ и сердецъ мужа“. Академикъ Севергинъ, осмотрѣвъ Могилевское главное училище и познакомившись съ дѣятельностью Цвѣтковскаго, счелъ нужнымъ рекомендовать его Виленскому Университету, „какъ мужа прилежаніемъ и поведеніемъ почтеннаго“, и просилъ Университетъ утвердить Цвѣтковскаго и впредь директоромъ и наградить повышеніемъ чина. Ходатайство ревизора было уважено Университетомъ.

Кириллъ Конаровскій-Соховичъ изъ дворянъ Черниговской губерніи обучался въ Кіевской дух. академіи. По окончаніи курса учительской семинаріи въ Петербургѣ, въ 1794 г. назначенъ въ Витебское четырехклассное училище учителемъ географіи, исторіи политической и естественной (Сбор. мат. ист. просв. въ Россіи. Т. 1, ст. 111). Журналомъ комиссіи народныхъ училищъ 3 января 1802 г. назначенъ директоромъ народныхъ училищъ Витебской губерній съ оставленіемъ его и преподавателемъ исторіи. (Сбор. мат. Т. I, ст. 397--398) Севергинъ призналъ его способнымъ продолжать свою должность и представилъ Университету объ утвержденіи въ должности директора, каковое представленіе и было уважено.

дѣлять не городничихъ, а старшихъ каждаго мѣста учителей; отъ чего соревнованіе и смотрѣніе будетъ лучше, польза обширнѣе, а учителямъ ободреніе.—Дабы привести народныя училища въ лучшее состояніе съ тѣмъ, чтобы они доставляли большую пользу, нужно снабдить ихъ нужными пособіями, книгами, атласами, глобусами, нѣкоторыми математическими и физическими орудіями и проч., ибо нынѣ ни въ которомъ изъ нихъ совсѣмъ нѣтъ, даже и въ губернскихъ главныхъ народныхъ училищахъ оныхъ весьма мало“.

Училища при римско-католическихъ и базиліанскомъ Толочинскомъ монастыряхъ.

Изъ числа 9 училищъ монастырскихъ, осмотрѣнныхъ Севергинымъ, пять содержимы были іезуитами. Объ этихъ-то училищахъ и надо сказать прежде всего.

Іезуиты серьезно заботились о благосостояніи своихъ училищъ.

Іезуитское Полоцкое училище помѣщалось въ огромномъ іезуитскомъ монастырѣ. Залы для классовъ, говоритъ визитаторъ, пространны, свѣтлы и чисты, и по различію предметовъ преподаванія находятся въ разныхъ мѣстахъ строенія, такъ что каждый классъ особо. Витебское іезуитское училище располагало приличными помѣщеніями, но іезуиты не довольствовались ими и въ 1803 г. строили новое „пространнѣйшее строеніе въ пользу сего ихъ училища“. Изъ прочихъ іезуитскихъ училищъ наименѣе удовлетворительнымъ относительно помѣщенія Севергинъ призналъ помѣщеніе Оршанскаго іезуитскаго училища.

Библіотекъ и кабинетовъ учебныхъ пособій при училищахъ не было, но къ услугамъ ихъ всегда были библіотеки и кабинеты, принадлежавшіе монастырямъ, при которыхъ состояли училища. Лучшая библіотека и лучшіе кабинеты учебныхъ пособій принадлежали Полоцкому іезуитскому монастырю. Сей монастырь, говоритъ визитаторъ, имѣетъ большую, весьма хорошую библіотеку, изящное собраніе физическихъ орудій и натуральный кабинетъ, также химическую лабораторію, модели архитектурныя, атласы и глобусы, коими въ случаѣ нужды предоставляется пользоваться ученикамъ.

Чтобы привлечь въ свои учебныя заведенія возможно большее количество учениковъ—не только изъ дѣтей горожанъ, но и изъ дѣтей лицъ, жившихъ внѣ городовъ, іезуиты устраивали, гдѣ было возможно, при своихъ монастыряхъ особые пансіоны, состоявшіе подъ вѣдѣніемъ и отвѣтственностію особыхъ лицъ изъ іезуитовъ, назначенныхъ на эти должности училищнымъ начальствомъ. Кромѣ того, въ видахъ облегченія пансіонеровъ въ ихъ занятіяхъ каждый десятокъ ихъ ввѣрялся руководству особаго репетитора, обыкновенно носившаго названіе директора. Эти директора были молодые люди, кончившіе курсъ ученія какого либо заведенія, или ученики старшихъ классовъ того учебнаго заведенія, при которыхъ состоялъ пансіонъ. Въ пансіоны могли поступать дѣти всѣхъ иногородныхъ родителей за плату сто рублей серебромъ въ годъ. Но іезуиты не лишали и бѣдняковъ возможности поучиться въ ихъ заведеніяхъ: нѣкоторая часть мѣстъ въ пансіонахъ предоставлялась бѣднымъ дѣтямъ безплатно.

Изъ числа осмотрѣнныхъ Севергинымъ пяти іезуитскихъ училищъ пансіона не было лишь при Оршанскомъ „за тѣснотой".

Наиболѣе обширный пансіонъ находился при Полоцкомъ іезуитскомъ училищѣ.

При семъ училищѣ воспитываются на иждивеніи іезуитовъ, говоритъ Севергинъ, 24 шляхетскихъ дѣтей бѣдныхъ, за которыми смотрятъ два директора, и они получаютъ отъ іезуитовъ все нужное; кромѣ полдника и завтрака, получаютъ въ обѣдъ по 3 кушанья, а въ ужинъ по 2 кушанья. Имѣютъ они также конвиктъ, въ которомъ воспитываются дѣти изъ разныхъ повѣтовъ губерніи; они платятъ по сту рублей сереб. въ годъ, кои деньги идутъ въ кассу іезуитской суммы и употребляются на содержаніе стола. Они получаютъ, кромѣ завтрака и полдника, въ обѣдъ по 5 кушаній и въ ужинъ по 4 кушанія. Остальныя деньги употребляются на разныя починки.

Для пансіонеровъ установлены были въ іезуитскихъ пансіонахъ слѣд. правила: 1) каждый долженъ имѣть двойную роспись своимъ вещамъ, изъ коихъ одна вручается регенту пансіона, а другая остается у пансіонера. Черезъ каждый мѣсяцъ дѣлается оными осмотръ; 2) никто не долженъ имѣть при себѣ денегъ, а они отдаются регенту, который ведетъ счетъ

выдачамъ; 3) никто не долженъ имѣть при себѣ ни огнестрѣльнаго оружія, ни пороху, ниже другого вреднаго оружія, а обязанъ отдавать ихъ регенту, который располагаетъ ими смотря по надобности; 4) никто не долженъ выходить изъ пансіона безъ нужды, развѣ къ сродникамъ и отличнымъ особамъ, да и то въ сопровожденіи слуги; 5) никому не должны они писать писемъ, не увѣдомляя о томъ сперва начальниковъ; 6) ни за какимъ дѣломъ не должены они посылать слугъ своихъ въ городъ, не увѣдомляя о томъ сперва начальниковъ; 7) не позволяется имъ отлучаться въ домъ, развѣ только въ необходимой нуждѣ; 8) во всѣхъ упражненіяхъ и играхъ должны соображаться съ благопристройностію и волей начальниковъ; 9) во время стола читаются правила учтивства или духовныя книги, кои они должны слушать со вниманіемъ; 10) въ остальное время обѣда должны говорить только тѣмъ языкомъ, коимъ обучаются, напр. по-нѣмецки, по-французски, по-россійски, или по латыни; 11) никто не долженъ имѣть, или читать книгъ, не получа на то дозволенія отъ регента.

Независимо отъ пансіоновъ, которые устроены были начальствомъ училищъ, могли существовать при училищахъ и пансіоны, содержимые на счетъ частныхъ лицъ. Такъ, при Полоцкомъ іезуитскомъ училищѣ существовалъ конвиктъ ст. сов. Шадурскаго. Устроитель пансіона самъ принималъ на себя попеченіе о дѣтяхъ, содержимыхъ въ конвиктѣ, нанималъ для нихъ квартиру и доставлялъ все нужное для содержанія пансіонеровъ. Отъ іезуитовъ зависѣло только обученіе ихъ. Пансіонеры Шадурскаго помѣщались на двухъ квартирахъ. Въ одной жило 33 ученика, въ другой—10 учениковъ. Въ обѣдъ они получали по 3 и по 4 кушанья; а въ ужинъ—3. Содержаніе этихъ пансіонеровъ, полагая по 70 р. на каждаго, живущаго на I квартирѣ, и по 65 на каждаго, живущаго на II квартирѣ, обходилось въ 2650 руб.

Сверхъ того, прибавляетъ ревизоръ, онъ же Шадурскій даетъ разнымъ убогимъ ученикамъ милостыни по 50 р.; таковыхъ—12.

Не желавшимъ помѣстить своихъ дѣтей въ пансіонахъ предоставлялось устраивать ихъ на частныхъ квартирахъ, но родителямъ такихъ учениковъ настойчиво іезуиты совѣтовали имѣть при своихъ дѣтяхъ за нѣкоторую, конечно, плату „дирек-

торовъ“, ежели хотятъ пріобрѣсти успѣхи въ наукахъ. Родители исполняли этотъ совѣтъ и лишь жаловались по временамъ, что „директоры“ бываютъ весьма молоды.

Въ тѣхъ же видахъ увеличенія количества учащихся, въ іезуитскихъ училищахъ, какъ и въ народныхъ, желающихъ учиться принимали, несмотря на возрастъ; равнымъ образомъ и время пребыванія учениковъ въ классѣ не было ограничено никакими правилами. Поэтому и въ іезуитскихъ училищахъ въ одномъ и томъ же классѣ учились лица разныхъ возрастовъ. Но такъ какъ въ іезуитскихъ училищахъ курсъ ученія былъ болѣе продолжителенъ, чѣмъ въ народныхъ училищахъ, то здѣсь различіе учащихся по возрасту въ одномъ и томъ же классѣ сказывалось болѣе рѣзко, чѣмъ въ народныхъ училищахъ. Такъ, въ V классѣ Оршанскаго іезуитскаго училища вмѣстѣ съ 13-лѣтними мальчиками были и зрѣлые люди 32 лѣтъ.

Между учащимися немало было такихъ, которые засиживались по 3, 4, даже по 9 лѣтъ въ одномъ классѣ. Въ особой замѣткѣ къ отчету о ревизіи Мстиславскаго іезуитскаго училища, гдѣ много было остающихся въ одномъ и томъ же классѣ по нѣсколько лѣтъ, визитаторъ пишетъ: ежели ученики въ 1 кл. по 9 лѣтъ, во 2-мъ по 6, въ 3 по 6 лѣтъ, въ 4 по 1 году, а въ 5 по 3 года, то выйдетъ всего лѣтъ ученія 25.

Насколько всѣ указанныя особенности устройства іезуитскихъ училищъ отразились на численности учениковъ, посѣщавшихъ эти училища, объ этомъ можно судить по слѣдующимъ фактамъ.

Іезуитское Полоцкое училище располагало болѣе обширными, чѣмъ другія училища, помѣщеніями, имѣло обширную библіотеку и хорошія учебныя пособія, и болѣе, чѣмъ другія училища, предоставляло родителямъ возможности помѣстить своихъ дѣтей въ хорошо устроенныхъ пансіонахъ, не забывая при этомъ и о бѣдныхъ. Естественно, что и число учащихся въ немъ было по тому времени очень большое 321.

Оршанское училище располагало небольшимъ зданіемъ и не могло устроить пансіона. Соотвѣтственно этому и число учащихся въ немъ было очень невелико, всего 62.

Въ Витебскомъ училищѣ учащихся было 78. Вѣроятно, въ видахъ увеличенія этого училища Витебскіе іезуиты и рѣшили построить новое зданіе для училища.

Что касается успѣшности учащихся въ іезуитскихъ училищахъ, то она, по суду визитатора, стояла не на высокой степени.

Въ Полоцкомъ іезуитскомъ училищѣ оказывали хорошіе успѣхи лишь ученики I класса и ученики IV класса по реторикѣ, успѣхи въ прочихъ классахъ были средственные, а въ нѣкоторыхъ слабые. Успѣхи по русскому, французскому и нѣмецкому языкамъ ревизоръ признаетъ слабыми. Не лучше были успѣхи учащихся и въ другихъ іезуитскихъ училищахъ.

Въ отчетѣ ревизора нѣтъ прямого указанія на причины этого явленія, но въ его отчетѣ по мѣстамъ дѣлается указаніе на факты, дающіе возможность въ нѣкоторой по крайней мѣрѣ степени объяснить явленіе, о которомъ идетъ рѣчь.

Изъ отчета видно, что преподавателями въ іезуитскихъ училищахъ были іезуиты, кончившіе курсъ ученія въ Полоцкомъ іезуитскомъ училищѣ. Но эти учителя не получали спеціально педагогической подготовки къ преподаванію извѣстныхъ предметовъ. Кромѣ того, по правиламъ іезуитскимъ, они не оставались долго на мѣстахъ своего служенія. Севергинъ слышалъ, что они почти ежегодно мѣняются, переходя изъ монастыря въ монастырь для дальнѣйшаго ихъ самихъ обученія. Дѣло преподаванія того или другого предмета не было для нихъ такимъ образомъ дѣломъ ихъ свободнаго выбора, ихъ душевнаго расположенія. Это было дѣломъ монашескаго ихъ послушанія, было обязанностью, не исполнить которой было нельзя. Не удивительно поэтому, что въ числѣ ихъ мало было учителей, всецѣло, съ любовью отдававшихся преподаванію извѣстнаго предмета, что большинство ихъ работало ex officio, не внося въ дѣло преподаванія любви къ своимъ занятіямъ.

Но и этого рода учителей было недостаточно для того, чтобы замѣстить всѣ вакантныя учительскія мѣста въ іезуитскихъ училищахъ. Въ Могилевскомъ 6-классномъ училищѣ было только 4 учителя; въ Мстиславскомъ и Оршанскомъ 5-классныхъ училищахъ было только по 3 учителя. Этотъ не-

достатокъ учителей заставлялъ iезуитское начальство поручать одному учителю преподаванiе всѣхъ предметовъ въ двухъ классахъ. Но разъ на одного учителя возложено преподаванiе всѣхъ предметовъ въ двухъ классахъ, то уже невозможно ожидать, чтобы онъ дѣйствительно сумѣлъ хорошо преподать учащимся всѣ эти предметы и при томъ въ полномъ объемѣ. Это трудъ непосильный для одного человѣка.—Неудивительно поэтому, что въ iезуитскихъ, какъ и въ другихъ монашескихъ училищахъ, такъ сильно развитъ былъ институтъ „директоровъ". Безъ помощи и руководства этихъ репетиторовъ ученикамъ трудно было подготовляться по урокамъ.

Программы iезуитскихъ училищъ были, какъ уже сказано выше, довольно обширны. Пройти такiя программы съ расчетомъ на успѣшное усвоенiе учащимися всей суммы преподаваемыхъ имъ знанiй, особенно при неполномъ количествѣ учителей, слишкомъ трудно. Iезуиты это хорошо понимали и, чтобы облегчить учащимся трудъ усвоенiя преподаванiя, прибѣгали къ крайнему сокращенiю программъ по нѣкоторымъ предметамъ, такому сокращенiю, при которомъ преподаванiе не давало ученикамъ почти никакихъ знанiй, или къ перенесенiю преподаванiя нѣкоторыхъ отдѣловъ программъ на уроки преподаванiя русскаго и новыхъ языковъ. Такъ, въ Полоцкомъ училищѣ естественная исторiя проходима была „отрывками". На урокахъ по этому предмету ученики проходили лишь о слонѣ, волкѣ, лисицѣ, аи, муравьеѣдѣ, львѣ. Преподаватель русскаго языка долженъ былъ сообщать ученикамъ нѣкоторыя свѣдѣнiя по части физики. На преподавателя нѣмецкаго языка возложена была обязанность проходить греческую исторiю. Въ Могилевскомъ iезуитскомъ училищѣ посѣщающiе уроки французскаго языка изучали „Повѣсть о знатнѣйшихъ сраженiяхъ Петра Великаго съ Карломъ XII, королемъ Шведскимъ, до побѣгу его въ Бендеры." Въ Оршанскомъ iезуитскомъ училищѣ на урокахъ французскаго языка проходили „о стихахъ". Само собой понятно, что привнесенiе на уроки новыхъ иностранныхъ и русскаго языка учебнаго матерiала, не входящаго въ программу ихъ преподаванiя, не могло не ослаблять успѣховъ учащихся по русскому и новымъ иностраннымъ языкамъ. И дѣйствительно, по свидѣтельству ревизора, успѣхи по этимъ предметамъ были слабы и даже въ нѣкоторыхъ классахъ очень слабы. Еще важнѣе то, что, такъ

какъ уроки новыхъ иностранныхъ языковъ во всѣхъ классахъ и русскаго, начиная со 2 класса, посѣщаемы были лишь частiю учащихся, извѣстныя части программы училищъ не были проходимы со всѣми учащимися.

Въ iезуитскихъ училищахъ было три языка преподаванiя: русскiй, польскiй и латинскiй. На русскомъ языкѣ преподавали русскiй языкъ, географiю Россiи и Европы, русскую исторiю, геометрiю и въ особомъ при училищѣ классѣ гражданскую архитектуру. Въ качествѣ учебниковъ по указаннымъ предметамъ въ iезуитскихъ училищахъ употреблялись руководства, составленныя комиссiей училищъ для народныхъ школъ.

Польскiй языкъ былъ языкомъ преподаванiя всѣхъ предметовъ, кромѣ указанныхъ выше, въ I и II классѣ. Начиная съ III класса, постепенно расширялась область употребленiя латинскаго языка, какъ языка преподаванiя.

Такъ какъ главный контингентъ учащихся въ iезуитскихъ училищахъ составляли дѣти помѣщиковъ, роднымъ языкомъ которыхъ въ большинствѣ былъ языкъ польскiй, то понятно, что для очень большого количества дѣтей въ первыхъ въ особенности классахъ трудно было слушать преподаванiе тѣхъ предметовъ, которые были проходимы по русскимъ учебникамъ. Дѣти русскихъ людей въ свою очередь не безъ затрудненiя, особенно на первыхъ порахъ обученiя, могли усвоять себѣ преподаваемое на польскомъ языкѣ. Преподаванiе на латинскомъ языкѣ, особенно въ III—IV кл., понятно, не могло не затруднять учащихся, такъ какъ они были еще слабы въ латинскомъ языкѣ.

Такимъ образомъ, учившимся въ iезуитскихъ училищахъ приходилось преодолѣвать массу затрудненiй со стороны языка преподаванiя. Борьба съ этими затрудненiями была далеко не всегда успѣшна, и многiе изъ учившихся оказывали слабые успѣхи и должны были засиживаться по нѣсколько лѣтъ въ одномъ и томъ же классѣ.

Наконецъ нужно отмѣтить, что и нѣкоторые изъ учебниковъ, употреблявшихся въ iезуитскихъ училищахъ, были изложены невразумительно. Особенно справедливыя жалобы возбуждалъ учебникъ латинской грамматики Альвара. Грамматика Альвара (Alvari Emmanuelis e. soc. Jesu de distributione

grammatica linguae latinae libri tres, pro prima, secunda, tertia classu typis impressi Polociae) написана была по латыни, главнѣйшія же правила—стихами. Они почти совершенно не доступны дѣтямъ. Вотъ напр. какъ опредѣляется въ ней родъ именъ существительныхъ:

Quae marino solum tribuntur, mascula sunto

Faemineum dices, quod faemina sola poposcit;

Est commune, dum saexum quod claudit utrumque.

И никли, говоритъ Ярушевичъ, нѣжныя лѣта молодости подъ бременемъ грамматическихъ правилъ, напрасно только обременявшихъ память, а не развивавшихъ ума и понятій.

Таковы были причины довольно слабой успѣшности учившихся въ осмотрѣнныхъ Севергинымъ іезуитскихъ училищахъ.

Піарское училище въ Витебскѣ и Базиліанское училище въ Толочинѣ посѣщены были Севергинымъ во время каникулъ, когда учениковъ въ этихъ училищахъ не было, когда въ Толочинѣ не было и ректора. При такихъ условіяхъ ревизоръ могъ видѣть лишь обстановку училищъ; судить же о постановкѣ преподаванія въ нихъ и объ успѣхахъ учащихся онъ могъ лишь на основаніи личныхъ показаній учащихъ и письменныхъ вѣдомостей ихъ.

Вслѣдствіе скудости фундушей монастырскихъ ни піары, ни базиліане не могли дать своимъ училищамъ ту обстановку, какую давали имъ богатые іезуиты. Библіотеки этихъ монастырей, особенно базиліанскаго, были не достаточны. Піары вслѣдствіе недостаточныхъ размѣровъ зданій ихъ монастыря могли устроить пансіонъ лишь на 6 учениковъ; базиліане и такого маленькаго пансіона устроить не могли. Поэтому всѣ учащіеся въ базиліанскомъ училищѣ должны были жить внѣ монастыря и притомъ вдали отъ него.

Личный составъ учащихъ въ піарскихъ и базиліанскихъ училищахъ произвелъ на Севергина хорошее впечатлѣніе. Чиновники, сословіе піарскаго училища составляющіе, говоритъ онъ въ отчетѣ, поведенія и способностей похвальныхъ. Особенно хорошо отозвался онъ о ректорѣ піарскаго училища. Г. ректоръ Турскій, говоритъ онъ, мужъ похвальныхъ качествъ

и весьма свѣдущій въ химіи и физикѣ. Онъ имѣетъ химическую лабораторію, многіе физическіе инструменты и небольшой минеральный кабинетъ; они также въ пользу учениковъ употребляются. Учителей Толочинскаго училища онъ рекомендовалъ Университету, какъ учителей весьма прилежныхъ и усердныхъ.

Объ успѣхахъ учащихся въ этихъ училищахъ Севергинъ далъ хорошій отзывъ; но отзывъ этотъ основанъ не на личныхъ его наблюденіяхъ, а на оцѣнкѣ успѣшности, сдѣланной самими учителями.

Базиліанское училище произвело на Севергина такое хорошее впечатлѣніе, что онъ счелъ нужнымъ холатайствовать предъ Университетомъ объ оказаніи этому училищу „какого-либо жалованья“.

Осмотрѣнныя Севергинымъ первоначальныя училища монаховъ Францисканскаго ордена въ Сокольникахъ и Сѣннѣ находились въ печальномъ положеніи.

Въ Сокольникскомъ училищѣ обучалось лишь 6 учениковъ - отъ 16 до 10 лѣтъ. Въ теченіе года прошли: изъ латинской грамматики Альвара 56 страницъ, изъ священной исторіи 10 страницъ, изъ катехизиса 20 страницъ, изъ ариѳметики—16, изъ всеобщей и россійской исторіи нѣсколько.

Краткій, но характерный отзывъ Севергина о Сѣнинскомъ училищѣ привожу въ цѣломъ видѣ. Училище сіе находится при кляшторѣ францисканскомъ, который основанъ за 160 лѣтъ. Комната для училища весьма малая, внизу съ однимъ окномъ, въ монастырскомъ домѣ. Сословіе сего училища составляетъ только смотритель Доминикъ Чарноцкій и учитель Казиміръ Жуковскій (онъ же и проповѣдникъ). Учениковъ 12—отъ 16 до 14 лѣтъ. Книгъ нѣтъ, а каждый почти по собственнымъ книгамъ, безъ всякой правильности; ученіе на польскомъ. Обученіе состоитъ въ слѣдующемъ: катехизисъ, грамматика Латинская до 3 склоненія по Альвару, читать по-польски, читать по русски, читать по-латынѣ, писать на сихъ языкахъ. Денегъ не платятъ за ученіе, а въ городѣ говорятъ, что платятъ. Ученіе слабое. Ученики приходятъ утромъ въ классъ въ половинѣ 7-го и пробываютъ до 9, а пополудни съ 3 до 6 часовъ;

тутъ бываетъ и молитва и ученіе. Изъ всего сего Императорскій Виленскій Университетъ усмотрѣть можетъ, что училище сіе требуетъ великаго поправленія, ежели желаютъ достигнуть повсюду вящшей цѣли просвѣщенія, ибо 1) должны быть назначены книги, 2) учебные часы пріумножены и 3) вообще лучшій порядокъ ученія. Многіе жители города, заключаетъ свой отзывъ ревизоръ, объявили мнѣ, что весьма бы желали имѣть народную школу и желаютъ тому способствовать, только бы учитель былъ на казенномъ иждивеніи.

Изъ существовавшихъ частныхъ учебныхъ заведеній въ 1803 г. въ губерніяхъ Витебской и Могилевской Севергину удалось осмотрѣть лишь два: Шретера и пастора Вольборта.

Пансіонъ Шретера помѣщался въ селеніи Суходровѣ, Бабиновицкаго уѣзда, въ 21 верстѣ отъ г. Витебска, въ домѣ помѣщика Піоро.

Училище удобно помѣщалось въ каменномъ домѣ владѣльца. Школьное помѣщеніе было опрятное, свѣтлое, довольно обширное.

Руководилъ пансіономъ иностранецъ Георгъ Вильгельмъ фонъ Шретеръ, долго проживавшій въ Россіи. Это былъ человѣкъ образованный, много знавшій и опытный въ преподаваніи. Какъ высоко цѣнили его педагогическія способности сосѣди-помѣщики, видно уже изъ того, что въ пансіонѣ его, помѣщавшемся въ глуши, въ деревнѣ, обучались 14 мальчиковъ (отъ 14 до 7 лѣтъ) и 5 дѣвицъ (отъ 15 до 8 лѣтъ), хотя за содержаніе обучающихся приходилось платить по 200 руб.

Составъ учебнаго курса пансіона былъ слѣдующій: языки русскій, французскій, нѣмецкій и польскій, законъ Божій р.-катол. исповѣданія, географія, всеобщая исторія, гражданская архитектура по книгѣ, для народныхъ школъ изданной, россійская исторія князя Хилкова, геометрія теоретическая и практическая, ариѳметика, фортификація по начертанію Мовильона, бывшаго капитана въ Гессенъ-Касселѣ, натуральная исторія по начертанію для народныхъ школъ, физика по книгѣ L'ami physical des enfants par Vieth, professeur Mathematique a Dessau, писаніе писемъ, рисованіе, музыка. Какъ видно, учебная программа въ пансіонѣ Шретера отличалась достаточнымъ разнообразіемъ, доходящимъ до пестроты.

Шретеръ велъ дѣло обученія почти одинъ. Лишь для преподаванія музыки, польскаго языка и закона Божія р.-кат. исповѣданія приглашены имъ были отдѣльные учителя: преподаваніе всѣхъ прочихъ предметовъ лежало на обязанности исключительно Шретера.

Зато и количество учебныхъ часовъ было велико: учились съ 8 ч. утра до 6 ти час. вечера, съ промежуткомъ для обѣда.

Ревизоръ нашелъ содержателя пансіона человѣкомъ основательнымъ, степеннымъ и свѣдущимъ, а учениковъ его—благонравными. Поэтому онъ далъ заключеніе, „что училище сіе существовать можетъ и впредь, токмо Императорскій Виленскій Университетъ точныя назначитъ книги для преподаванія".

Пансіонъ пастора Вольборта былъ устроенъ въ Могилевѣ въ 1799 году. Въ немъ обучались дѣти мѣстныхъ дворянъ, въ количествѣ 14 человѣкъ. Обучались языкамъ: латинскому, французскому, нѣмецкому и русскому, ариѳметикѣ, геометріи, исторіи, географіи, рисованію и музыкѣ. За ученіе платили двое въ годъ по 150 руб., а съ содержаніемъ 250 руб. О прочихъ, говоритъ ревизоръ, неизвѣстно. Занятія въ пансіонѣ пасторъ Вольбортъ велъ съ четырьмя помощниками.

Ревизоръ отозвался о пасторѣ, какъ о человѣкѣ достойномъ.

Осмотръ училищъ Витебской и Могилевской губ. далъ визитатору возможность сдѣлать слѣдующія, кромѣ вышеуказанныхъ, заключенія.

Крайнее разнообразіе въ постановкѣ учебнаго дѣла въ различныхъ училищахъ Бѣлоруссіи побудило его высказаться за возможное объединеніе этого важнаго дѣла во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Бѣлоруссіи. Особенно желательно было бы, по его мнѣнію, издать для всѣхъ школъ одинаковыя учебныя руководства и дать нѣкоторыя общія правила относительно языка преподаванія.

Въ іезуитскихъ школахъ, говоритъ онъ, учатъ по своимъ книгамъ, изданнымъ въ Полоцкѣ, и кои въ прочемъ хороши. Въ народныхъ школахъ учатъ по книгамъ, по Именному нове-

ленію изданнымъ. У Піаровъ также большею частію по ихъ книгамъ; у Базиліановъ частію по іезуитскимъ, частію по особымъ книгамъ; Францискане по разнымъ, какую бы кто ни принесъ. По моему мнѣнію, говоритъ визитаторъ, полезнѣе было бы утвердить для всѣхъ училищъ вообще одинаковыя книги, сочиненныя для сего нарочно со всею строгостію принаровленія ихъ къ общей пользѣ.

У Іезуитовъ, Базиліанъ и Піаровъ учатъ въ низшихъ классахъ на польскомъ, а въ высшихъ на латинскомъ, у Францискановъ только на польскомъ, а въ народныхъ школахъ только на россійскомъ языкѣ. Кажется, что и въ разсужденіи сего, говоритъ Севергинъ, нужно было бы положить нѣкоторыя общія правила.

Высказываетъ, хотя и не рѣшительно, Севергинъ желаніе и относительно того, чтобы улучшено было преподаваніе въ училищахъ. „Во всѣхъ почти училищахъ дѣти учатъ свои уроки наизусть, рѣдко могутъ они отвѣчать на вопросы своими словами, а обыкновенно—какъ они выучили по книгѣ; да кажется сіе и перемѣнить трудно, судя по дѣтскимъ ихъ лѣтамъ, когда они еще разсужденія не имѣютъ; требуется только, чтобы учителя старались имъ болѣе и болѣе все нужное растолковывать, дабы они сами къ разсужденію привыкали“.

Въ заключеніе отчета визитаторъ замѣчаетъ, что было бы полезно, сверхъ существующихъ въ Витебской и Могилевской губерніяхъ училищъ, открыть народныя училища въ Себежскомъ, Люцинскомъ и Копысскомъ уѣздахъ.

Отчетъ свой по осмотру Бѣлорусскихъ училищъ Севергинъ представилъ Виленскому Университету въ ноябрѣ 1803 г.

Ознакомившись по этому отчету съ состояніемъ учебныхъ заведеній Витебской и Могилевской губерній, Университетъ долженъ быть приступить къ дѣлу преобразованія ихъ.

Въ указѣ 24 января 1803 г., въ силу котораго означенныя учебныя заведенія перешли въ вѣдѣніе Императорскаго Виленскаго Университета, не было сдѣлано, какъ уже выше сказано, ни малѣйшихъ изъятій для Бѣлорусскихъ учебныхъ заведеній сравнительно съ учебными заведеніями другихъ губерній округа, и слѣдовательно Университетъ не только

могъ, но и долженъ былъ дать Бѣлорусскимъ учебнымъ заведеніямъ устройство, одинаковое съ устройствомъ другихъ учебныхъ заведеній, руководствуясь въ этой дѣятельности своей предварительными правилами народнаго просвѣщенія, опубликованными 24 января 1803 г., и уставомъ Императорскаго Виленскаго Университета и училищъ его округа, Высочайше утвержденнымъ 18 мая 1803 г.

Въ силу этого прежде всего должно было исчезнуть то крайнее разнообразіе типовъ учебныхъ заведеній, которое имѣло до тѣхъ поръ мѣсто въ Бѣлоруссіи. Предварительными правилами народнаго просвѣщенія 24 января, которыми долженъ былъ руководиться Университетъ при управленіи подчиненными ему учебными заведеніями, установлены три типа: гимназіи, уѣздныя училища и приходскія училища. Соотвѣтственно этому изъ существовавшихъ учебныхъ заведеній Университетъ долженъ былъ преобразовать одни учебныя заведенія въ гимназіи, другія—въ уѣздныя училища, третьи—въ приходскія.

Постановка учебно-воспитательнаго дѣла въ учебныхъ заведеніяхъ также должна была измѣниться. Выше уже сказано, что изъ числа всѣхъ существовавшихъ въ Бѣлоруссіи училищъ лишь одно Ушачское сохранило организацію, данную ему эдукаціонной комиссіей. Во всѣхъ прочихъ учебныхъ заведеніяхъ учебное дѣло поставлено было соотвѣтственно требованіямъ ихъ собственныхъ уставовъ, изъ которыхъ ни одинъ не соотвѣтствовалъ вполнѣ ни уставу эдукаціонной комиссіи, ни уставу 18 мая 1803 г. Эти особые уставы должны были потерять свою силу, и Университетъ долженъ былъ поставить своей задачей организовать учебное дѣло соотвѣтственно требованіямъ устава 18 мая 1803 г., вполнѣ родственнаго уставу эдукаціонной комиссіи.

Должна была послѣдовать крупная перемѣна и въ порядкѣ подчиненности учебныхъ заведеній. Всѣ гимназіи поступали въ непосредственное вѣдѣніе Университета, всѣ уѣздныя училища подчинялись директорамъ народныхъ училищъ, а приходскія училища должны были поступить въ вѣдѣніе смотрителей уѣздныхъ училищъ, которыми не могли уже быть попрежнему городничіе. Эта перемѣна въ порядкѣ

подчиненности должна была стать особенно чувствительной для училищъ, находившихся въ вѣдѣніи монашескихъ орденовъ. До сихъ поръ всѣ монашескія училища находились исключительно въ вѣдѣніи провинціаловъ орденовъ; теперь они должны были подчиниться вѣдѣнію Университета на общемъ основаніи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Университетъ долженъ былъ: а) принять мѣры къ снабженію училищъ дѣльными, спеціально подготовленными учителями (§ 39 предварительныхъ правилъ), ввести въ гимназіяхъ, уѣздныхъ и приходскихъ училищахъ однообразныя книги и правила и предначертать способъ и предметы преподаванія въ нихъ (§ 38 правилъ) и б) въ виду заявленій академика Севергина о печальномъ положеніи многихъ народныхъ училищъ озаботиться улучшеніемъ матеріальнаго положенія. Наконецъ, Университетъ долженъ былъ принять мѣры и къ увеличенію числа учебныхъ заведеній въ Бѣлоруссіи.

Учебныхъ заведеній въ Витебской и Могилевской губерніяхъ, какъ видно изъ предыдущаго, было слишкомъ мало, чтобы могли быть удовлетворены образовательныя нужды населенія этихъ губерній, даже городского только населенія; кромѣ того и существовавшія въ Бѣлоруссіи учебныя заведенія размѣщены были крайне неравномѣрно. Если Витебскъ, Полоцкъ и Орша были сравнительно богаты учебными заведеніями, то въ нѣкоторыхъ уѣздахъ вовсе не было учебныхъ заведеній. Такъ вся сѣверная часть Витебской губерніи, начиная отъ Динабурга (нынѣ Двинска), обнимавшая уѣзды Люцинскій, Рѣжицкій и частію Динабургскій, вовсе лишена была училищъ. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, имѣвшихъ школы, эти училища помѣщались въ глухихъ мѣстечкахъ, куда не легко было добраться (напр. Ушачъ), а въ уѣздныхъ городахъ (напр. въ Лепелѣ, Дриссѣ) никакихъ школъ не было. Теперь Университету надо было озаботиться, чтобы въ каждомъ губернскомъ городѣ была гимназія, въ каждомъ уѣздномъ—уѣздное училище, чтобы было открыто возможно больше приходскихъ училищъ.

На улучшеніе существовавшихъ училищъ и на устройство новыхъ отпущены были Университету и особыя суммы.

По Высочайше утвержденному 17 марта 1803 г. докладу главнаго правленія училищъ *) положено было отпускать изъ государственнаго казначейства ежегодно суммы, необходимыя на содержаніе въ Бѣлоруссіи двухъ гимназій и 20 уѣздныхъ училищъ. На каждую гимназію положено было отпускать по 5750 р. ассигнаціями, на каждое училище по 1410 р., всего на гимназіи и училища 39,700 руб. Нужно впрочемъ сказать, что въ этой суммѣ заключались и тѣ пособія, какія могли получать уѣздныя училища изъ городскихъ думъ и приказовъ общественнаго призрѣнія. Въ скоромъ времени бюджетъ этотъ значительно увеличился. 5 ноября 1804 года Высочайше было повелѣно: всю, назначенную по штату 17 марта сумму отпускать изъ казны; тѣ же суммы отъ городовъ и приказовъ общественнаго призрѣнія, которыя входили въ общую сумму при составленіи штата, предоставить на издержки, которыхъ много предстояло тогда сверхъ учебнаго штата, въ отношеніи строенія училищъ и разныхъ къ оному потребностей. Кромѣ того штаты гимназій усилены назначеніемъ на каждую по 400 р. (тогда число учителей было увеличено на 1), такъ что съ 5 ноября 1804 г. государственное казначейство должно было отпускать не по 5750 р. на гимназію, а по 6150 р. асс. ежегодно **).

Вотъ задачи, которыя долженъ былъ выполнить Университетъ, принявъ въ свое завѣдываніе учебныя заведенія Бѣлоруссіи.

Какъ же выполнилъ эти задачи Университетъ?

На первый разъ Университетъ занялся лишь вопросомъ о преобразованіи тѣхъ учебныхъ заведеній Бѣлоруссіи съ

---

*) Сборникъ постанов. по Мин. Нар Просв. Спб. 1864 г., изд. 1, т. 1, стр. 30.

**) Ibidem, ст. 263.

Въ 1802 г. Витебская губернія раздѣлялась на 12 уѣздовъ: Витебскій, Полоцкій, Невельскій, Велижскій, Дриссенскій, Лепельскій, Динабургскій, Себежскій, Суражскій, Рѣжицкій, Люцинскій и Городецкій. Въ Могилевской губерніи было также 12 уѣздовъ: Могилевскій, Чаусовскій, Старобыховскій, Оршанскій, Копысскій, Мстиславскій, Чериковскій, Климовичскій, Рогачевскій, Бѣлицкій, Сѣнненскій и Бабиновицкій.

курсомъ среднихъ учебныхъ заведеній, которыя находились въ вѣдѣніи монашескихъ орденовъ: 6 іезуитскихъ, 2 доминиканскихъ, 1 піарскаго и 1 базиліанскаго.

Приступая къ этому дѣлу, Университетъ имѣлъ достаточныя основанія какъ для того, чтобы сомнѣваться въ готовности провинціаловъ орденовъ, содержавшихъ указанныя училища, за исключеніемъ піарскаго, подчинить содержимыя ими училища надзору и руководству Университета и итти на встрѣчу желаніямъ Университета улучшить въ этихъ училищахъ постановку учебно-воспитательнаго дѣла, такъ и для того, чтобы опасаться со стороны провинціаловъ орденовъ, содержавшихъ училища, если не явнаго, то тайнаго противодѣйствія мѣрамъ, какія онъ признаетъ нужнымъ принять для лучшаго устройства монашескихъ училищъ: управлявшіе до сихъ поръ совершенно самостоятельно училищами при монастыряхъ, провинціалы орденовъ не могли не желать удержать въ своихъ рукахъ власть надъ училищами и на будущее время, тѣмъ болѣе, что они не могли сочувствовать господствовавшему въ Университетѣ духу. Правда, лишь одинъ (провинціалъ Доминиканскаго ордена – Янчевскій) открыто сдѣлалъ попытку удержать въ своихъ рукахъ право „назначать непосредственно учителей, смотрителей и директоровъ въ доминиканскихъ училищахъ, ибо никто лучше не можетъ знать о приличныхъ сему званію качествахъ и дарованіяхъ назначаемыхъ особъ, какъ самое общество и его начальство“, но вѣдь то, что говорилъ Янчевскій, несомнѣнно думали и другіе начальники орденовъ, содержавшихъ училища. Особенно можно было думать это о генералѣ іезуитскаго ордена.

Тѣмъ не менѣе Университетъ, опираясь на предоставленное ему закономъ право и расчитывая на сильную поддержку своего вельможнаго начальника, рѣшилъ безотлагательно приступить къ преобразованію монашескихъ училищъ.

Въ началѣ 1804 г. онъ пригласилъ начальниковъ орденовъ, содержавшихъ въ Бѣлоруссіи училища съ курсомъ среднихъ учебныхъ заведеній, подготовить содержимыя имъ училища къ преобразованію ихъ съ 1 сентября 1804 г. согласно съ требованіями устава 18 мая 1803 г.

Чтобы показать читателю, чего желалъ Университетъ отъ начальниковъ орденовъ, я сдѣлаю выдержку изъ предложенія провинціалу доминиканскаго ордена *) отъ 22 февр. 1804 г.

Съ 1 сентября, говорится въ предложеніи, каждая монастырская школа:

а) должна имѣть своего начальника, избраннаго спеціально для этого дѣла, не обязаннаго давать уроки и не несущаго никакихъ обязанностей по монастырю;

б) должна имѣть своего проповѣдника, или духовника, который былъ бы обязанъ исполнять духовныя требы для учащихся, наставляя ихъ относительно ихъ религіозныхъ обязанностей.

в) должна имѣть четырехъ старшихъ учителей для преподаванія наукъ по расписанію, которое имѣетъ быть выслано позднѣе, и трехъ учителей для языковъ: россійскаго, французскаго или нѣмецкаго и рисованія, если школа преобразуется въ уѣздное училище. Для школы же, преобразуемой въ гимназію, нужно имѣть, кромѣ начальника школы и духовника, семь старшихъ учителей для преподаванія наукъ и четырехъ младшихъ для преподаванія языковъ (русскаго, французскаго и нѣмецкаго) и рисованія.

При каждомъ училищѣ требуется завести библіотеки (ученическую и учительскую) и кабинеты учебныхъ пособій по географіи, математикѣ, естествовѣдѣнію и рисованію.

Затѣмъ Университетъ высказываетъ желаніе, чтобы къ 1 сентября 1804 года ему предоставленъ былъ списокъ молодыхъ монаховъ, которыхъ имѣетъ прислать провинціалъ въ Вильну для приготовленія къ учительскому званію. „Эти молодые монахи“, предувѣдомляетъ университетъ, „будутъ подвергаться испытаніямъ, исполнять тѣ же практическія работы, и слушать тѣ же дополнительные уроки, какъ и всѣ другіе подготовляющіеся къ учительскому званію.“ Къ этому прибавляется предостереженіе, что черезъ два года ни одно духовное лицо не будетъ допущено къ исполненію должности учителя, если оно не будетъ заниматься въ университетѣ по крайней мѣрѣ два года или не представитъ свидѣтельства о пригодности своей къ исполненію учительскихъ обязанностей.

*) Сборникъ матер. для исторіи просвѣщ. въ Россіи. Т. II, стр. 737.

Наконецъ, университетъ приглашаетъ провинціала постараться объ открытіи новыхъ школъ въ подчиненныхъ ему монастыряхъ, въ видахъ какъ интересовъ народнаго просвѣщенія, такъ и исполненія желаній Государя *).

Въ августѣ 1804 г. Университетъ призналъ нужнымъ въ 2 училищахъ: 1 іезуитскомъ въ Полоцкѣ и Піарскомъ въ Витебскѣ завести классы и науки, какъ предписано по уставу для гимназій. Прочія монашескія училища признаны уѣздными училищами по уставу 18 мая.

Вмѣстѣ съ сообщеніемъ объ этомъ, во всѣ Бѣлорусскія монашескія училища разосланы и составленныя Университетомъ расписанія учебныхъ занятій въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ **).

Вопросъ о преобразованіи народныхъ училищъ Бѣлоруссіи оказался настолько неяснымъ и труднымъ для Университета, что онъ предпочелъ отложитъ его до будущаго времени.

Разсмотрѣвъ отчетъ Севергина и ознакомившись съ устройствомъ народныхъ училищъ, Университетъ нашелъ прежде всего, что народныя училища весьма далеки, чтобы могли равняться съ прочими губернскими и уѣздными училищами Виленскаго округа" ***).

Виленскій Университетъ не могъ конечно отозваться о народныхъ училищахъ иначе, чѣмъ онъ отозвался. По составу классовъ и количеству учащихъ эти училища далеки были отъ гимназій и уѣздныхъ училищъ, проектированныхъ уставомъ 18 мая 1803 года. По уставу 18 мая гимназія была шестиклассным учебнымъ заведеніемъ, въ которомъ, подъ руководствомъ директора, преподаваніе вели не менѣе 6 старшихъ учителей, 4 младшихъ учителя и 1 духовникъ; уѣздное училище должно было имѣть не менѣе трехъ классовъ, а штатъ

---

*) Въ предложеніи генералу іезуитскаго ордена, тожественномъ въ сущности съ предложеніемъ провинціалу доминиканскаго ордена, выражено желаніе университета, чтобы въ преобразуемыхъ училищахъ употреблялись лишь книги, одобренныя университетомъ.

**) Сборникъ матеріаловъ для исторіи просвѣщ. въ Россіи. Т. II, 834.

***) Ibidem ст. 1036—1044.

его составляли: смотритель, духовникъ, по крайней мѣрѣ 3 старшихъ учителя и 3 младшихъ. Между тѣмъ въ малыхъ народныхъ училищахъ съ двумя классами работали 2 учителя, а въ четырехклассныхъ главныхъ штатъ училища составляли 6 учителей.

Еще болѣе отличались народныя училища отъ гимназій и уѣздныхъ училищъ округа по своему духу. Въ нихъ обучались преимущественно дѣти горожанъ Бѣлоруссіи православнаго исповѣданія; языкомъ преподаванія въ нихъ былъ языкъ русскій; учителями были люди, получившіе образованіе въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Это были русскія въ полномъ смыслѣ слова училища, въ которыхъ не было условій, благопріятныхъ для развитія польскаго чувства. А Университетъ вмѣстѣ съ своимъ попечителемъ именно и стремился къ тому, чтобы въ школахъ данъ былъ полный просторъ польскому чувству.

Естественно поэтому, что мысль Севергина объ оставленіи народныхъ училищъ въ ихъ прежнемъ положеніи не могла быть принята Университетомъ. Онъ хотѣлъ видѣть эти училища преобразованными по уставу 18 мая 1803 года.

Правда, на пути къ достиженію этой цѣли лежало огромное препятствіе финансоваго характера. Для преобразованія училищъ нужны были большія деньги, а въ распоряженіи Университета были лишь тѣ суммы, какія назначены были къ отпуску изъ государственнаго казначейства, въ размѣрѣ 1410 р. на уѣздное училище и 5750 р. на гимназію. Но вѣдь на 1410 р. нельзя было устроить 3-класснаго училища съ штатомъ служащихъ по меньшей мѣрѣ изъ 7 человѣкъ, и на 5750 р. ассигнаціями невозможно было устроить гимназію съ штатомъ служащихъ по меньшей мѣрѣ изъ 11 человѣкъ.

Но это препятствіе не казалось невозможнымъ устранить. Въ этихъ видахъ Университетъ рѣшилъ попробовать, не удастся ли ему въ Бѣлоруссіи сдѣлать то же, что такъ блестяще удалось сдѣлать Чацкому на Волыни, т. е. собрать нужныя денежныя средства путемъ пожертвованій. Эту мысль никакъ нельзя было признать неосуществимой. При томъ воодушевленіи, какимъ на всемъ пространствѣ имперіи, особенно

въ западномъ краѣ, охвачено было общество при видѣ усилій правительсва распространить образованіе, и въ Бѣлоруссіи могли найтись общества и частныя лица, готовыя на жертвы ради распространенія образованія, какъ нашлись они на Волыни. Могло же состояться въ началѣ 1804 г. постановленіе дворянства Могилевской губерніи, въ силу котораго дворяне, владѣвшіе крестьянами, обязывались внести на устройство въ Могилевѣ гимназіи *подъ управленіемъ іезуитовъ* по 25 коп. съ каждой крестьянской души, а владѣвшіе лишь землей—по 50 к. съ уволоки *).

Въ случаѣ, если-бы эта попытка не удалась, Университетъ не прочь былъ преобразовать малыя народныя училища въ приходскія.

Въ этихъ соображеніяхъ Университетъ, возлагая въ 1804 году на прелата Кундзича обязанности визитатора училищъ Бѣлоруссіи, далъ ему, между прочимъ, слѣдующее порученіе: такъ какъ малыя народныя училища „содержатся изъ городскихъ складокъ, то незахотятъ ли жители, дабы вмѣсто оныхъ завести уѣздныя на основаніи устава (т. е. устава 18 мая 1803 года), или же, оставивъ ихъ въ качествѣ приходскихъ, не согласятся ли завести только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уѣздныя, смотря по надобности **).

Но мечты Университета относительно сбора пожертвованій не сбылись. Кундзичъ былъ не Чацкій. Кромѣ того по слабости здоровья онъ, съ согласія Университета ***), осмотрѣлъ лишь нѣкоторыя училища Витебской и Могилевской губерній и не сумѣлъ, какъ видно, расположить общества къ пожертвованіямъ на школьное дѣло. Университетъ не получилъ такимъ образомъ новыхъ средствъ на преобразованіе училищъ.

Но поѣздка Кундзича въ Бѣлоруссію все-таки не осталась безплодной, такъ какъ въ своемъ отчетѣ по визитаціи

*) Арх. Канц. Попеч. В. У. Округа. Св. 68, № 493. Въ числѣ этихъ дворянъ мы встрѣчаемъ графа Н. П. Румянцева, графа Толстого, графиню Чернышеву.

**) Сб. матеріаловъ для ист. просв. въ Россіи. Т. II, стр. 834—835.

***) Ibidem. Стр. 836.

училищъ онъ высказалъ нѣсколько соображеній, которыя Университетъ нашелъ очень цѣнными.

Соображенія Кундзича были таковы:

1) По уставу 18 мая 1803 г. (§ 38, стр. 111) первые два класса шестиклассной гимназіи „должны почитаться, какъ уѣздное училище; а четыре высшіе класса должны составлять собственно гимназію“. Основываясь на этомъ § устава, Кундзичъ и предлагалъ образовать въ Витебскѣ и Могилевѣ гимназіи изъ 4 классовъ главныхъ народныхъ училищъ; для образованія же первыхъ двухъ классовъ онъ рекомендовалъ устроить въ связи съ старшими классами уѣздныя училища, заимствуя необходимыя для образованія уѣздныхъ училищъ при гимназіяхъ деньги изъ числа штатныхъ суммъ, отпущенныхъ, по Высочайшему повелѣнію 17 марта 1803 года, на от-открытіе 20 уѣздныхъ училищъ. Двумъ учителямъ уѣзднаго училища и могли бы быть поручены занятія въ 1 и 2 классахъ гимназій, а 4 старшимъ учителямъ, положеннымъ по штату, могли бы быть предоставлены занятія въ старшихъ четырехъ классахъ гимназій. Такимъ образомъ, въ новыхъ гимназіяхъ было бы такое же количество старшихъ учителей (при превращеніи учителей уѣзднаго училища въ старшихъ учителей гимназіи), какъ и въ гимназіяхъ Виленскаго учебнаго округа. Точно также легко формировался для новыхъ гимназій и штатъ младшихъ учителей, хотя и нѣсколько въ меньшихъ сравнительно съ гимназіями Виленскаго округа размѣрахъ. По штатамъ гимназій 17 марта назначено было жалованье 2 учителямъ языковъ и 1 учителю рисованія; въ штатахъ уѣздныхъ училищъ назначалась нѣкоторая сумма за уроки рисованія. Такимъ образомъ, легко было имѣть въ новыхъ гимназіяхъ если не 4, какъ въ гимназіяхъ Виленскаго округа, то по крайней мѣрѣ 3 младшихъ учителей. При этомъ Кундзичъ указывалъ на то, что, такъ какъ классы уѣзднаго училища при гимназіи будутъ составлять одно цѣлое съ классами гимназіи, то особаго смотрителя для такого училища не понадобится, и поэтому назначенное смотрителю жалованье могло бы пойти на содержаніе помощника директора изъ старшихъ учителей гимназіи и вмѣстѣ съ тѣмъ на содержаніе приходскаго при гимназіи училища. Устройство такихъ училищъ при новыхъ гимназіяхъ Кундзичъ считалъ вполнѣ не-

обходимымъ. Такое устройство гимназій, полагалъ Кундзичъ, дало бы возможность правильнаго распредѣленія учебнаго матеріала по классамъ (по уставу 18 мая).

2) Ознакомившись въ Могилевѣ съ уставомъ и руководствомъ учителямъ I и II классовъ народныхъ училищъ 5-го августа 1786 г. въ польскомъ переводѣ, который сдѣланъ былъ учителемъ Могилев. нар. уч. Бержанскимъ и присмотрѣвшись къ ходу дѣлъ въ этихъ училищахъ, Кундзичъ, какъ и Севергинъ, нашелъ ихъ вполнѣ соотвѣтствующимъ нуждамъ населенія городовъ, а учителей - знающими свое дѣло, толковыми и усердными работниками. Вслѣдствіе этого Кундзичъ рекомендовалъ Университету оставить эти училища въ томъ видѣ, въ какомъ они существовали до тѣхъ поръ, т. е., повторилъ отзывъ Севергина.

3) Пожертвованія на устройство училищъ Кундзичу собрать не удалось. Въ виду этого онъ рекомендуетъ Университету просить правительство устроить въ 4 городахъ Витебской губерніи (Себежѣ, Рѣжицѣ, Люцинѣ, Лепелѣ) и 7 городахъ Могилевской губерніи (Рогачевѣ, Бѣлицѣ, Бабиновичахъ, Копысѣ, Старомъ Быховѣ, Сѣннѣ и Климовичахъ) уѣздныя училища на казенный счетъ.

4) Въ Сѣннѣ *) и Старомъ Быховѣ можно было бы, по мнѣнію Кундзича, устроить училища и инымъ способомъ, именно при помощи р.-католическаго духовенства. Въ Быховѣ, который былъ тогда владѣльческимъ городомъ князя Франциска Сапѣги, находился монастырь канониковъ латеранскихъ, въ Сѣннѣ, владѣльческомъ городѣ, принадлежавшемъ графу Сѣраковскому, находился монастырь францисканскій. Монахамъ этихъ монастырей и можно было бы, думалъ Кундзичъ, поручить устройство въ Быховѣ и Сѣннѣ уѣздныхъ училищъ на точномъ основаніи устава 18 мая 1803 года. Кундзичъ надѣялся, что монахи не откажутся исполнить это порученіе, тѣмъ болѣе, что владѣльцы Быхова и Сѣнна обѣщали и съ своей стороны помочь монахамъ въ устройствѣ училищъ. И если бы такія училища были устроены, то въ этихъ городахъ можно было бы не устраиватъ казенныхъ уѣздныхъ училищъ.

*) О францисканскомъ училищѣ въ Сѣннѣ Севергинъ далъ весьма не лестный отзывъ. Училище сіе требуетъ великаго поправленія, если желаютъ достигнуть повсюду вящшей цѣли просвѣщенія. Къ этому онъ прибавилъ, что жители города желали бы имѣть народную школу и желаютъ тому способствовать, только бы учитель былъ на казенномъ содержаніи. А Кундзичъ черезъ годъ желаетъ предоставить францисканамъ содержать уѣздное училище и наградить такимъ училищемъ горожанъ Сѣнна. Характерный фактъ!

Университетъ вполнѣ согласился со всѣми этими соображеніями прелата Кундзича и 29 января 1805 г. представилъ попечителю округа проектъ преобразованія учебныхъ заведеній Витебской и Могилевской губерній. *)

Особенно замѣчательны въ этомъ проектѣ: 1) полное умолчаніе о языкѣ преподаванія во вновь устраиваемыхъ училищахъ. Конечно, Университетъ полагалъ, что въ заведеніяхъ, устраиваемымъ по уставу 18 мая 1803 г., языкъ преподаванія долженъ быть польскій, какъ было и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ Виленскаго учебнаго округа, и 2) рѣшительно высказанное Университетомъ опасеніе, что ему не удастся найти русскихъ учителей для тѣхъ народныхъ училищъ, которыя предполагалось оставить въ прежнемъ видѣ. Университетъ, говорилось въ представленіи попечителю, не находитъ возможнымъ подобрать весь персоналъ учителей, необходимыхъ для народныхъ школъ въ губерніяхъ бѣлорусскихъ, гдѣ преподаваніе должно вестись на русскомъ языкѣ; до сихъ поръ Университетъ не могъ даже опредѣлить (не вѣрнѣе ли было бы сказать: не желалъ опредѣлить?), какое потребно количество учителей для преподаванія русскаго языка въ школахъ другихъ губерній округа. Подбору такихъ учителей могутъ помочь только въ Петербургѣ.

На заявленіе Севергина о бѣдственномъ положеніи многихъ народныхъ училищъ въ отношеніи помѣщеній, библіотекъ, учебныхъ пособій, вслѣдствіе скудости и неправильнаго отпуска слѣдующихъ на содержаніе ихъ суммъ, Университетомъ, при обсужденіи отчета визитатора, не было обращено ни малѣйшаго вниманія.

Вопроса объ организаціи приходскихъ училищъ, при обсужденіи отчета Севергина, Университетъ не коснулся.

*) Арх. канц. попеч. Вил. учеб. округа. Св. 6, № 47.

Учебныя заведенія Бѣлоруссіи, находившіяся въ вѣдѣніи римско-католическаго и базиліанскаго духовенства въ 1803—1812 г.

Въ теченіе перваго девятилѣтняго періода управленія учебными заведеніями, состоявшими въ вѣдѣніи римско-католическаго и базиліанскаго духовенства Бѣлоруссіи, Университету пришлось испытать рядъ тяжелыхъ, весьма чувствительныхъ для него неудачъ.

1. Къ концу разсматриваемаго періода совершенно изъяты были изъ вѣдѣнія Университета двѣ группы учебныхъ заведеній: іезуитскія училища и женскія учебныя заведенія, которыя были содержимы римско-католическимъ и базиліанскимъ монашествомъ.

2. Преобразованіе оставшихся подъ руководствомъ Университета монашескихъ учебныхъ заведеній, вслѣдствіе пассивнаго сопротивленія монаховъ, шло, къ огорченію Университета, вяло и медленно.

3. Отъ надежды открыть, при содѣйствіи монашества и на его средства, цѣлую сѣть новыхъ учебныхъ заведеній въ Бѣлоруссіи и создать такимъ образомъ въ этой странѣ новые очаги для распространенія просвѣщенія въ польскомъ духѣ Университету пришлось отказаться.

I.

Проекты преобразованія монашескихъ учебныхъ заведеній съ курсомъ среднихъ учебныхъ заведеній, разосланные Университетомъ въ февралѣ 1804 года, всего менѣе могли быть признаны пріемлемыми со стороны іезуитскаго ордена.

По іезуитскому статуту, ни одинъ членъ ордена не имѣетъ права предпринимать что-либо по собственному разумѣнію, или постороннему внушенію. Членъ іезуитскаго ордена лишь исполнитель воли своего начальника. Это—трупъ, или жезлъ въ

рукахъ начальника, всецѣло отдавшій въ его распоряженіе и тѣло, и душу, и совѣсть. Поэтому іезуитская организація ни въ какомъ случаѣ не можетъ допустить, чтобы между начальникомъ—іезуитомъ и его подчиненнымъ могла стать какая либо чуждая власть, которая могла бы такъ или иначе распоряжаться этими подчиненными, приказывать имъ, или запрещать дѣлать то-то и не дѣлать того-то. А между тѣмъ Университетъ, требуя, чтобы іезуитскія школы были подчинены его надзору и руководству, именно и пытался поставить между начальниками іезуитскихъ монастырей и монахами—учителями эту чуждую, стороннюю власть. Какъ же могли согласиться іезуиты на то, чтобы признать такую власть?

Выше указаны мною пункты различія между программами учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ Университету, и программами іезуитскихъ училищъ. Теперь я изложу вкратцѣ и сведу въ одно цѣлое замѣтки по этому пункту, сдѣланныя въ различныхъ мѣстахъ настоящаго очерка.

Религія вовсе не была преподаваема въ школахъ, подчиненныхъ Университету, въ учебные часы. Преподаваніе религіи возложено было на особаго школьнаго духовника, который и употреблялъ для ознакомленія учениковъ съ религіей по получасу предъ литургіей въ воскресенье и праздничные дни и послѣ обѣда въ тѣ-же дни. Курсъ обученія былъ очень кратокъ и былъ проходимъ учениками 1 и 2 класса. Мѣсто религіи въ школѣ заняла мораль. Но это не была мораль, основанная на откровенномъ ученіи, а мораль естественная, мораль языческая. Въ іезуитскихъ училищахъ законъ Божій, въ составъ курса по которому входило преподаваніе св. исторіи, христіанской морали и катехизиса, стоялъ во главѣ преподаванія всѣхъ предметовъ учебнаго курса, а для усиленія религіозно-нравственнаго воздѣйствія на учащихся широко практиковались и другія средства и мѣры.

Въ программы школъ, подчиненныхъ Университету, введена была масса наукъ, сообщающихъ учащимся полезныя въ жизни свѣдѣнія, и нѣкоторыя политическія науки. Іезуиты, послѣ тщательнаго обсужденія вопроса о преподаваніи этого рода наукъ, совершенно исключили изъ учебной программы своихъ училищъ науки политическія и почти всѣ тѣ науки, цѣнность которыхъ заключается не въ ихъ образовательномъ

значеніи, а въ практической пользѣ сообщаемыхъ ими свѣдѣній. Исключеніе составляли лишь архитектура гражданская и архитектура военная, но и эти предметы преподаваемы были не всѣмъ, а лишь желающимъ.

Систематическое изученіе грамматики латинскаго языка вовсе не имѣло мѣста въ училищахъ, подвѣдомственныхъ Университету; взамѣнъ этого введено было изученіе во всѣхъ классахъ и на урокахъ почти по всѣмъ предметамъ извлеченій изъ латинскихъ авторовъ, относящихся къ различнымъ областямъ человѣческаго вѣдѣнія. Въ іезуитскихъ училищахъ грамматика латинскаго языка была проходима систематически, и затѣмъ учащіеся приступали къ чтенію авторовъ. И такъ, какъ цѣлію преподаванія латинскаго языка въ іезуитскихъ училищахъ поставлено было доведеніе учащихся не только до свободнаго пониманія текста древнихъ классическихъ авторовъ, но и до умѣнья свободно владѣть этимъ языкомъ какъ въ устной, такъ и письменной рѣчи, то естественно, что на изученіе латинскаго языка отведено было масса учебныхъ часовъ.

Русскій языкъ былъ изучаемъ въ школахъ, подвѣдомственныхъ Университету, какъ языкъ иностранный, и потому не обязательный. Въ іезуитскихъ школахъ, въ интересахъ ордена, изученію русскаго языка придавалось очень важное значеніе. Этому языку предоставлены были даже права языка преподаванія нѣкоторыхъ предметовъ учебнаго курса.

Читатель видитъ, какъ значительны и глубоки были отличія въ постановкѣ преподаванія предметовъ учебнаго курса въ училищахъ іезуитскихъ и подвѣдомственныхъ Университету. Если читатель припомнитъ при этомъ, что программы іезуитскихъ училищъ были окончательно установлены въ концѣ XVIII в. по соображенію съ требованіями времени и нуждами іезуитскаго ордена *), то онъ пойметъ, что іезуиты

*) Трудно не выразить удивленія, что Погодинъ, авторъ предисловія къ четвертому тому Сборника матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи, рѣшается утверждать, будто въ іезуитскихъ школахъ XIX вѣка въ Бѣлоруссіи преподавали по тѣмъ програмаммъ, о которыхъ говоритъ Ярошевичъ (см. выше стр. 39, прим.). Онъ, очевидно, не обратилъ вниманія на тѣ перемѣны, какія произведены были іезуитами въ программахъ своихъ школъ въ концѣ XVIII вѣка, и о которыхъ онъ могъ бы узнать изъ 1-го тома Сборника матеріаловъ.

не могли отказаться отъ своихъ программъ и принять въ замѣнъ ихъ программы, которыя рекомендовалъ Университетъ.

Наконецъ, необходимо имѣть въ виду, что въ теченіе всего времени существованія іезуитскаго ордена учебныя заведенія, содержимыя іезуитами, всегда находились въ полномъ распоряженіи генерала ордена, совершенно не завися отъ свѣтской власти. Понятно, что и теперь іезуиты не могли съ легкимъ сердцемъ отказаться отъ этой независимости. Особенно не по сердцу имъ было подчиненіе именно Виленскому Университету. Недальше, какъ въ 1800 году, іезуиты, казалось, уже были близки къ достиженію своей завѣтной цѣли, къ тому, чтобы забрать въ свои цѣпкія руки Виленскую Академію. Уже было получено ими словесное согласіе Императора Павла I на отдачу имъ этой академіи. Уже знаменитый Груберъ успѣлъ съѣздить въ Вильну, чтобы осмотрѣть академію, готовую перейти въ іезуитскія руки*). И вдругъ черезъ какихъ-нибудь три года происходитъ крупнѣйшая перемѣна. Смерть Императора Павла I помѣшала іезуитамъ овладѣть академіей, а при преемникѣ Императора Павла I эта академія, ставшая Университетомъ, получаетъ право управленія всѣми іезуитскими школами. Неудача была чрезвычайно крупная. Іезуиты къ такимъ неудачамъ не привыкли и не могли не принять мѣръ къ устраненію грозившихъ имъ непріятностей.

Въ ожиданіи сопротивленія своимъ планамъ со стороны іезуитовъ, Виленскій Университетъ старался дѣйствовать по отношенію къ нимъ особенно предупредительно, чтобы отнюдь не раздражать ихъ. Поэтому-то приглашеніе іезуитскому генералу приступить въ преобразованію школъ написано было не такъ, какъ написаны были приглашенія другимъ начальникамъ орденовъ: въ немъ изложенію требованій Университета предшествуетъ панегирикъ усердію іезуитовъ служить дѣлу народнаго просвѣщенія и вовсе нѣтъ пункта, приглашающаго іезуитовъ посылать своихъ новиціевъ въ Университетъ для слушанія лекцій. Кромѣ того, препроводивъ это приглашеніе генералу іезуитскаго ордена, Университетъ счелъ нужнымъ поручить прелату Кундзичу, назначенному визитаторомъ школъ

*) Морошкинъ. Іезуиты въ Россіи. Т. I, стр. 449.

Бѣлоруссіи въ 1804 г., поговорить съ іезуитами и убѣдить ихъ исполнить желаніе Университета *).

Но іезуиты не сдавались. Въ переписку съ Университетомъ по дѣлу преобразованія содержимыхъ ими учебныхъ заведеній они не вступали, справедливо полагая, что Университетъ будетъ твердо стоять на своихъ законныхъ требованіяхъ и переписка ни къ чему не поведетъ; а между тѣмъ продолжали вести дѣло попрежнему.

Не рѣшался и Университетъ настойчиво требовать отъ іезуитовъ исполненія предъявленныхъ имъ требованій и такимъ образомъ вступить въ открытую борьбу съ сильнымъ и пронырливымъ орденомъ.

Такъ прошли 1804—1806 г. Въ 1807 г. прибылъ въ Петербургъ вновь назначенный ректоръ Виленскаго Университета Снядецкій. Генералъ іезуитовъ Бржозовскій немедленно познакомился съ нимъ и выказывалъ ему всевозможные знаки вниманія и уваженія, но онъ всѣми мѣрами уклонялся отъ разговора съ Снядецкимъ объ училищахъ іезуитскихъ, особенно когда заходила рѣчь объ однообразіи въ обученіи во всѣхъ училищахъ округа. Когда же Снядецкій рѣшилъ возвратиться въ Вильну, Бржозовскій послалъ ему такое письмо: "Уважая занятія его превосходительства, г. ректора Виленскаго Университета и не утруждая его особымъ визитомъ, узнавши о скоромъ его отъѣздѣ, генералъ іезуитскій кс. Бржозовскій имѣетъ честь пожелать ему самаго счастливаго путешествія и вмѣстѣ съ тѣмъ просить у него, какъ величайшей милости, направить свой маршрутъ (изъ Петербурга въ Вильну) черезъ Порховъ, Великія Луки и Невель въ Полоцкъ, гдѣ прямо слѣдуетъ заѣхать въ іезуитскую коллегію и, по своему желанію, отдохнуть и успокоиться послѣ всѣхъ неудобствъ путешествія. О такомъ предвкушаемомъ радостномъ для насъ обстоятельствѣ, говорится въ заключеніи записки, генералъ извѣстилъ письмомъ провинціала кс. Островскаго, который вмѣстѣ съ ректоромъ Полоцкой коллегіи, кс. Люстигомъ, окажутъ должныя почести, подобающія столь высокопочетному и ученому гостю" **).

*) Сбор. мат. для исторіи прос. въ Россіи. Ст. 1038.

**) Baliński. Pamiętniki o Janie Sniadeckim. Wilno. 1805 г. Т. I. Стр. 481—482.

Но Снядецкій на письмо это не отвѣтилъ ни слова и пріѣхалъ въ Вильну, не заѣзжая въ Полоцкъ. Бржозовскій какъ будто хотѣлъ сказать этимъ письмомъ Снядецкому: не угодно ли Вамъ съѣздить въ Полоцкъ и лично на мѣстѣ убѣдиться, что іезуиты и не думаютъ исполнять Ваши требованія. Но, конечно, они примутъ Васъ самымъ любезнымъ образомъ.

Такимъ образомъ и личныя сношенія ректора Университета съ іезуитскимъ генераломъ ни къ чему не привели.

Безплодны остались и всѣ старанія Чацкаго, исполнявшаго въ 1807 г. обязанности попечителя Виленскаго Университета, вразумить іезуитовъ согласиться на преобразованіе ихъ учебныхъ заведеній. И хотя онъ писалъ Снядецкому, что онъ много уже успѣлъ сдѣлать противъ іезуитовъ и надѣется сдѣлать и остальное, но въ дѣйствительности ничего не сдѣлалъ.

Въ томъ же 1807 году графъ Платеръ, осматривая, по порученіи Министра Народнаго Просвѣщеніе, учебныя заведеніе Бѣлоруссіи, посѣтилъ и всѣ іезуитскія училища съ курсомъ среднихъ учебныхъ заведеній, кромѣ Динабургскаго. Ревизоръ воочію убѣдился тогда, что въ іезуитскихъ школахъ все идетъ попрежнему что о приведеніи распоряженій Университета они вовсе не думаютъ *).

*) Въ періодическомъ сочиненіи объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія т. XXI, напечатана выписка изъ рапорта члена Главнаго училищъ Правленія камеръ-юнкера графа Платера объ обозрѣніи имъ училищъ Могилевской и Витебской губерній.

Отзывъ графа Платера о іезуитскихъ училищахъ вполнѣ совпадаетъ съ отзывомъ о нихъ Севергина. Но есть въ этомъ рапортѣ и нѣкоторые интересныя частности. Изъ него видно, что въ 1807 году іезуиты сочли нужнымъ увеличить количество учениковъ, которымъ они давали содержаніе. Такъ, въ Полоцкомъ іезуитскомъ училищѣ, кромѣ 24 дѣтей бѣдныхъ дворянъ, въ 1807 году они держатъ еще 16 бѣдныхъ дворянъ при костельной своей музыкѣ. Этимъ ученикамъ іезуиты раздавали пищу по одному разу въ день, а совершенно нуждающимся и одежду и содержали для нихъ 3 надзирателей, которые обучали ихъ читать и писать и приготовляли къ слушанію общихъ уроковъ. Тѣмъ не менѣе число учащихся въ іезуитскихъ училищахъ было въ 1807 г. менѣе, чѣмъ въ 1803 г. Въ пяти іезуитскихъ училищахъ, осмотрѣнныхъ графомъ Платеромъ, было 639 учениковъ, а въ 1803 г. ихъ считалось 701.

Тогда ректоръ Университета счелъ нужнымъ поставить вопросъ о преобразованіи іезуитскихъ учебныхъ заведеній прямо и рѣшительно.

Въ началѣ 1808 г. Снядецкій обратился къ генералу іезуитскаго ордена съ слѣдующимъ письмомъ: „Вы состоите начальникомъ почтеннаго общества, которое во время óно славилось столь извѣстными трудами на пользу общественнаго просвѣщенія Мнѣ стоитъ только напомнить вашему просвѣщенному усердію о необходимости сохраненія и распространенія этой славы, чтобы уже однимъ этимъ заохотить васъ воспользоватся тѣми средствами, какія въ настоящее время являются необходимыми для успѣшнаго процвѣтанія наукъ и общественнаго просвѣщенія и съ тѣмъ вмѣстѣ для осуществленія спасительнѣйшихъ для края намѣреній и предначертаній царствующаго монарха. Съ измѣненіемъ Европы въ отношеніи цивилизаціи, управленія и просвѣщенія, измѣнились и потребности общественнаго воспитанія. Подготовляя молодыя поколѣнія къ частной и общественной жизни, необходимо прививать къ нимъ основательныя начала тѣхъ свѣдѣній, какихъ требуетъ отъ нихъ разнообразное служеніе въ краѣ, обстоятельства и случайности домашняго быта, связи и нужды общественной жизни. Однообразіе въ наукахъ и способѣ ихъ изученія, употребленіе однѣхъ и тѣхъ же книгъ въ школахъ, предназначенныхъ для обывателей, подчиненныхъ въ краѣ одному общему управленію, имѣетъ свои широкія и очевидныя выгоды: прерванное ученіе въ одномъ заведеніи можетъ итти и продолжаться въ другомъ безъ всякаго замедленія и смѣшенія вниманія учащагося, такъ какъ вездѣ, при подобныхъ обстоятельствахъ, устанавливается, можно сказать, одинаковый строй и способъ умственнаго развитія. Съ другой стороны усовершенствованіе такой общности въ духовной формаціи людей значительно облегчается внимательнымъ наблюденіемъ и опытами надъ большимъ сравнительно числомъ талантовъ и учителей, оправдывая ея полезность или непригодность на всѣхъ обитателяхъ края и во всѣхъ развѣтвленіяхъ общественнаго служенія. Школы общества іезуитскаго, подчиненныя вамъ, хотя и приближались нѣсколько къ учебнымъ планамъ, введеннымъ въ округѣ Виленскаго Университета, по полностью до сихъ поръ ихъ не приняли. Времени вашего начальствованія предстоитъ славное дѣло введенія (въ школахъ) необходимаго порядка. Будучи увѣренъ

въ самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ и желаніяхъ вашихъ относительно блага края, славы наукъ и вашего общества, умоляю васъ о необходимыхъ въ подобномъ смыслѣ распоряженіяхъ орденскимъ бѣлорусскимъ властямъ, чтобы онѣ съ наступленіемъ новаго послѣ школьныхъ вакацій учебнаго года, для однообразія въ обученіи, составили распредѣленіе уроковъ и занятій, согласное съ предписаніями, которыя повсемѣстно практикуются въ литовскихъ заведеніяхъ“. (Pamiętniki, 1. 528—530).

Но Бржозовскій остался глухъ къ хитроумнымъ и льстивымъ заявленіямъ Снядецкаго и ничего не отвѣчалъ ему.

Въ августѣ 1808 г. Снядецкій снова попытался подѣйствовать на іезуитскаго генерала, но уже не прямо, а черезъ другое лицо. Этимъ другимъ лицомъ былъ старый знакомый Снядецкаго, краса и гордость іезуитовъ, Почобутъ, бывшій профессоръ астрономіи въ Виленскомъ Университетѣ, жившій теперь въ Динабургѣ (Двинскѣ). Въ расчетѣ на вліяніе его въ орденѣ Снядецкій и обратился къ нему съ письмомъ отъ 27 августа.

Письмо это начинается выраженіемъ сожалѣнія, что внезапный отъѣздъ Почобута изъ Вильны лишилъ его возможности проститься со старымъ пріятелемъ надлежащимъ образомъ и окончательно выяснить ему свои планы относительно введенія во всѣхъ заведеніяхъ Виленскаго учебнаго округа одинаковыхъ учебныхъ плановъ и школьныхъ порядковъ, чему вполнѣ сочувствовалъ и Почобутъ. Снядецкій продолжаетъ: „Недосказанное восполняю письменно, чтобы вы могли выяснить обществу іезуитовъ, что ихъ прямой интересъ и польза края требуютъ постояннаго сношенія съ Университетомъ и соглашенія съ нимъ касательно предмета наукъ, ихъ распорядка, учебниковъ и способа обученія, чтобы такимъ образомъ въ общественныхъ школахъ этого края, отъ кого бы онѣ ни зависѣли, не замѣчалось никакой разницы. Вѣдь того же хочетъ прямо и правительство, требующее однообразія общественнаго воспитанія. Нѣкоторыя элементарныя книги іезуиты ввели въ свои школы, но почему нѣтъ у нихъ польско-латинской грамматики, написанной Копчинскимъ? А она такъ хорошо объясняетъ природу, сходство и различіе обоихъ языковъ. Развѣ нежелательно изучать чужой языкъ (т. е. латинскій) посредствомъ срав-

ненія съ собственнымъ (т е. польскимъ). Альваръ (т. е. его латинская грамматика) конечно, классическое, полезное руководство для учителей, объясняющихъ латынь, и даже для учениковъ, если они далеко уже ушли въ этомъ языкѣ; но для начинающихъ изучать латынь и нуждающихся въ знакомствѣ съ правилами своего родного языка (польскаго) Альваръ не можетъ быть полезною книгою. По всей вѣроятности, іезуиты ничего не имѣютъ противъ изданныхъ для мѣстныхъ школъ руководствъ по ариѳметикѣ, геометріи, естественной исторіи, физикѣ и т. под.; почему же не хотятъ они держаться тѣхъ же самыхъ руководствъ и того же порядка? Лучше всего было бы для края и для славы ордена, чтобы между ихъ школами и свѣтскими не замѣчалось другой разницы, кромѣ той, что изъ орденскихъ заведеній болѣе, чѣмъ изъ другихъ, выходятъ ученики способные и хорошо подготовленные (какая лесть!). Въ такомъ случаѣ Университету было бы въ высшей степени пріятно іезуитскія школы представить правительству и эдукаціонному начальству, какъ выдающіяся заведенія по доставляемой ими пользѣ для учениковъ, какъ примѣръ и образецъ не только для школъ другихъ орденовъ, но и академическихъ (свѣтскихъ, подчиненныхъ непосредственно Университету)"... (Pamiętniki 1-531-532).

Почобутъ не замедлилъ отвѣтомъ, заявивши, что онъ раздѣляетъ высказанное ректоромъ мнѣніе, что онъ давно уже работаетъ въ этомъ направленіи, хотя относительно нѣкоторыхъ требованій Университета даже мѣстная (динабургская) іезуитская власть усматриваетъ невозможность ихъ осуществленія. Указывалось, между прочимъ, на то обстоятельство, что уставъ Университета настаиваетъ на отправленіи въ Вильну молодыхъ іезуитскихъ клириковъ для окончательнаго усовершенствованія ихъ въ наукахъ: по замѣчанію іезуитовъ, это плохо вліяло бы на развитіе въ молодыхъ кандидатахъ орденскаго духа и направленія. Впрочемъ, прибавлялъ Почобутъ, всѣ предложенія Университета отправлены въ Петербургъ на окончательное рѣшеніе іезуитскаго генерала. (Ibid. 532).

Ничего хорошаго нельзя было ожидать Снядецкому отъ такой постановки дѣла. Это былъ какой-то заколдованный кругъ, изъ котораго теперь онъ не могъ никакъ выбраться, и, стараясь уйти отъ Бржозовскаго, опять хотя-нехотя на него на-

талкивался. Скоро получилъ Снядецкій и окончательный отвѣтъ отъ Почобута по возбужденному вопросу и отвѣтъ вполнѣ для него неблагопріятный. „Не посчастливилось мнѣ, пишетъ, между прочимъ, Почобутъ Снядецкому, вести съ успѣхомъ переговоры въ этомъ дѣлѣ (о введеніи реформы въ іезуитскія школы); рѣшеніе получено (отъ генерала кс. Бржозовскаго) неблагопріятное. И, что всего хуже, оно не могло быть даже благопріятнымъ. Почему? Вотъ причина. Положеніе о гимназіяхъ и даже школахъ низшихъ съ управленіемъ оными и досмотромъ посредствомъ лицъ свѣтскихъ представляется генералу совершенно не сообразнымъ съ орденскимъ статутомъ и духовнымъ состояніемъ іезуитовъ, и потому принятіе его грозитъ уничтоженіемъ и статуту и ордену. Такой отвѣтъ генерала, еще до моей съ нимъ переписки, послѣдовалъ министру гр. Завадовскому на предложеніе его, тождественное съ вашимъ (о реформѣ школъ). Такимъ образомъ, отвѣтъ его ко мнѣ не могъ быть иной по содержанію, и если бы я зналъ объ этомъ обстоятельствѣ (объ отвѣтѣ генерала Бржозовскаго гр. Завадовскому), то и не относился бы къ нему со своимъ заявленіемъ (Слухи ходили, что кс. Бржозовскій сдѣлалъ Почобуту даже строгое внушеніе за то, что онъ идетъ противъ воли своего начальства). Хотя теперь я нѣсколько скомпрометировалъ себя, будучи незнакомъ съ ходомъ обстоятельствъ, тѣмъ не менѣе нахожу удовлетвореніе въ томъ, что, насколько было въ моей власти, я исполнилъ по отношенію къ вамъ долгъ обязательства". (Pamiętniki, 1. 532—533).

На заявленіе Почобута Снядецкій отвѣтилъ ему оффиціальнымъ письмомъ отъ 22 октября 1808 г., расчитывая, не дойдетъ ли оно по адресу іезуитскаго генерала и не произведетъ ли своего дѣйствія. Съ удивленіемъ останавливаясь на томъ положеніи іезуитовъ, что воспитаніе іезуитскихъ клириковъ въ Виленскомъ Университетѣ разрушительно вліяло бы на развитіе въ нихъ орденскаго духа и направленія, Снядецкій говоритъ, что онъ хотѣлъ бы нѣсколько уяснить и смягчить свое предположеніе въ томъ смыслѣ, что іезуитскому ордену было бы достаточно разъ только прислать своихъ сочленовъ въ Университетъ для усовершенствованія себя въ наукахъ настолько, чтобы потомъ они были уже способны учить своихъ соотечественниковъ и сами приготовлять учителей: „Разъ хорошо поставленная школа въ орденѣ, продол-

жаетъ Снядецкій, могла бы принести ту самую пользу, какъ и слушаніе лекцій въ Университетѣ. Если бы явились способные и хорошо подготовленные учителя, то настояла бы только необходимость, каждые два года, не болѣе, какъ на мѣсяцъ, прислать ихъ въ Вильну, чтобы они могли получить точныя свѣдѣнія, не сдѣлано ли какихъ-нибудь новыхъ научныхъ открытій, ознакомиться съ новыми опытами и доказательствами, и это нисколько не повредило бы развитію въ орденѣ монашеско-духовнаго направленія. Вѣдь прежде высылали же іезуиты свою молодежь за-границу для усовершенствованія ея въ различныхъ наукахъ въ заграничныхъ университетахъ". (Вотъ до чего дошла уступчивость Снядецкаго!).

„Не возьму въ толкъ и того, какимъ образомъ общіе учебные планы въ школахъ и гимназіяхъ могутъ противорѣчить орденскому статуту. Вездѣ, во всѣхъ школахъ, науки однѣ и тѣ же, необходимы и пригодны для всѣхъ сословій; ихъ изучали въ іезуитскихъ монастыряхъ до времени уничтоженія іезуитовъ, и тогда они не были противны ихъ духу. Ихъ изучаютъ теперь всѣ монашествующіе, которымъ поручены общественныя школы, и не жалуются на ихъ вредное вліяніе. Тутъ вопросъ не столько въ самыхъ наукахъ, какъ въ методѣ ихъ изученія и распорядкѣ; многія изъ нихъ введены въ іезуитскія школы, но изучаются онѣ не въ надлежащемъ порядкѣ, не по надлежащимъ руководствамъ; другія, правда, совершенно заброшены, такъ какъ орденъ не имѣетъ способныхъ преподавателей. Если министръ народнаго просвѣщенія (гр. Завадовскій), услышавши объ этой причинѣ (несообразности якобы учебныхъ плановъ съ орденскимъ статутомъ), ничего противъ ея не отвѣтилъ, то не потому, конечно, чтобы она представлялась для него убѣдительною, и нужно надѣяться, что рано или поздно потребуютъ все-таки отъ іезуитовъ реформы ихъ школъ, такъ какъ родителямъ желательно видѣть одинаковые учебные планы во всѣхъ школахъ. Мнѣ даже кажется, что этого требуетъ просто интересъ іезуитовъ, которыхъ призваніе состоитъ въ обученіи и воспитаніи свѣтскаго юношества. Такой учебный планъ, который зарождалъ бы и поддерживалъ исключительно монашеское направленіе, мѣстнымъ правительствомъ не можетъ быть признанъ пригоднымъ и полезнымъ. Имѣя въ виду единственно

благо края и орденовъ, посвятившихъ себя общественному служенію, я еще разъ совѣтовалъ бы іезуитскому генералу поразмыслить надъ сдѣланнымъ мною предложеніемъ." (Pamiętniki, 1. 534—536).

Но Почобутъ, послѣ сдѣланнаго ему внушенія со стороны кс. Бржозовскаго, не смѣлъ уже болѣе дѣлать ему какія бы то ни было представленія въ смыслѣ, угодномъ Снядецкому. Все покрывалось молчаніемъ, и голосъ ректора Виленскаго Университета въ собственномъ смыслѣ являлся голосомъ вопіющаго въ пустынѣ. Не получая ни откуда ни отвѣта, ни привѣта, Снядецкій рѣшилъ обратиться къ министру гр. Завадовскому какъ бы съ жалобою на упорство іезуитовъ и ихъ противодѣйствіе введенію Высочайше утвержденныхъ учебныхъ плановъ.

Отъ 1 мая 1809 года онъ писалъ, между прочимъ, гр. Завадовскому: „Въ губерніяхъ Могилевской и Витебской ксендзы-іезуиты содержатъ общественныя школы въ Полоцкѣ, Динабургѣ, Могилевѣ, Оршѣ и Мстиславлѣ. Учебные планы въ этихъ школахъ совершенно отличны отъ предписанныхъ уставомъ и введенныхъ въ другихъ школахъ; они не приспособлены къ современнымъ нуждамъ края. Юношество школъ іезуитскихъ, переходя въ гимназіи или уѣздныя училища (съ общеучебными планами), какъ равно и учащіеся въ этихъ школахъ, при переходѣ въ іезуитскія заведенія, встрѣчая новыя науки, другой школьный порядокъ, другіе учебники, спутываются и, при различномъ способѣ обученія, задерживаются въ успѣхахъ въ наукахъ Подобной несообразности не испытывается ни въ какихъ другихъ губерніяхъ округа, такъ какъ вездѣ одинаковые учебные планы и распорядокъ въ школахъ. Указанная неурядица заставляетъ бѣлорусскихъ обывателей или посылать своихъ дѣтей въ школы иныхъ губерній, гдѣ сохраняется предписанный Университетомъ школьный и учебный порядокъ, или же держать дома частныхъ учителей. При такихъ обстоятельствахъ численность учащихся въ іезуитскихъ школахъ уменьшается, обыватели не могутъ вполнѣ воспользоваться благотворностью общественнаго воспитанія, а край вообще не получаетъ отъ ксендзовъ-іезуитовъ той пользы и услугъ, на какія имѣетъ право, послѣ всѣхъ тѣхъ милостей и благодѣяній, которыми осыпалъ ихъ

Монархъ, освободивши іезуитовъ отъ всевозможныхъ взносовъ и оплатъ... Другіе ордена, которымъ поручено обученіе въ школахъ, не пользуясь (подобно іезуитамъ) громадностью Монаршихъ милостей, исполняютъ, однако, примѣрно всѣ предписанія Университета и въ служеніи просвѣщенію приносятъ болѣе пользы краю, нежели ксендзы-іезуиты".

„Съ самаго начала вступленія моего въ должность я старался возбудитъ іезуитскій орденъ къ исправленію школьнаго плана; по моей обязанности, я писалъ объ этомъ іезуитскому генералу, указывая ему въ этомъ пользу края и самого общества; для большей его убѣдительности, я обращался за помощью къ лицамъ, вполнѣ почтеннымъ въ орденѣ, и ему благопріятствующимъ. Всѣ подобныя съ моей стороны двухгодичныя старанія не имѣли никакого успѣха. Еще въ началѣ мнѣ какъ будто что-то обѣщали: потомъ сослались на резолюцію, которой ожидали отъ вашего сіятельства на сдѣланное представленіе (выше о немъ говорилось), и въ концѣ концовъ остановились на томъ, что управленіе школами свѣтскихъ лицъ не согласно съ монашескимъ призваніемъ іезуитовъ, почему начальствующіе изъ ихъ среды въ училищахъ отказываются принимать отъ визитаторовъ какія бы то ни было предписанія. Но указанная причина не имѣетъ для себя ни малѣйшаго основанія. Университетъ и его визитаторы не вмѣшиваются ни въ какія орденскія распоряженія. И другіе ордена, занимаясь обученіемъ подъ надзоромъ Университета, не жалуются и не могутъ жаловаться на нарушеніе ихъ постановленій. Іезуиты, наконецъ, будучи подданными государства, въ которомъ управленіе не монашеское, и взявшись за дѣло общественнаго воспитанія, которое состоитъ подъ главнымъ вашимъ завѣдываніемъ, не имѣютъ права не подчиняться тѣмъ правиламъ, которыя Высочайше предписаны для всѣхъ школъ безъ изъятія".

„Такъ какъ мнѣ не удалось ввести въ іезуитскія училища необходимое однообразіе и порядки, то считаю своею обязанностью донести объ этомъ вашему сіятельству и просить вашихъ указаній, должно ли въ будущемъ быть терпимо подобное поведеніе іезуитовъ, которое, нужно сказать, очень вредно дѣйствуетъ на школы другихъ орденовъ. Я буду ожидать вашихъ приказаній, чтобы, сообразно съ ними, сдѣлать распоряженіе визитаторамъ, назначеннымъ въ Бѣлоруссію". (Pamiętniki, 1. 536–539).

Но и это представленіе ректора Университета осталось безъ послѣдствій. Графъ Завадовскій, который самъ воспитывался въ іезуитскихъ школахъ и на котораго іезуиты сильно дѣйствовали въ описываемое время, не оказалъ Университету просимой имъ помощи

Оскорбленный этимъ невниманіемъ министерства къ его представленіямъ, Снядецкій рѣшился тогда заговорить объ іезуитахъ публично, съ видимой цѣлью вооружить противъ нихъ общественное мнѣніе Случай къ этому вскорѣ представился.

Въ самомъ началѣ 1810 г. (8 февраля) скончался въ Динабургѣ извѣстный уже намъ кс. Почобутъ. Тѣсная давняя дружба соединяла Снядецкаго съ покойнымъ, и понятно, смерть его вызвала глубокую, сердечную скорбь ректора Виленскаго Университета. „Быть можетъ, говорилъ Снядецкій, въ Вильнѣ Почобутъ жилъ бы и дольше, и съ большимъ удовольствіемъ (нежели въ Динабургѣ). На цѣлый лишній годъ я задержалъ его при Университетѣ. Но тайныя нашептыванія іезуитовъ окончательно испортили всѣ дальнѣйшія мои въ этомъ отношеніи старанія". При этомъ Снядецкій съ сердечною болью разсказывалъ, что Почобутъ взялъ съ собою нѣкоторыя бумаги, имѣющія значеніе для исторіи Университета, что іезуиты не только не хотятъ возвратить ему этихъ бумагъ, но даже утверждаютъ, что подобныхъ бумагъ никогда не было у Почобута, хотя послѣдній, при жизни, обѣщалъ Снядецкому отослать ихъ. (Pamiętniki, 1. 588—589).

На торжественномъ же собраніи Университета въ 1810 г. по окончаніи учебнаго года, Снядецкій произнесъ о Почобутѣ рѣчь, выставляя его ученыя заслуги и борьбу съ іезуитами, желавшими захватить въ свои руки Виленскій Университетъ. И эти отзывы Снядецкаго объ іезуитахъ въ частныхъ кружкахъ и эта рѣчь въ торжественномъ собраніи Университета скоро стали извѣстны іезуитамъ и ихъ генералу. Они поняли, что имѣютъ въ Снядецкомъ непримиримаго врага, который будетъ бороться съ іезуитами до конца, что этотъ врагъ готовъ прибѣгнуть ко всякимъ средствамъ для борьбы съ іезу-

итами. Опасность для іезуитовъ такимъ образомъ росла все болѣе и болѣе.

Но чѣмъ больше росла опасность, тѣмъ больше должны были работать мозги іезуитовъ для того, чтобы найти средства устранить ее.

Въ 1804 и 1805 г. іезуиты ограничивались лишь пассивнымъ сопротивленіемъ требованіямъ Университета. Въ 1806 г. генералъ іезуитовъ рѣшился обратиться къ Императору Александру I съ прошеніемъ о дозволеніи іезуитскому ордену руководствоваться въ воспитаніи юношества собственными правилами.

„Главная задача іезуитскаго ордена,—такъ начинается прошеніе, со времени учрежденія заключается въ воспитаніи юношества, т. е. въ сообщеніи ему извѣстныхъ знаній и въ привитіи добродѣтельныхъ навыковъ, которые необходимы всѣмъ людямъ и особенно предназначеннымъ для отправленія общественнаго служенія. Всѣ постановленія іезуитскаго кодекса направлены къ этой двойной цѣли, и потому изъ школъ ордена всегда выходили люди, любящіе свое отечество, преданные своимъ государямъ и способные исполнять со славою всякое возлагаемое на нихъ порученіе“. Сказавши о порядкѣ пріема въ орденскія школы, прохожденіи курса и подготовкѣ къ учительскому званію, Бржозовскій замѣчаетъ, что къ послѣднему допускаются кандидаты не иначе, какъ послѣ строгаго испытанія въ присутствіи почтенныхъ отцовъ-іезуитовъ и ректора заведенія. Учителя проходятъ свои обязанности съ полною преданностью дѣлу, руководствуясь не какими-нибудь матеріальными выгодами или расчетами (отъ чего они, якобы, уже совершенно отказались), по исключительнымъ желаніемъ приготовить для государства способныхъ и добродѣтельныхъ согражданъ; въ осуществленіи такого намѣренія они находятъ, по словамъ генерала, для себя полнѣйшее вознагражденіе за понесенные труды. Достиженію намѣченныхъ цѣлей вполнѣ содѣйствуетъ принятый въ орденѣ порядокъ. Кромѣ генерала, провинціала и ректора, находится еще въ каждой коллегіи префектъ, спеціально обязанный руководить учащимися, посѣщать классы, присутствовать на экзаменахъ и слѣдить за тѣмъ, чтобы каждый аккуратно исполнялъ свои обязанности.

Старшіе тоже неослабно бодрствуютъ надъ соблюденіемъ порядка. Все недостойное, лѣнивое, неспособное удаляется немедленно безъ всякихъ формальностей, въ силу власти каждаго старшаго. Методъ обученія, которому слѣдуютъ въ іезуитскихъ школахъ, это методъ, употреблявшійся въ Парижскомъ Университетѣ и другихъ болѣе славныхъ Университетахъ Европы. Съ теченіемъ времени іезуиты его совершенствуютъ, и это даетъ имъ возможность пользоваться всѣми новѣйшими открытіями въ математикѣ, физикѣ, естественной исторіи, химіи, и знанія по этимъ предметамъ въ іезуитскихъ школахъ нисколько не уступятъ основательности такихъ знаній въ болѣе цвѣтущихъ академіяхъ Европы. Для лучшаго доказательства истинности такого утвержденія прилагался планъ распредѣленія учебныхъ занятій по принятому въ школахъ методу, который всегда широко одобрялся правительствомъ. „И вотъ теперь,—продолжаетъ записка послѣ такого рѣшительнаго заявленія о блестящемъ положеніи орденскихъ школъ,—намъ хотятъ привить другой методъ, хотятъ среди насъ ввести новую организацію, которая черезъ нѣкорое время насъ уничтожитъ“. Это и заставляетъ меня, говоритъ Бржозовскій,—прибѣгнуть къ Вашему Императорскому Величеству. Вы желаете нашего сохраненія, по своей благости, Вы довольны нашими слабыми усиліями послужить отечеству; я навлекъ бы на себя упреки въ неисполненіи возложенныхъ на меня обязанностей, если бы въ настоящую критическую минуту не обратился къ Вашему милосердію. Но предварительно необходимо объяснить Вамъ, что я не преувеличиваю нашихъ опасностей:

1) „Хотятъ, чтобы никто, не обучавшійся въ Университетѣ или по крайней мѣрѣ не получившій оттуда свидѣтельства о его способностяхъ, не могъ занимать у насъ должностей профессоровъ, проповѣдниковъ, ректоровъ или старшихъ. Это означаетъ, что всѣ названныя должности фактически будетъ замѣщать Университетъ, или же, по меньшей мѣрѣ, потребуется для этого его согласіе. Не порвутся ли такимъ образомъ всѣ связи, насъ объединяющія? Послушанію не останется болѣе мѣста, если только младшіе будутъ имѣть возможность противъ воли своихъ законныхъ старшихъ получать мѣста или сохранять ихъ за собою. Какъ только исчезнетъ подчиненіе, существенно необходимое въ каждомъ

религіозномъ орденѣ, за нимъ сейчасъ же послѣдуютъ неповиновеніе, честолюбіе, интриги, зависть, сплетни, однимъ словомъ каждый будетъ предоставленъ собственнымъ страстямъ, и исчезнетъ всякое различіе между духовнымъ и міряниномъ. Не останется у насъ болѣе преимуществъ духовной жизни, и первымъ результатомъ этого явится распаденіе нашего общества, чего, впрочемъ, ищутъ“.

2) „Если наши коллегіи будутъ подчинены Университету, и онъ станетъ назначать учителей, если опять онъ не признаетъ между нами къ тому способныхъ и изберетъ болѣе достойныхъ между свѣтскими, не назначитъ ли онъ ихъ на соотвѣтствующія мѣста? И какія у насъ средства противодѣйствовать этому? А въ такомъ случаѣ между нами явятся міряне, совершенно отъ насъ независимые; а для нашихъ институцій что можетъ быть противнѣе подобной странной смѣси?“

3) „Хотятъ, чтобы наши профессора обучали въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ послѣдовательно въ одномъ и томъ же классѣ. Но это прежде всего положительно безполезно. Наше общество, создавая непрерывную цѣпь способныхъ преподавателей въ каждомъ классѣ, не можетъ имѣть никакой пользы въ томъ, чтобы одинъ и тотъ же преподаватель занимался обученіемъ въ одномъ и томъ же классѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Во-вторыхъ, предъявляемое требованіе очень вредное. Тѣ, напримѣръ, которые обучаютъ беллетристикѣ, въ началѣ сами еще далеко не совершенны въ своемъ дѣлѣ. Вообще они занимаются этимъ обученіемъ пять или шесть лѣтъ, начиная съ низшихъ классовъ, и потомъ, переходя постепенно въ высшія, по той мѣрѣ, какъ сами усовершенствуются и дѣлаются болѣе опытными“. Продолжая развивать эту тему, Бржозовскій находитъ ее почему-то въ самой тѣсной связи съ конституціями ордена, съ внутреннимъ и внѣшнимъ его управленіемъ, съ монашескими обѣтами и утверждаетъ, что измѣненіе способа обученія поведетъ къ уничтоженію орденскихъ конституцій и разрушенію самаго духа, который одушевляетъ общество. Потому генералъ проситъ Его Императорское Величество оставить ордену прежніе порядки, прежній методъ обученія и не дозволять вводить среди іезуитовъ новшества, которыя направлены къ уничтоженію ордена. „Нашъ орденъ,

продолжаетъ Бржозовскій, существуетъ почти три вѣка и имѣлъ всякаго рода школы—высшія и низшія, но никогда его учебныя заведенія не были подчинены университетамъ. Теперь явно посягаютъ на существованіе нашего ордена, и я умоляю Ваше Величество избавить насъ отъ этой опасности и даровать іезуитамъ Вашей имперіи право независимости отъ университетовъ,—право, которымъ пользовалось наше общество во всѣ времена и во всѣхъ странахъ, гдѣ оно было допущено, право совершенно необходимое для сохраненія нашего и для интересовъ самого государства, такъ какъ отсюда возникаетъ соревнованіе между нашими и университетскими заведеніями. Въ качествѣ начальника ордена, я долженъ просить Ваше Величество освободить насъ отъ юрисдикціи университетовъ, позволить намъ слѣдовать нашему методу и принять насъ въ Ваше непосредственное покровительство, какимъ пользовались мы при Вашей безсмертной бабкѣ и при Вашемъ Августѣйшемъ родителѣ. Смѣю увѣрить Ваше Величество, что отъ этого не только не пострадаетъ воспитаніе юношества, но оно сдѣлается лучше, христіаннѣе, тщательнѣе и доставитъ Вамъ самыхъ вѣрныхъ и покорныхъ подданныхъ“ *).

Но какъ ни искусно было написано это прошеніе, оно не произвело никакого дѣйствія на Государя, и никакого движенія ему не было дано: до самой смерти Государя оно лежало въ кабинетѣ его въ числѣ другихъ бумагъ, не подлежавшихъ исполненію.

Эта неудача не смутила однако же генерала іезуитовъ. Съ изумительной настойчивостью онъ сталъ осаждать своими просьбами по іезуитскому дѣлу, кажется, всѣхъ высокопоставленныхъ тогда въ Россіи людей. Онъ писалъ князю А. Н. Голицыну, гр. Разумовскому, кн. Куракину, Сперанскому, герцогу Виртембергскому, Великой Княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ, герцогу Ольденбургскому, маркизу Паулуччи, графу и графинѣ Толстымъ, Тургеневу и т. д., всѣмъ имъ доказывая неудобства подчиненія іезуитскихъ школъ Университету и выставляя на видъ, что Виленскій Университетъ полонизируетъ учебныя заведенія, тогда какъ іезуиты заботливо обучаютъ своихъ воспитанниковъ русскому языку. Но,

*) Морошкинъ: Іезуиты въ Россіи. Т. II, 475—479.

конечно, всего болѣе кс. Бржозовскій старался воздѣйствовать на министра народнаго просвѣщенія гр. Завадовскаго

Эти усилія іезуитскаго генерала имѣли успѣхъ въ томъ отношеніи, что до времени оставленія графомъ Завадовскимъ поста министра народнаго просвѣщенія (11 апрѣля 1810 г.) іезуитамъ не мѣшали вести въ ихъ учебныхъ заведеніяхъ дѣло обученія попрежнему; но имъ не удалось добиться офиціальнаго освобожденія отъ подчиненіи Университету.

Съ половины 1810 года тактика іезуитовъ измѣнилась.

Въ 1810 г. обстоятельства сложились очень благопріятно для іезуитовъ. Князя Чарторыйскаго, главнаго противника іезуитовъ, не было тогда въ Петербургѣ: онъ уѣхалъ сначала въ Вильну, а потомъ за-границу. Чацкому, скомпрометировавшему себя въ 1809 г. въ Кременцѣ, было не до борьбы съ іезуитами. Снядецкій, лишенный поддержки Чарторыйскаго и Чацкаго, пославъ приведенное выше представленіе Министру Народнаго Просвѣщенія, замолчалъ.

Между тѣмъ 11 апрѣля 1810 г. на постъ министра народнаго просвѣщенія назначенъ былъ графъ А. К. Разумовскій. Это былъ человѣкъ, получившій воспитаніе за-границей и притомъ въ латинскомъ духѣ, а потому всегда благосклонный къ іезуитамъ, всегда покровительствовавшій имъ и до такой степени связавшій свою карьеру съ іезуитскими интересами, что, когда правительство въ 1815 г. рѣшило положить конецъ іезуитской пропагандѣ въ столицахъ, онъ (1 сентября 1816 г.) вышелъ въ отставку.

Въ томъ же году іезуиты въ лицѣ графа де-Местра, сардинскаго повѣреннаго въ дѣлахъ при русскомъ дворѣ, пріобрѣли неоцѣненнаго союзника. Остроумный собесѣдникъ и блестящій писатель, де-Местръ былъ въ высшихъ слояхъ русской аристократіи своимъ человѣкомъ; Императоръ постоянно относился къ нему съ неизмѣнной благосклонностью.

Пользуясь этими благопріятными обстоятельствами, іезуиты съ удвоенными силами и полной надеждой на успѣхъ возобновили кампанію въ пользу своего дѣла.

Лучшимъ показателемъ того, какъ оживились ихъ надежды и разыгрались ихъ аппетиты, служитъ уже тотъ фактъ,

что теперь измѣнился самый предметъ ихъ домогательства. Прежде они хлопотали лишь объ освобожденіи своихъ учебныхъ заведеній отъ подчиненія Университету; теперь же заговорили о возведеніи Полоцкой коллегіи на степень высшаго учебнаго заведенія съ подчиненіемъ іезуитской академіи всѣхъ іезуитскихъ школъ, т. е объ образованіи въ округѣ Виленскаго Университета новаго учебнаго округа—іезуитскаго.

Въ защиту этой идеи выступили одновременно и генералъ іезуитскаго ордена и графъ де-Местръ. И отъ того и отъ другого полетѣли къ графу Разумовскому письма. Но де-Местръ, адресуя свои письма графу Разумовскому, имѣлъ въ виду не лично министра, а самого Государя. Онъ сумѣлъ устроить такъ, чтобы письма, адресованныя министру, попали въ руки Государю, что ему и удалось.

Въ высшей степени характеренъ конецъ пятаго письма де-Местра.

Защитникъ іезуитовъ доказываетъ здѣсь русскому министру вредъ, происходящій отъ монополіи вообще и монополіи знанія въ частности. „Самое слово „монополія“ есть уже несправедливость. Монополія есть исключительная привиллегія или позволеніе дѣлать зло, которое заставляютъ оплачивать дороже обыкновеннаго. Для чего ваше мудрое правительство рѣшается на такой рискъ въ такихъ важныхъ дѣлахъ? Когда іезуиты явились во Франціи, то Парижскій Университетъ всѣми силами противился ихъ водворенію тамъ; но правительство не согласилось съ Университетомъ, а тѣмъ болѣе не захотѣло подчинить ему іезуитовъ; оно оставило оба эти учрежденія въ совершенной независимости ихъ другъ отъ друга. Точно также должна поступить и Россія въ этомъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе, что нѣтъ никакого важнаго различія между двумя системами. Наставники университетовъ не говорятъ, что нужно презирать религію, нравственную философію, классическіе языки и литературу; іезуиты, съ своей стороны, не утверждаютъ, что не нужно изучать ни химіи, ни естественной исторіи, ни ботаники и проч. Правительство можетъ быть спокойнымъ созерцателемъ этихъ учрежденій, въ той увѣренности, что отъ сравненія двухъ системъ оно можетъ выиграть многое и не проиграть ничего. Со стороны правительства было бы весьма ра-

зумною мѣрою, если бы Полоцкую коллегію возвели въ академію со всѣми правами Университета, и именно съ одинаковыми правами съ Виленскимъ Университетомъ. Два заведенія шли бы вмѣстѣ, и соревнованіе ихъ между собою было бы полезно для государства. Вы, графъ, обращается де-Местръ къ Разумовскому, не можете оказать такой существенной услуги своему отечеству, какую окажете, если убѣдите Его Величество, объявить совершенную независимость іезуитовъ отъ Виленскаго Университета. Пусть Его Величество позволитъ, чтобы въ продолженіе нѣкотораго времени обѣ системы шли рядомъ. Скоро Государь увидитъ, на какую сторону болѣе склоняются отцы семействъ. Я не знаю, можетъ ли на этотъ разъ обманываться одинъ отецъ, но увѣренъ, что нельзя обмануть въ этомъ случаѣ многихъ отцовъ. Самый худой отецъ ищетъ всегда дать сыну своему лучшаго наставника. Дидеро однажды возбудилъ удивленіе въ одномъ изъ своихъ друзей, заставивши свою дочь читать Евангеліе. „Что же лучшаго я могъ дать ей для чтенія?" сказалъ Дидеро своему изумленному другу.

„Надѣемся, что просвѣщенный министръ, которому предлагаются эти мысли, разсѣетъ тотъ мракъ, который затемняетъ самыя очевидныя и самыя существенныя истины. Какое зрѣлище, г. графъ! Съ одной стороны, важные и ученые духовные, въ продолженіе 40 лѣтъ учившіе добру, свято исполняющіе свои обязанности по отношенію къ Россіи, обучающіе прежде всего русскому языку, а потомъ латинскому; съ другой стороны, польская академія, гордящаяся своимъ собственнымъ языкомъ, нападаетъ на іезуитовъ за ихъ привязанность къ своимъ старымъ обычаямъ. И въ такихъ обстоятельствахъ русское правительство еще колеблется между двумя учрежденіями и даже склоняется въ пользу польской академіи. Какое святотатство въ этомъ, графъ, и какой это неизъяснимый рокъ всегда влечетъ правительства къ тому, что ихъ губитъ и отталкиваетъ ихъ отъ того, что ихъ спасаетъ"!

Если бы письма де-Местра къ графу Разумовскому написаны были въ 1806 г., и тогда попали бы въ руки Государю, ихъ постигла бы та же судьба, какая постигла прошеніе іезуитскаго генерала кс. Бржозовскаго: Государь не увлекся бы ими, и остались бы они въ кучѣ другихъ ненужныхъ бумагъ, такъ

какъ въ сущности они также малоубѣдительны, какъ и прошеніе Бржозовскиго. Теперь дѣло обстояло иначе. Письма де-Местра произвели впечатлѣніе на Государя, о чемъ онъ сообщилъ автору лично. Увидѣвши его во дворцѣ, Государь сказалъ графу: „Вы заставили меня прочитать такую вещь, которая доставила мнѣ большое удовольствіе."

Объясняется это обстоятельство, думаю, вотъ чѣмъ.

Въ концѣ 1810 г. и въ началѣ 1811 г. для Императора Александра I уже явно было видно, что въ скоромъ времени ему придется вступить въ тяжелую борьбу съ Наполеономъ. Въ такое время особенно цѣнно было подсчитать и усилить свои рессурсы съ одной стороны пріобрѣтеніемъ союзниковъ, а съ другой оживленіемъ и укрѣпленіемъ чувствъ преданности Престолу въ подданныхъ Россіи. Изъ переписки Императора Александра I съ Чарторыйскимъ, именно въ концѣ 1810 и началѣ 1811 г., извѣстно, что Государь очень желалъ привлечь на свою сторону поляковъ и обѣщалъ имъ за это возстановленіе королевства Польскаго подъ властью русскаго государя, съ присоединеніемъ къ нововозстановленному государству и западно-русскихъ областей по Двину, Березину и Днѣпръ. Этимъ способомъ Государь разсчитывалъ завоевать живыя и крѣпкія симпатіи къ себѣ со стороны всѣхъ поляковъ и въ указанныхъ имъ предѣлахъ. Но вѣдь и въ Бѣлоруссіи, которая должна была безусловно остаться въ составѣ Имперіи, было не мало лицъ, по своему вѣроисповѣданію, складу своей жизни и своихъ убѣжденій ничѣмъ не отличавшихся отъ поляковъ, жившихъ по ту сторону Днѣпра, Березины и Двины и долженствовавшихъ войти въ составъ возстановленнаго польскаго королевства. Какъ ихъ привязать къ Россіи? Письма де-Местра указывая на іезуитовъ, и помогали рѣшить этотъ трудный вопросъ. Вліяніе іезуитовъ на жителей Бѣлоруссіи всегда было велико. Этимъ именно вліяніемъ, по присоединеніи къ Россіи въ 1772 г., и сломлено было противодѣйствіе русской власти со стороны римско-католическаго духовенства, не хотѣвшаго приносить присяги Императрицѣ Екатеринѣ II. Это вліяніе іезуитовъ на бѣлорусское населеніе, какъ видно изъ приведеннаго выше свидѣтельства Чацкаго, было весьма сильно и теперь. И іезуиты могли, казалось, въ благодарность за исполненіе просьбы ихъ, воздѣйствовать на бѣлорусское населеніе

въ смыслѣ, желательномъ для правительства. На это и намекаетъ въ своихъ письмахъ графъ де-Местръ. „Исполненіе просьбъ іезуитовъ казалось тѣмъ болѣе цѣлесообразнымъ средствомъ къ достиженію намѣченной цѣли, что созданіе высшаго учебнаго заведенія въ Бѣлоруссіи удовлетворяло и желаніямъ мѣстнаго дворянства, тяготившагося отправкой своихъ дѣтей въ Университетъ отдаленной отъ нихъ Вильны.

Вотъ это то, думаю, и расположило Императора Александра I на образованіе въ составѣ недавно образованнаго имъ округа Виленскаго Университета новаго учебнаго округа.

Когда стало извѣстно, какъ относится Государь къ проэкту преобразованія Полоцкой коллегіи въ высшее учебное заведеніе, дѣлу этому былъ данъ оффиціальный ходъ.

16 октября 1811 г. генералъ іезуитскаго ордена Бржозовскій вошелъ къ министру народнаго просвѣщенія съ оффиціальной запиской о возведеніи Полоцкой коллегіи въ академію.

Сдѣлаю одну выдержку изъ его прошенія, указывающую, что іезуиты хотѣли добиться благосклонности государя именно обѣщаніемъ содѣйствовать поддержанію спокойствія въ краѣ и еще разъ намекнуть ему, что на Виленскій Университетъ въ этомъ отношеніи полагаться нельзя:

Можно-ли быть увѣреннымъ, что профессора (Виленскаго Университета), большею частію иностранцы, живущіе въ Россіи только потому, что за свою службу получаютъ жалованье, будутъ внушать своимъ ученикамъ чувства покорности, уваженія и преданности Государю, чувства, которыми молодежь должна быть проникнута? Что касается іезуитовъ, то я не думаю, чтобы можно имѣть малѣйшее сомнѣніе относительно ихъ принциповъ. Я не хочу выступать въ качествѣ апологета ордена, или хвалить его, что было бы не умѣстно; я скажу только, что правила, внушаемыя іезуитами ихъ ученикамъ, всегда были противоположны идеямъ о переворотахъ и революціяхъ, почему въ цѣляхъ лучшей подготовки всеобщаго переворота, котораго мы были свидѣтелями, задумали прежде всего удалить отъ молодежи этихъ вѣрныхъ стражей. Нѣтъ-ли у Россіи и другого еще ручательства полнѣйшей преданности іезуитовъ благу этого государства? Этому правительству мы обязаны своимъ существованіемъ; у насъ слѣдовательно не

можетъ быть другого интереса, какъ благо этого государства. Если бы мы не были вѣрноподданными по долгу и религіозному принципу, мы были бы таковыми въ силу своего собственнаго интереса и изъ благодарности правительству, отъ котораго мы получили все, что имѣемъ, и которое пріобрѣло неоспоримое право на нашу безграничную преданность. Правда, въ нашемъ орденѣ есть иностранцы, но какъ только эти иностранцы вступаютъ въ орденъ, они усвояютъ себѣ духъ, интересы и правила ордена. Неразрывно связанные съ учрежденіемъ, которое принадлежитъ имперіи, они становятся необходимо подданными имперіи и не могутъ имѣть интересовъ, которые были бы противоположны интересамъ государства *).

Такъ сладко пѣлъ генералъ іезуитскаго ордена. И онъ скоро добился того, чего хотѣлъ.

12 января 1812 г. данъ правительствующему сенату слѣдующій именный указъ: Въ уваженіе представленнаго намъ желанія Бѣлорусскаго дворянства и пользы для наукъ отъ соревнованія между нѣсколькими училищами равной степени, признали Мы за полезное возвести Полоцкую іезуитскую коллегію на степень академіи съ присвоеніемъ ей преимуществъ, дарованныхъ университетамъ. Вслѣдствіе сего утверждаемъ для сей академіи слѣдующія главныя положенія:

1) Полоцкая іезуитская коллегія отнынѣ имѣетъ именоваться академіей іезуитскаго ордена.

2) Ближайшее управленіе академіи ввѣряется іезуитскому генералу.

3) Всѣ іезуитскія училища, въ Россіи учрежденныя и впредь учреждаемыя, подчиняются Полоцкой іезуитской академіи.

4) Въ сей академіи юношество обучаться будетъ всѣмъ тѣмъ наукамъ, какія правительствомъ назначаются, за исключеніемъ медицинской науки и уголовныхъ законовъ.

5) По части воспитанія юношества іезуитская академія и подчиненныя ей училища главнымъ образомъ зависятъ отъ

---

*) Римскій-катол въ Россіи. Графа Д. Толстого. Прил. II.

министерства просвѣщенія; по другимъ же отношеніямъ они, на правилахъ сего ордена, зависятъ отъ духовной ихъ исповѣданія власти.

6) Орденъ іезуитскій, имѣя достаточные фундуши для содержанія своихъ училищъ, никакихъ сверхъ того пособій отъ правительства на Полоцкую академію получать не будетъ.

Вмѣстѣ съ этимъ генералу ордена поручалось начертать проэктъ устава Полоцкой академіи на основаніи вышеизложенныхъ главныхъ положеній и представить его министерству народнаго просвѣщенія для представленіи его на усмотрѣніе Государя *).

Генералъ іезуитовъ быстро исполнилъ возложенное на него порученіе, и 1 марта уже опубликована была Высочайшая грамота, данная Полоцкой іезуитской академіи **), которой было постановлено:

1) Полоцкая іезуитская коллегія, воспріявъ отнынѣ наименованіе академіи, пребудетъ подъ непосредственнымъ Нашимъ покровительствомъ и, состоя по учебной части въ совершенной зависимости отъ министерства народнаго просвѣщенія, управляема будетъ генераломъ іезуитскаго ордена.

2) Въ сей академіи преподаваемы будутъ науки, свободныя художества и языки, которые всѣ должны быть раздѣлены на три фалькутета.

3) Первый фалькутетъ заключаетъ въ себѣ языки, второй свободныя художества, философскія и другія, какъ естественныя, такъ и гражданскія науки, третій богословію и прочія науки, до вѣры касающіяся.

4) Фалькутетъ языковъ заключаетъ въ себѣ языки: 1) россійскій, 2) французскій 3 нѣмецкій. 4) латинскій, 5) греческій и 6) еврейскій; впослѣдствіи времени по усмотрѣнію и одобренію министерства народнаго просвѣщенія, генералъ ордена можетъ ввести еще какой либо другой языкъ, полезный въ государствѣ.

---

*) Сборникъ постанов. по мин. нар. просв. изд. 1864 г. Стр. 693—694.

**) Ibidem. Стр. 704—708.

5) Въ факультетѣ свободныхъ художествъ, философскихъ и другихъ естественныхъ и гражданскихъ наукъ преподаются: 1) поэзія, 2) риторика, 3) нравственная философія, 4) логика и метафизика, 5) физика всеобщая, частная и опытная, 6) химія, 7) математика чистая и прикладная, 8) архитектура гражданская и военная, 9) право естественное, право частное и право римское гражданское, 10) исторія естественная и 11) исторія всеобщая.

6) Для всѣхъ сихъ предметовъ академія имѣетъ потребное число профессоровъ.

7) Факультетъ богословія и другихъ наукъ, до вѣры касающихся, заключаетъ въ себѣ: 1) богословію догматическую, 2) богословію нравственную, 3) священное писаніе, 4) право каноническое, 5) священную исторію.

8) Каждый факультетъ имѣетъ особеннаго декана, избираемаго на опредѣленное время академическимъ ученымъ собраніемъ.

9) Избранія во всѣ академическія мѣста и должности имѣютъ быть производимы по большинству голосовъ въ полномъ собраніи академіи, и представляемы на утвержденіе генералу, а отъ него министру просвѣщенія.

10) Всѣ іезуитскія училища въ имперіи учрежденныя и впредь учреждаемыя подчиняются іезуитской академіи.

11) Генералъ ордена, не имѣя возможности всегда находиться въ Полоцкѣ по причинѣ обязанностей по его ордену, управляетъ академіею такъ, какъ то и всегда бывало въ этомъ орденѣ, посредствомъ провинціала и ректора сей самой академіи.

12) Ректоръ академіи имѣетъ при себѣ четырехъ совѣтниковъ или помощниковъ для облегченія его въ отправленіи должности и для совокупнаго разсужденія о важнѣйшихъ предметахъ.

13) Каждый деканъ факультета представляетъ ректору на усмотрѣніе, что найдетъ полезнымъ для введенія вновь въ употребленіе въ его факультетѣ.

14) При академіи находится канцлеръ, избираемый изъ людей извѣстнѣйшихъ по своимъ обширнымъ познаніямъ въ наукахъ, по своей неограниченной ревности и по испытанной способности къ исправленію обязанностей сего званія. Должность его есть вспомоществовать ректору въ распоряженіи ученіемъ, въ управленіи упражненій и публичныхъ актовъ и въ сужденіи о познаніяхъ тѣхъ, кои имѣютъ быть допущены къ актамъ и къ возведенію на степень.

20) Полоцкая іезуитская типографія состоитъ въ непосредственномъ вѣдѣніи тамошней академіи. Цензура печатаемыхъ въ ней книгъ ввѣряется тремъ ученнымъ членамъ общества, извѣстнымъ своими достоинствами.

23) Академія имѣетъ право возводить въ ученыя степени какъ то: въ достоинство магистровъ свободныхъ наукъ и философіи, также въ доктора богословія и правъ гражданскаго и каноническаго.

24) По уваженію того, что Полоцкая академія возведена на равную степень съ университетами, существующими въ государствѣ, аттестаты, отъ оной выдаваемые, имѣютъ равную силу съ аттестатами, выдаваемыми отъ помянутыхъ университетовъ.

25) Студенты, удостоенные по испытаніи аттестатовъ и похвальныхъ свидѣтельствъ отъ ректора академіи, при вступленіи въ службу получаютъ чины XIV класса.

27) Всѣ зданія, принадлежащія академіи, равно и загородный домъ близъ Полоцка состоящій, дабы профессоры и самые ученики могли во всякое время ходить туда для пользованія чистымъ воздухомъ и отдохновенія отъ тягостныхъ занятій, будутъ свободны отъ военнаго постоя.

28) Академіи позволено будетъ пользоваться знаками отличія, введенными въ употребленіе во всѣхъ академіяхъ европейскихъ.

10 іюня 1812 г. академія была торжественно открыта.

Замѣчательно, что когда вскорѣ послѣ открытія академіи генералъ іезуитскій явился къ директору департамента Мин.

Нар. Пр. Тургеневу благодарить его за участіе и содѣйствіе въ ихъ дѣлѣ, то послѣдній съ рѣзкою откровенностью на потокъ льстивыхъ фразъ Березовскаго отвѣтилъ ему: „это начало конца; теперь вы натворите столько дѣлъ, что васъ выгонятъ.“

Вмѣстѣ съ открытіемъ Полоцкой академіи прекратилась зависимость отъ Виленскаго университета всѣхъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній находившихся въ управленіи іезуитовъ.

Не нужно говорить, какое впечатлѣніе произведено было торжествомъ іезуитовъ въ Вильнѣ.

Отъ редакціи. Въ виду смерти А. В. Бѣлецкаго печатаніе настоящаго очерка приходится, къ сожалѣнію, закончить этой страницей, такъ какъ продолженія не имѣется.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

